

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 3–4 (48–49)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Цімафей Нявінскі,
Наталля Гарбунова

Фота
Юрый Дзядзінкін
Юлія Дарашкевіч
Photo.bymedia.net
Малюнкi
Уладзімір Чуглазаў

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 29.05.2006 г.
Дата выхаду 02.06.2006 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 145.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: baj@baj.ru,
press@baj.ru
<http://www.baj.ru>

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў, прыведзеных
у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Празднікі становяцца політыкай	2
«Пасядзелкі-2006»	3
«На свабоду — с чыстай сумленнем». Творчаская камандіроўка в места не столь отдаленные	6
Вяртанне братняга пляча	10
Гродно. Зона протывостаяння	16
«Мы не быдло...»	19
История одного интервью, или Путешествие со Швейком	23
«Мой опыт и образование здесь наверняка еще пригодятся»	26
Усходнееўрапейскі Ліван	30
Творчая брама	33
Пінскі фарватэр	34
Обмен проблемами	48
Мы отвечаем за всё	49
Не смотрите белорусское телевидение	53
Бесплатно — хоть в «Малиновый Джихад»	55
Беларусы Літвы	58
Удзячны вучань Клію	63

Праздники становятся политикой

Я уже писал, что моим коллегам по БАЖу стаканы в начале мая можно не мыть. 3 мая мы отмечали Всемирный день свободы прессы. 5 мая все «официальные», или, как их еще называют, «чэсныя», праздновали День печати — именно в этот день в 1912 году вышел в свет первый номер газеты «Правда». А 7 мая был День радио, который отмечали радиожурналисты давно закрытых независимых радиостанций «Рацыя» и «101.2».

Александр ТОМКОВИЧ

Пользуясь случаем, от всей души поздравляю всех коллег, независимо от места их работы, с минувшими праздниками. На мой взгляд, деление журналистов на «государственных» и «оппозиционных» аномально. К сожалению, нечто подобное произошло во всех сферах нашей жизни: людей стали определять как «своих» или «чужих». Понятно, по какому принципу. К сожалению, так поступают и власть, и оппозиция. На мой взгляд, никакие политические ориентиры не свидетельствуют о том, состоялся человек или нет. Сегодня, увы, по обе стороны барьера есть немало тех, кто по сути ничего особенного из себя не представляет. Убежден, что делить нужно только на тех, у кого есть совесть, и тех, кто о ней забыл или вовсе погряз в подлых поступках. По моему глубокому убеждению, каждый журналист должен стремиться к тому, чтобы писать то, что думает, и думать, о чем пишет. Не лицемеря и не обслуживая власти предрержащих.

Отдельно хочу поздравить коллектив «Нашай Нівы». Безусловно, у них сейчас довольно трудные времена. Думаю, что «наезд» на издание с весьма скромным тиражом объясняется элементарной завистью. Просто кто-то не может сделать продукцию лучшего качества и показывает «мускулы».

Подобный факт, к сожалению, не единственный. По данным Белорусской ассоциации журналистов, о системности действий белорусских властей весьма красноречиво свидетельствовала «зачистка» инфор-

мационного пространства накануне выборов в Палату Представителей (ПП) и референдума в 2004 году. Только за восемь месяцев, предшествовавших объявлению даты проведения выборов, число зарегистрированных в Беларуси изданий сократилось на 160. Увы, «процесс» продолжился в 2005 году, не прекращается он и по сей день.

Кроме того, был взят на вооружение и другой, не менее эффективный, но гораздо менее «шумный» метод — приостановка выхода неподконтрольных власти изданий. Непосредственно в период самих выборов в ПП Министерство информации приостановило выпуск 12 изданий общим тиражом 100 тысяч экземпляров, а с января по октябрь 2004 года периодически приостанавливался выход 19 независимых СМИ. Понятно, что такой «метод» наносит прежде всего экономический урон, ибо далеко не все рекламодатели согласны размещать рекламу в изданиях, которые выходят нерегулярно. И обвинять бизнесменов в отсутствии должного патриотизма, по меньшей мере, некорректно. Кроме того, известны случаи, когда руководителей фирм просто вызывали в налоговые инспекции и настоятельно рекомендовали не размещать рекламу в независимых СМИ.

Кстати, многочисленные отказы типографий демократическим изданиям в производстве печатной продукции, а также «Белпочты» — в организации подписки и «Союзпечати» — в распространении через киоски, тоже имеют ярко выраженную политическую цель и экономи-

ческий характер. Не зря ведь говорят, что политика является концентрированным выражением экономики. Тем же, кто попытался организовать распространение самостоятельно, перекрыли «кислород» вовсе. Расхожее мнение, что легче получить лицензию на распространение водки, нежели независимой прессы, имеет под собой конкретное основание.

Есть смысл отдельно напомнить о проведении в начале мая ставшей уже традиционной выставки СМИ Республики Беларусь, ибо это тоже относится к «политико-экономическим проблемам». Дело в том, что для частного издания такое «удовольствие» стоит весьма дорого. В отличие от государственной прессы, деньги там умеют считать. А рассказы госпропагандистов про «огромные гранты» — умышленное преувеличение, эта тема активно муссируется для того, чтобы хоть как-то оправдать свою несостоятельность и профессиональную подлость. К тому же нежелание принимать участие в подобных мероприятиях имеет и чисто психологические причины. Зачем «светить» то, что еще «не прихлопнули»? Уже и без того сотни журналистов из закрытых или «вусмерть» засуженных властями независимых СМИ лишены права на профессию. Большинство из них перебиваются временными заработками. Но каждый год отмечают Всемирный день свободы прессы. В стране, где эта свобода практически отсутствует.

«Пасядзелкі-2006»

Вольга БАБАК

Дэмакратычная журналісцкая супольнасць зазвычай ахвотна адзначае ўсе прафесійныя святы. Балазе вясна на іх шчодрая. Сівыя «зубры» на старой завядзёнцы 5 траўня святкуюць Дзень друку, «радыіцы» праз два дні — Дзень радыё. А 3 траўня мы ўсе разам адзначаем Сусветны дзень свабоды прэсы. У гэтыя дні БАЖ дасылае і атрымоўвае з-за мяжы дзiesiąткі віншаванняў ад міжнародных праваабарончых журналісцкіх арганізацый.

Аднак беларуская рэчаіснасць часцяком уносіць у нашу будзённасць нечаканыя карэктывы. Таму Асацыяцыя апроч святаў ужо каторы год ладзіць выязныя дні журналісцкай салідарнасці з рэдакцыйнымі калектывамі, якія зазналі прававую, палітычную ды эканамічную дыскрымінацыю. Летась, напрыклад, на беразе Нёмана мы правялі маёўку «Гродзенская зона — тэрыторыя рызыкі для незалежных журналістаў», на якую сабраліся супрацоўнікі часова прыкрытых ці ўвогуле ліквідаваных уладамі СМІ. Сёлета пад Мінскам былі «Пасядзелкі-2006».

Раніцай 17 красавіка стала відавочна, што сухім з «Пасядзелак» не выйдзе ніхто. Ачышчальны веснавы дожджык, безумоўна, цешыў — але ж не ў той дзень, калі БАЖ наважыўся «адкрыць сезон» і вывезці ў лес некалькі дзiesiąткаў сваіх сяброў! Тым не менш адмяняць лясную вандроўку было позна: вырашальным аргументам сталі загадзя закупленыя сала і бульба, а таксама алюмініевыя конаўкі з налёпкай «Пасядзелкі-2006» — прэзент, які ніхто, акрамя былых вязняў, не ацэніць...

Ідэя лясной імпрэзы з’явілася ў хуткім часе пасля выхаду на волю апошніх, 15-сутачных, «сядзельцаў». Як вядома, карпаратыўная салідарнасць найвастрэй адчуваецца ў крытычныя моманты, і ўсе разумелі, што момант якраз такі. Гэткай колькасці асуджаных журналістаў у Беларусі ніколі не было і (дай Божа!) не будзе. Пагадзіліся на тым, каб абысціся без афіцыёзу і пафасных прамоваў: проста вырашылі пабыць разам, пагаварыць, кульнуць чарку, паспяваць ля вогнішча...

Стрыжнёвая ідэя імпрэзы была ў тым, каб «раскруціць» былых вязняў на ўспаміны: нават абвесцілі конкурс на лепшы турэмны «прыкол». Кожны з калег-сядзельцаў падыходзіў да

пакунак з прадуктамі ахоўнікі не аддавалі так доўга, што ўся садавіна ў ім сапсавалася.

Адным з самых моцных уражанняў для Вадзіма Александровіча («Белорусы и рынок», 10 сутак) сталася годная пазіцыя калегаў-журналістаў, што адбывалі пакаранне разам з ім. «Мабыць, я буду заўсёды ўзгадваць, як спадар Дынько, галоўны рэдактар «Нашай нівы», пісаў уначы пры месяцовым святле свае турэмныя нататкі... Такая адданасць прафесіі не можа не выклікаць шчырай павагі», — прызнаўся Вадзім.

імправізаванай сцяны з кратамі і расказваў гісторыю свайго затрымання і зняволення.

Вялікім поспехам у прысутных карысталіся тэксты пісьмовых адказаў з ГУУС Мінгарвыканкома і пракуратуры г. Мінска на скаргі БАЖ пра парушэнні правоў затрыманых журналістаў. Некаторыя вытрымкі з гэтых пасланняў агучыў намеснік старшыні нашай грамадскай арганізацыі Андрэй Бастунец. Гучныя апладысменты выклікаў абзац, дзе гаварылася, што на працягу сутак адміністрацыя спецпрымальніка-размеркавальніка на Акрэсціна паведаміла пра месцазнаходжанне затрыманых іх блізкім, што «матэрыяльна-пабытовыя ўмовы іх утрымання ад-

павядалі ўстаноўленым нормам» і да таго падобнае.

Рэакцыя на гэты ўчарашніх вязняў-журналістаў стала зразумелай пасля іх уласных расповедаў. Да прыкладу, Таццяна Ваніна (вольны журналіст, 7 сутак) расказала, што сям'я даведлася пра яе лёс і месцазнаходжанне толькі на трэці дзень пасля затрымання. Антон Тарас (вольны журналіст, 11 сутак) узгадаў, што першыя тры ночы на Акрэсціна, пакуль не прымалі перадачы з волі, яму з сукамернікамі давялося спаць на голых жалезных нарах, а першы

Вадзіма Казначэева (інтэрнет-сайт АГП, 10 сутак) асабліва ўзрушылі фармулёўкі з міліцэйскіх рапартаў, якія агучылі ў судзе: уласна яму, да прыкладу, інкрымінавалі выкрыкванне «антыдзяржаўных лозунгаў кшталту «Жыве Бела-

русь!». «На мой погляд, больш прадзяржаўнага лозунга ўявіць сабе немагчыма. Я ўжо не кажу пра тое, што журналіст звычайна не выкрыквае лозунгаў на мерапрыемствах...». Па інфармацыі Вадзіма Казначэева, у адным міліцэйскім рапарце нават фігуравала фармулёўка «антыўрадавы лозунг «Не — фашызму!»».

З рацыяналізатарскай прапагандай выступіў ганаровы гошч «Пасядзелак» рэжысёр Валеры Мазынскі, які выказаў жаданне ў наступны раз сядзець у адной камеры з жанчынамі. Ён абгрунтаваў гэта прафесійнымі складанасцямі: падчас працы над турэмнай пастаноўкай п'есы М. Горкага «На дне» сукамернікі рэжысёра наадрэз адмаўляліся выконваць жаночыя ролі...

Бадай, кожны з выступоўцаў звяртаўся да кулінарнай тэмы: відавочна, успаміны пра турэмнае харчаванне дагэтуль цярэбляць душу і страўнікі былых вязняў. Паводле слоў Тацяны Снітко («Наша ніва», «Прима-News», 4 сутак у жодзінскім СІЗА, потым — штраф), іх камера знайшла немудрагелісты спосаб узбагачаць свой рацыён, пакуль не было перадач з волі. «Рэч у тым, што на абед нам давалі нармальны суп і шмат кашы, але не давалі нічога піць. А вячэра была з варанай кіслай капусты, якую проста немагчыма было есці, — узгадвае журналістка. — У нашай камеры была дзяўчынка з тусоўкі патрыятычных панкаў, якая прыдумала рабіць так званыя «кашбургеры».

Бярэш акраец чорнага хлеба, дастаеш мякіш, кладзеш туды недаедзеную з абедна кашу, потым маскіруеш яе мякішам — і кладзеш на палічку. І ніхто з ахоўнікаў не чапляецца! А ўвечары выкідаеш капусту і ясі гэтыя «кашбургеры» з паўшклянкай гарбаты...»

Менавіта за кратамі нарадзіліся рэцэпты кактэйлю «Жодзінская вязніца» (у шклянку вады з-пад крана дадаць некалькі кропель натуральнага соку), бутэрободаў «Будні апазіцыянера» (на хлеб пакласці адразу некалькі гатункаў каўбасы, сыру, сала і г. д., прынесеных у перадачах), цыгарэтаў «Чорны бусел» з варыяцыямі «light» і «superlight» (асяродак веніка плюс сінтэпон) і г. д.

А колькі шчымлівых рамантычных гісторый, вартых уважання ў творах найноўшага беларускага кінематографа, было назапашана за гэтыя веснавыя тыдні! Белы цюльпан у бу-

«Дзяўчаты, трымайцеся! Жыве Беларусь!»...

Тацяна Снітко: «Там вельмі адчувалася, што нас даволі шмат: не толькі за кратамі, але і на волі. Калі я выйшла, то адчула, што нават людзі, якія падчас прэзідэнцкіх выбараў галасавалі за Лукашэнку, але ведалі мяне з дзяцінства, не верылі, што я — спонсар наркаманаў альбо злачынца, як пра тое распавядала БТ... Знаёмыя тэлефанавалі мне нават з аддаленых вёсак і выказвалі падтрымку. І таму я лічу, што гэта быў вельмі станоўчы момант як для Беларусі, так і для мяне асабіста...»

Дар'я Кастэнка («Адукацыя і выхаванне», 10 сутак): «Калі на плошчы мы ўсе селі і счэпілі рукі, мне стала не так страшна. І зараз, калі мы выйшлі на волю, у мяне ёсць адчуванне, што мы дагэтуль у гэтай «счэпцы», якая ахапіла ўжо вельмі вялікую частку нацыі, якая пашыраецца з кожным днём. Пакуль мы ў гэ-

тэлыцы з-пад мінералкі, які дзяўчаты ўпасалі ахоўніка перадаць у суседнюю камеру на дзень нараджэння сяброўкі, а потым на ўсю турму спявалі «Happy birthday!»... Лекцыі па скандынаўскай міфалогіі і пераказ «Ладзі распачы» Караткевіча перад сном... Кветкі і шахматы, вылепленыя з хлебнага мякішу... Хованкі пад коўдрай падчас турэмнай пераклічкі (першакрасавіцкі жарт)... Ахоўнік, які зачыняе камеру ўвечары і ціхутка кажа:

тай «счэпцы», нам не страшна...»

Мікалай Тоўсцік («Прайм-ТАСС», 15 сутак): «Ведаецца, гэта былі далёка не горшыя суткі ў маім жыцці. Такі «канцэнтрат» разумных людзей рэдка можна сустрэць на волі. Адзін мой знаёмы паляк казаў, што ў часы «Салідарнасці» кожны «польскі пан», які паважаў сябе, адсядзеў у турме ў сярэднім па 2 месяцы. Вось і падлічыце, колькі кожнаму з нас засталася!..»

«На свободу — с чистой совестью»

Творческая командировка в места не столь отдаленные

После моего выхода из жодинского СИЗО при тюрьме особого режима мне несколько раз задавали вопрос: почему я не мог выйти из оцепления и перебраться туда, где находилось большинство журналистов?

По следующей причине. Незадолго до разгона палаточного городка я говорил там с известным правозащитником, обозревателем российской «Новой газеты» Александром Подрабинек. Еще за несколько минут до этого — с Павлом Круком, единственным, наверное, представителем украинской «Поры», который смог просочиться в Беларусь. Казалось бы, «что им Гекуба, что они Гекубе?» — однако оба оставались там. А я все-таки кроме того что журналист, еще и гражданин этой страны.

Вадим КАЗНАЧЕЕВ

И когда Дмитрий Дашкевич объявил в микрофон: «В лагере не осталось ни одного журналиста», — единственным порывом было идти с удостоверением и разъяснить, что это не совсем так. Что я и сделал, и не только я: коллеги, оставшиеся в палаточном городке, мыслили точно так же.

В профессиональном плане непосредственное ознакомление с отечественной пенитенциарной системой оказалось, безусловно, полезным — но в тот момент я, ей-богу, вовсе не рвался в герои. Просто так уж вышло.

Из «агентурного» анализа

На площади Калиновского (так обитатели палаточного городка переименовали Октябрьскую площадь столицы) я рассказал Александру Подрабинек об измышлениях местного КГБ, согласно которым белорусских боевиков готовили в Грузии арабские террористы под руководством американских инструкторов. Подрабинек ничуть не удивился: «Еще в советские времена я тоже был англо-американским шпионом и вдобавок агентом израильского сионизма. Стилль тот же».

Александр Подрабинек — диссидент и правозащитник с большим стажем, подвергавшийся за свою деятельность преследованиям еще в Советском Союзе. Вновь попасть в тюрьму по политическим мотивам ему довелось в нынешней

Вадим Казначеев и Татьяна Снитко. «Сутки» — в прошлом...

Беларуси: от Советского (символическое название) райсуда Минска Подрабинек получил 15 суток и отсидел их в извест-

ном спецприемнике на Окрестина. Это невзирая на то, что Подрабинек приехал в Беларусь как корреспондент российской

«Новой газеты». Таким образом, Советский суд (как говорится, «самый гуманный суд в мире»), как много лет назад, опять сделал известного правозащитника «агентом».

«А. Подрабинек является одним из самых влиятельных российских правозащитников и обладает безупречной репутацией. Задержание А. Подрабиника мы считаем вызовом российскому обществу и осознанным антироссийским демаршем. Требуем неотлагательного вмешательства российского МИДа в судьбу А. Подрабиника и других россиян, задержанных режимом Лукашенко», — такая оценка звучала в российских СМИ.

Я успел побеседовать с Александром, до того как мы оба вместе с обитателями палаточного городка отправились за решетку.

«Трудно угадать, чем это завершится в конечном итоге, — сказал А. Подрабинек. — Уверен только в одном: нельзя на этом останавливаться. Палатки на площади, изменения в связи с этим в общественном сознании — это только один из этапов. Взят этот рубеж — надо брать следующий. Власть спасовала — это очевидно, какие бы действия она ни предприняла в дальнейшем — и в любом случае должна быть экспансия, необходимо наращивать усилия.

Ясно видно, что люди хотят свободы. Второй важный момент — людей вдохновляет успех. Они показали — и самим себе, и всему обществу, — что власть не может делать с ними все, что заблагорассудится».

Из кодекса спецназовской этики

«Задержание проводить корректно! Без насилия и оскорблений! Кто не понимает, потом объясню индивидуально!» — доносился из раций командирский голос. Не знаю, самого полковника Подобеда или другого офицера, руководившего разгоном палаточного городка. Также не знаю, было это реальным стремлением соблюсти законность или же желанием не создавать картинку (разгон все-таки снимали на теле- и фотокамеры). Как бы там ни было, если даже первое — значит, спецназовцы на своих командиров, как гово-

рится, попросту «забили». В МАЗе, где ехал я, лгать не буду, никого не избивали. Однако, позвонив оттуда, я оставил на некоторое время мобильник включенным — и мы сполна прониклись атмосферой: из соседнего автозака несся сплошной мат.

Кстати, на фоне грязной ругани, без которой спецназовцы, судя по всему, обходиться не умеют просто по природе, особенно занятно выглядят приговоры некоторым журналистам, которым эти же матерщинники инкриминировали «нецензурную брань в общественном месте». К примеру, с подобным «обвинением» отправились за решетку коллеги Вадим Александрович и Андрей Дынько, от которых я грязных слов не слышал никогда в жизни (сам подобной добродетелью, увы, похвастаться не могу).

Многие задержанные рассказывали об избиениях и издевательствах — и в МАЗах, и на Окрестина. В частности, в спецприемнике-распределителе я находился на 4-м этаже — и там среди ночи нескольких молодых людей одного за другим заводили в кабинет, где, как они свидетельствуют, били. По спецназовским меркам, не слишком сильно — скорее, запугивали и издевались: к примеру, разгонялись, имитируя намерение сильно ударить, и резко останавливались; кому-то попало в солнечное сплетение, кому-то — по шее, кого-то таскали за нос... Правда, занимались этим лишь четверо спецназовцев с весьма характерными лицами (если можно в данном случае употребить это слово) — из разряда тех, о которых поэт сказал: «Уродись я с такою мордою, я б надел на нее штаны».

Били и при задержании — не дубинками, которые висели на поясах (явно для той же картинки), но кастетами, или как там у них называется этот прибамбас, надетый на руки. Опять же, не говорю о себе — мне сказали: «Пройдите, пожалуйста, в автобус», — и это стало единственной, пожалуй, привилегией журналиста. Но других задерживали жестче, кому-то перепало: и сам видел, и люди жаловались.

Что ж, ежели не «мочили» дубинкой, а просто дали разок кулаком по башке и покрыли ма-

тыгами — наверное, для доблестных спецназовцев это и есть максимально корректная форма задержания.

Из эмоций

В длинном окрестинском коридоре арестантов уткнули лицом в обе стены — по гендерному признаку. «Мужская» стена была уставлена так, что яблоку было негде упасть (это я фигурально: яблоки, наряду с прочими вещами, уже изъяли). Стоять в конце концов надоело, к тому же затекла нога. Поэтому я немножко нарушил заявленный порядок и стал прогуливаться по коридору. Тем временем возле спецприемника проходил митинг; вероятно, какие-то люди (правозащитники? журналисты? представители посольств?) проникли и в само здание. По крайней мере, на меня обратили-таки специальное внимание: «Журналист, уйди, не маячь перед дверями, стань к стене!» Исполнить это указание было не так-то легко, мне пришлось пройти в противоположный конец коридора, где я нашел свободное местечко. Как оказалось, не вполне удачное: «Отойди от двери камеры!»

«Что вы меня гоняете из конца в конец?!» — огрызнулся я и побрел «погулять» вдоль другой стенки, выискивая глазами коллегу Танечку Снитко из газеты «Наша нiва». Как только нашел — прекрасную половину арестантов стали разводить по камерам, поэтому перемолвиться не удалось, обменялись только парой ободряющих слов. Зато мы крепко обнялись и еще крепче поцеловались. Эстетика в этом, несомненно, присутствовала (почему и рассказываю эту историю): длинный коридор со специфическим ароматом тюрьмы, лицом к стене с руками за спиной плотно стоят арестованные. Камеры, решетки, охранники... И посреди всей тюремной затхлости — сольния чувств! «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете!» — цитата из Сталина также представляется уместной.

Видимо, такие действия для окрестинского спецприемника все-таки были несколько нетипичными. Во всяком случае, милиционеры обалдели совершенно: они ничего нам не сказали, но, раскрыв рты, глядели на нас

круглыми глазами; причем продолжали пристально наблюдать за мной с тем же выражением лица, даже когда Татьяну уже запихнули в камеру. Я, как примерный арестант, скрестил ручки за спиной и уткнулся мордой в стеночку, которая уже превратилась в мою персональную: возле этой стены (в отличие от противоположной) теперь не стояло ни одного человека.

Из знакомств

Во второй раз мы встретились с Павлом Круком уже в окрестинской камере. Активист украинской «Поры» пробрался в Минск каким-то чудом: по его словам, в предвыборные дни и ночи белорусская сторона высаживала из поездов и заворачивала обратно огромное число граждан Украины (равно как и Грузии). На площади Калиновского Крук стоял с украинским флагом и с флагом «Поры».

Павло принимал активное участие в «оранжевой революции» в своей стране. Сравнивая ситуацию в Украине и в Беларуси, он отметил, что у нас положение несравнимо более тяжелое: «В Украине был 5-й канал, который объективно освещал события, — а у вас во всех СМИ бешеная пропаганда, и альтернативных источников информации практически нет».

При этом Павло признался: «Беларусь потенциально — гораздо более европейская страна, чем наша Украина. Ваши люди ведут себя по-европейски. Когда у вас переменится власть, у вас все получится».

В камере также находился россиянин Олег Козловский, который уже успел повстречаться с российским консулом. По словам Козловского, встреча была чисто формальной: сколь-либо живого участия в судьбе соотечественника консул даже не имитировал, просто поставил «галочку».

В семиместную камеру посадили 21 человека — ровно по трое на одни нары. Подобное было не только в нашей камере: окрестинская тюрьма такого количества арестантов переварить не смогла. Поэтому 186 человек

(цифру сообщали по спецназовским рациям) повезли в Жодино, где нас встретила надпись на стене большими красными буквами: «Тюрьма особого режима».

Из усердия

Судебный конвейер был запущен на полную катушку через без малого четверо суток после того, как на Октябрьской площади столицы произошли аресты. Судьи трудились в поте лица, и производительность этого, с позволения сказать, труда (т. е. скорость штамповки приговоров) была высокой. Причем сами административные сроки как-то очень мало зависели от «состава правонарушения». Скорее, от случайных факторов: какой суд (судья) попался, какие «ветры» вдруг подул из начальственных кабинетов, насколько взыскателен тот или

вались меньше, чем рядовые участники.

Мой сокамерник Сергей Жук, еще в феврале исключенный из политеха (в смысле, БНТУ) по политическим, как он рассказал, мотивам, получил 15 суток, хотя в число организаторов не входил. За что же? По его словам, он объяснил судье В. Зенькович, что он думает «об этом режиме, о Лукашенко и о судебной системе». Мне только и оставалось сказать: «Ну нашел же ты себе собеседницу».

Из сталинского наследия

Что касается персонально моего дела, то была какая-то видимость суда (совершенно, впрочем, минимальная). В отличие от большинства заседаний, которые были закрытыми, в моем случае в кабинет допусти-

иной обвиняемый к процедуре заседания (выразившие несогласие с протоколом или требовавшие адвоката обычно получали по максимуму — 15 суток) и т. п.

Некоторые судьи старались, в рамках дозволенного, давать минимальные наказания. Рассказывали про пожилую женщину-судью, у которой при зачитывании приговоров дрожал голос, тряслись руки, а одно из решений она даже выронила. Ну и подняла, и продолжила чтение. Другие судьи, наоборот, усердствовали. Таким образом, организаторы зачастую наказы-

ли представителей СМИ, правозащитников и адвокатов из Белорусской ассоциации журналистов. Доктор юридических наук, заслуженный юрист Беларуси, бывший член Конституционного суда (последнего легитимного его состава, до «референдумного переворота» 1996 г.) Михаил Пастухов и сотрудник правовой службы БАЖ Юрий Топорашев обратили внимание суда на грубейшие нарушения. Так, к примеру, период времени между задержанием и составлением протокола по закону не должен превышать 3 часов — а у меня (как, соб-

ственно, и у остальных) он растянулся на 12 часов. В связи с фактом защитники указывали на необходимость частного определения суда. Далее юристы, разложив по полочкам многочисленные положения законодательства, объясняли судье совершенно очевидную, казалось бы, вещь: журналист имеет право беспрепятственно выполнять свои обязанности, в том числе во время уличных акций.

Однако судье (кстати, полностью тезке другого юриста, непреклонного и пропавшего без вести, — Виктора Гончара) очевидным казалось иное: никто из обвиняемых не должен быть оправдан. Он предпринял вялую попытку вызвать свидетелей-спецназовцев, написавших в рапортах, будто я «выкрикивал антигосударственные лозунги «Далоў Лукашэнку!» и «Жыве Беларусь!». Но, когда судье сообщили, что этих спецназовцев уже нет в Минске, оказалось достаточно и их бумажек (где, как водится, на всех обвиняемых был составлен практически одинаковый текст). Приговор — 10 суток.

Можно отметить абсурдность самой формулировки, растиражированной спецназовцами: лозунг «Далоў Лукашэнку!» антигосударственным никак не является — речь идет не о государстве, а уж «Жыве Беларусь!» и подавно напрямую прославляет страну. Впрочем, не только я, но и никто из журналистов ничего на площади не выкрикивал. Более того, когда спецназ принялся окружать площадь и затем задерживать людей, лозунгов вообще никто не скандировал — так что в рапортах содержатся лжесвидетельства, говорю об этом как очевидец происшедшего.

По закону и по здравому смыслу показания заинтересованной стороны никак не могут становиться решающими: «слово против слова» должно трактоваться исходя из презумпции невиновности. И прочее, и прочее, и прочее...

Однако это самое «слово против слова» трактовалось как раз с точностью до наоборот. Стася Гусакова из Витебска, отсидевшая в том же Жодино, рассказывала, что, когда она заявила о лживости спецназовских показаний, судья Первомайского района Ольга Шумская сорва-

лась на крик: «Мы не имеем права не верить сотрудникам правоохранительных органов!» Что и говорить — оригинальное представление о праве.

Еще забавная формулировка из моего судебного постановления (хотя она, наверное, стандартная): «Учитывая степень общественной опасности совершенного правонарушения, данные о личности привлекаемого...» Данные о моей личности у судьи были, в общем-то, только те, что я журналист. В этом же, вероятно, заключалась и общественная опасность.

Одному из моих сокамерников по жодинскому СИЗО вместе с колбасой и фруктами передали и духовную пишу — «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. В камере эта книга читалась вслух — и мы поражались количеству сходных моментов. Нет, никак не случайно белорусский официоз не просто старается обелить Сталина, а поднимает его на щит. В масштабах и жесткости репрессий различия, разумеется, существенные — однако методологически это очень похоже. Чрезвычайное сходство — в отношении к праву как таковому и к каждому отдельно взятому человеку, попавшему в тиски судебной системы.

Так что акцентировать правовые аспекты особого смысла не вижу. Здесь любопытнее другие, чисто человеческие моменты. Не сомневаюсь, что после смены власти этот судья (как и другие, и не только судьи) скажет: «Я был вынужден, я ничего не мог сделать...» А может, и не после, но и теперь, если найдутся друзья, которые упрекнут на кухне: как же ты, мол, такие подлости творишь?

Как говорится, «отмазка не катит»: за отказ от сталинских методов ныне здравствующему Виктору Гончару, в отличие от его опального тезки, дуло пистолета отнюдь не грозит. Каждый человек на своем месте делает собственный выбор. В том числе и каждый Виктор Гончар.

Из камерного

В жодинской камере сидели разные люди: студенты, католический священник из Орши Андрей Сидорович, системный администратор одного из интер-

нет-клубов Евгений Лобанов, у которого с собой была флэш-память для компьютера, — на Окрестина эту «флэшку» занесли в опись вещей как зажигалку.

Женя успел поработать в разных фирмах и хорошо осведомлен о состоянии бизнеса в нашей стране. Поэтому он считает целиком закономерными оппозиционные настроения в предпринимательской среде. «После избирательной кампании, я боюсь, чиновники уже не скрываются будут беспардонно грабить», — сказал Женя Лобанов.

С жутко кондовыми официальными новостями по радио «Сталіца», на которое была настроена радиоточка в камере, стали соседствовать интересные поздравления в передаче «Свята кожны дзень» (вот уж воистину названьице — как специально для арестантов!). Когда вышли «пятисуточки», зазвучали поздравления тем, кому довелось отмечать день рождения в камерах, от родственников, от товарищей по работе и учебе: «тому, кто находится сейчас в городе Жодино», «в 10-дневной командировке», «в каком-то санатории... Музыкальный репертуар «Сталіцы» пополнился рядом заказанных песен — без прямого политического подтекста, но защитниками палаточного городка они воспринимались как знаковые. А фраза ведущего: «Раз уж так сложились обстоятельства, нельзя оставаться в стороне, надо оказывать поддержку», — удивительным образом связала нас с солидарными людьми на свободе.

После судов пошли передачи. Помимо книг, газет и съестного в камеру попали вещи «провокационные». «Бумага туалетная, — читает студент БНТУ Саша Пирейко. — Сокращено — БТ!!!»

Был однозначно не тот случай, когда «правонарушителям» следовало раскаиваться в совершенных деяниях. Никто из большого количества людей, с кем довелось пообщаться, тако и не сделал. Именно поэтому можно сказать, что на свободу все вышли с самой что ни на есть чистой совестью.

Р. S. Все имена названы либо с разрешения их носителей, либо из официальных документов.

Вяртанне братняга пляча

Турма спрыяе філасофскім роздумам, на якія ў мітусні будзённага жыцця нестася часу. На нарах жа нішто не замінае. Дэфіцытны стан, які трэба цаніць.

Мікалай ТОЎСІК

Выбар

— Божухна! Бацька! А ты як з гэтымі адмарозкамі да нас патрапіў?! — перавёўшы позірк з пашпарта на сівыя рэшткі маіх валасоў, здзіўлена зароў дзяжурны маёр.

Па яго вырачаных вачах было відаць, што ён напружана шукае нейкае зразумелае для сябе тлу-

мачэнне, як мажны 55-гадовы дзядзька апынуўся ў начной кампаніі скрываўленых маладзёнаў,

Для здзяйснення ўчынку і адмовы ад яго розныя людзі часта выкарыстоўваюць аднолькавыя аргументы.

якіх прывезлі ў спецпрымальнік на Акрэсціна. Некаторыя з іх былі

апанутыя ў разадраныя курткі, на якіх выразна шарэлі брудныя адбіткі цяжкіх амапаўскіх чаравікаў. Ага, пэўна, маёр усё ж нешта змякіціў.

— Ты, мусіць, вырашыў з жонкай падзарабіць, цягаючы на плошчу рыззё для гэтых лайдакоў? — па-змоўніцку падміргнуў ён мне. — Ну вось і зарабіў на старасці гадоў. Сутак пяць, не меней...

Ён памыліўся, гэты шматвартны акрэсцінскі дзяжурны. Суд Ленінскага раёна Мінска адмераў мне не пяць, а пятнаццаць сутак знаходжання на нарах. «Вышэйшая мера» пакарання паводле Адміністрацыйнага кодэкса. Але я не крываўю. Галоўнае, што не патрапіла за краты мая жонка Тамара. Сярод ночы яе з «бамжатніка» выпусцілі. Праўда, пасля выклікалі ў суд і ўлупілі 620 тысяч рублёў штрафу.

Пытанне таго маёра я потым часта ўспамінаў у камеры. Турма спрыяе філасофскім роздумам, на якія ў мітусні будзённага жыцця нестася часу. А тут, на нарах, нішто не замінае. Дэфіцытны стан, які трэба цаніць.

Я даўно заўважыў, што для здзяйснення ўчынку і адмовы ад яго розныя людзі часта выкарыстоўваюць аднолькавыя аргументы.

— Вось ты пайшоў з жонкай на плошчу, а я не мог. У мяне ж дзеці!.. — вырашыў чамусьці пакаяцца даўні знаёмы, патэлефанававшы пасля майго вяртання.

Ну не пайшоў, дык і не пайшоў. Як кажуць, не судзіце...

Што ж тычыцца мяне, дык я 19 сакавіка з'явіўся на Кастрычніцкай плошчы з той жа прычыны, якая майго знаёмага ўтрымала дома на канапе: у мяне дзеці!

Дакладней, 16-гадовы сын. Да вундэркіндаў-кніжнікаў ён не належаць, больш рок-музыкай цікавіцца, але ж і не ёлуп. Тры гады таму раптам захапіўся беларускай мовай, гісторыяй і па-

Прыстойнаму чалавеку хлусіць і паклёпнічаць не загадаеш. Для прыстойнага чалавека такая прапанова невыносна абразлівая.

ступіў у коласаўскі ліцэй, які ўлады тады якраз зачынялі. З таго часу там і вучыцца, туляючыся разам з сотняй іншых ліцэйстаў па мінскіх кватэрах. Гэтыя нязручнасці — невысокая плата за магчымасць адукавацца ў нацыянальнай і еўрапейскай эліты. У свае хлапечыя гады сын вучыўся ў Лявона Баршчэўскага і Пятра Садоўскага, Васіля Сёмухі і Андрэя Хадановіча, сустракаўся з Анджэем Вайдам, Лехам Валенсам і Кшыштафам Занусі, жыве ў час выязных ліцэйскіх сесіяў у Вільні, Варшаве і Гданьску, бачыў Берлін, Парыж і Ліён. Воля і дэмакратыя для яго — не абстракцыя, а абавязковая ўмова жыцця. Прэзідэнт краіны — не ўсемагутны бацька нацыі, а менеджэр, наняты грамадзянамі на строга вызначаны тэрмін для выканання пэўных кіраўніцкіх абавязкаў і грамадству ж падпарадкаваны.

Карацей кажучы, у хлопца ёсць усе падставы, каб яго выстаўлялі ў сучаснай Беларусі «белай варонай», а ў перспектыве залічылі ў «адмарозкі». Адзін немалы начальнік неяк раіў мне пакласці сына на лаву і ўдоставіць пачаставаць папругай, каб не перашкаджаў бацьку рабіць кар'еру. Але як на мой розум, дык добраў лупцоўкі даўно вартыя менавіта многія начальніцкія дупы — за зацятую прыхільнасць да дубовых прынцыпаў і замшэлых тэхналогіяў кіравання краінай. Гэтыя прынцыпы і тэхналогіі разам з іх носбітамі паставілі будучыню Беларусі ў залежнасць ад дабрадзейнасці чужога дзядзькі, які захоча — падтрымае таннымі энергарэсурсамі, а не за-

хоча, дык за лічаныя месяцы ператворыць нас у жабракоў.

Адчуванне спыненага жыцця і неабходнасці пераменаў — вось што штурхала 19 сакавіка на плошчу тысячы людзей. Ідэя нязменнасці, стабільнасці, якая культывуецца цяпер у Беларусі, — гэта ідэя старэчага эгацэнтрызму. Дзецям, моладзі ў ёй месца няма. Людзі майго веку мо і ў стане дажыць свае дні па законах архаічнага вясковага патэрналізму. Але тым, хто ідзе за намі, патрэбна іншае грамадскае паветра. Па сутнасці гэта

канфлікт дзвюх цывілізацыяў у адной краіне.

Новы пляц, новыя імёны

Вырашылі ісці ўсёй сям'ёй. Апануліся ў старое — на выпадак «хапуна». Паклалі ў кішэні бутэрброды. Узялі бутэлькі з вадой і чыстыя насоўкі, каб ратавацца ад газаў. Пакуль дабіраліся да Кастрычніцкай плошчы, напакалі знаёмых — сям'ю вядомага журналіста. Яны таксама ішлі ўсе разам — бацькі і сын.

Ого, колькі нас сабралася на плошчы! Тысяч трыццаць, не менш. Лунаюць бел-чырвона-белыя сцягі. Ледзь не ўсе машыны, што едуць міма, сігналяць «Жы-ве Бе-ла-русь!». Атмасфера

прыўзнятая, сяброўская, аптымістычная.

Асабіста я ўпэўнены, што ўлада, сама таго не жадаючы, вельмі дзейсна папрацавала над тым, каб сабраць велізарны натоўп у цэнтры Мінска. Рана ці позна гэта павінна было здарыцца. Бо, калі апазіцыі няма ў парламенце і ў прэсе, яна абавязкова з'явіцца на вуліцы. І няхай яшчэ ўлада (а мо і ўсе мы) падзякуе Богу, што на плошчу вываліла ў асноўным інтэлігентнае кампютарнае пакаленне: у шматтысячнай гурме нават нагу нікому не

адціснулі. Хаця напярэдадні за выхад на дэманстрацыі народ палохалі магчымымі тэрактамі і вышэйшай мерай пакарання. Але разумны інтэрнетаўскі люд, жыва прааналізаваўшы сітуацыю падчас сваіх форумнаў, прыйшоў да высновы: усё гэта правакацыі і лухта. Калі збяромся разам і нас будзе шмат — прымяняць сілу не адважацца. Так яно і здарылася.

Аднаго не мог улічыць «народ тутбаеўскі»: што ні ў «Мілі», ні ў «Козі», ні ўвогуле ў «апаў», як яны называюць Мілінкевіча, Казуліна і старую апазіцыю, не было плану дзеянняў на выпадак выхаду на вуліцы дзесяткаў тысяч людзей. Не верылі кіраўнікі структураванай апазіцыі ў такое развіццё падзей, хаця напярэдадні выбараў палохалі ўладу і

падбэдзёрвалі сябе менавіта абяцаннямі наладзіць масавыя акцыі пратэсту.

Назаўтра на Кастрычніцкай плошчы я не ўбачыў ужо многіх праграмістаў і менеджэраў, якіх сустракаў у вялікім офісным бу-

З вязніцы я выйшаў з адчуваннем, што скончыў калі не яшчэ адзін універсітэт, дык добрыя асветніцкія курсы.

дынку, дзе працаваў. Затое ксячком пайшла моладзь са студэнцкімі і вучнёўскімі plecакамі. Мусіць, прыходзілі проста з урокаў і лекцыяў. Хутка рос намётавы гарадок свабоды на плошчы, перайменаванай хлопцамі і дзяўчатамі ў Пляц Волі імя Кастуся Каліноўскага. Яго стварэнне было актам нябачанай дагэтуль грамадскай самаарганізацыі моладзі. Пасадзіўшы перад выбарамі ў турмы многіх дзеячаў ленаватай і не дужа паваротлівай «традыцыйнай» беларускай апазіцыі, улада расчысціла палітычную прастору для новых, больш сучасных і дынамічных лідэраў супраціву. Яны ўжо з'явіліся і сказалі сваё слова.

І, упэўнены, не аднойчы скажуць яшчэ.

Супрацьстаянне

Маладзёны звярнуліся да прысутных на плошчы з просьбай дапамагчы насельнікам намётавага гарадка харчам і цёплымі рэчамі. Многія людзі кінуліся ў бліжэйшыя крамы. Сын таксама некуды знік, сустрэўшы гурму сябрукоў і сябровак. Мы з жонкай збіраліся дадому, дзе ў балконных шафах ляжала яшчэ ладная старая зімовая вопратка — акурат каб падсцяліць на брук.

Мех напакавалі вялікі і цяжкі. Давялося выклікаць таксоўку. Калі разгрузаліся каля будынка «Белтэлекома», нас і затрымаў амапавец. Хутка падляцеў міліцэйскі «ўсюдыход», які далёка не павёз, завярнуўшы за Палац Рэспублікі. Там зеўраў адчыненымі дзвярыма аўтобус з заценымі вокнамі.

Мы з жонкай, пэўна, былі ці не першымі ахвярамі спецаперацыі, скіраванай на пазбаўленне Пляца Волі жыццёвых рэсурсаў. Яе апафеозам стала заваранне ка-

мунальшчыкамі люка, прыставанага насельнікамі намётавага гарадка пад прыбіральню. Але, як потым мне са смехам распядалі ўдзельнікі тых падзеяў, люк маладзёны хутка адчынілі зноў. Туды ў цемрадзі ледзь не ўваліўся нейкі замежны карэспандэнт, які казаў, што лепей бы яго пабілі міліцыянты. З голаду і ад смагі таксама ніхто не памёр. Дазнаўшыся пра начны «хапун», кемлівыя менчукі знайшлі спосабы, каб забяспечыць намётавы гарадок усім неабходным. Нават мангалы туды прыцягнулі. Харчаванне было па раскладзе. Таму паласавацца прыходзілі і «ціхары», якія палявалі на сваіх ахвяр вакол плошчы.

З цікаўнасцю аглядаю начны амапаўскі «ўлоў», з якім мне бавіць час на акрэсцінскіх нарах. Знаёмыя ўсе твары! Спрэс «адмарозкі», «наркаманы», «п'яніцы» і «лайдакі», як характарызуюць усіх, хто выйшаў на плошчу, дзяржаўныя СМІ. Лаўрэат Дзяржаўнай прэміі, галоўны рэжысёр культавага тэатра «Вольная сцена» Валеры Мазынскі, кандыдат фізіка-матэматычных навук Сяр-

гей Міхноў... А гэта хто там дыміць цыгарэтай у куце камеры? Няўжо Іван? Так і ёсць — ён! Бацька і дзядзька ў яго — прафесары Маскоўскай кансерваторыі, сусветна вядомыя музыканты. Ды і сам ён, нягледзячы на маладыя гады, ужо перамагаў у вельмі прэстыжных міжнародных конкурсах піяністаў. Знакаміты дырыжор Курт Мазур нават прысылаў ягонай маці, якую я ведаю з дзяцінства, адмысловы ліст, дзе ўхваляў майстэрства тады яшчэ малага Івана.

— Пашэнціла мне, спадар Мікалай, сустрэць вас тутака, — пажартаваў хлапчына. — Хоць маці не будзе дужа сварыцца...

Замест міжнароднага музычнага конкурсу ў Польшчы, у якім ён меў намер паўдзельнічаць, Іван патрапіў у акрэсцінскі «бамжатнік».

Раніцой нас чакаў суд.

«Не сведчы лжыва»

Не аднойчы на ўласныя вочы бачыў іконы ў кабінетах высокіх міліцэйскіх начальнікаў. Некаторыя з іх ганарацца ўзнагародамі, атрыманымі ад патрыярха Маскоўскага і ягонага экзарха ў Беларусі. Міліцыянтаў, амапаўцаў і рознага кшталту сілавікоў стала модна шэрагамі вадзіць на набажэнствы і споведзі. Але ў пабудаваных для іх цэрквах і малітоўных пакоях Бог не жыве. Атрымаўшы адпушчэнне грахоў, многія з іх паводле загаду ўсё тых жа начальнікаў ідуць грашыць ізноў. Смяротна, пькельна, на згубу ўласнай душы.

У Бібліі сказана: «Не сведчы лжыва». Гэты завет роўны вялікім маральным прынцыпам «не забі» і «не скрадзі». Але ў запущанай уладай судовай сячкарні, мэта якой — адбіць ахвоту ў тысяч людзей да іншадумства і выяўлення сваёй грамадзянскай пазіцыі, шараговым міліцыянтам адведзена менавіта ганебная роля лжэсведкаў. Аднаму дзіўлюся: няўжо яны не разумеюць, што рэжысёры гэтых прымітыўных, далёкіх ад правасуддзя спектакляў не лічаць іх годнымі людзьмі? Бо прыстойнаму чалавеку хлусіць і паклёпнічаць не загадаеш. Для прыстойнага чалавека такая прапанова невыносна аб-

разлівая. Нашыя ж міліцыянты маняць у судах нахабна, цынчна, з нейкім зухаватым блюзерскім выклікам, не зважаючы ні на Бога, ні на Крымінальны кодэкс, які таксама карае лжэсведкаў.

За тое, што чалавек нёс мех старых рэчаў, яго нельга па-

пасыпаць галаву попелам пакавання. Ваўком глядзеў і малады канваір.

— Трэба было табе сутак дваццаць прыпаяць, а то дужа разумны, шмат размаўляеш, — злосна прасіпеў ён у калідоры, калі веў мяне ў так званую

садзіць за краты нават па беларускіх законах. Але тут, каб забяспечыць вам «неба ў клетку», бяруцца за справу «сведкі» з міліцыі. Сяржант і старшыня, якія мяне бачылі ўпершыню, звыкла распавядалі ў судзе, як я размахваў на Кастрычніцкай плошчы рукамі і крычаў: «Жыве Беларусь!», — не зважаючы на неаднаразовыя патрабаванні спыніць несанкцыянаваны мітынг.

Праблемы ў «сведкаў» пачаліся, калі я папрасіў іх патлумачыць, як гэта можна размахваць рукамі, трымаючы вялікі напакаваны рэчамі мех. Яго таксама даставілі ў суд, і невялікі эксперымент правесці было б зусім не цяжка. Але, відаць, гэта не ўваходзіла ў планы судзі. Як і высвятленне, дзе ж сяржант са старшыняй мяне затрымалі. Адзін паведаміў, што каля Палаца Рэспублікі, а другі — што каля Палаца прафсаюзаў. Майго ж сведку, шафёра таксі, які бачыў, як нас з жонкай ухапіў за плечукі амапавец на подступах да плошчы, а значыць, у той момант удзельнічаць у мітынгу мы ніяк не маглі, у суд было вырашана не выклікаць. Суддзя вельмі не ўхваліла маё нежаданне публічна

«шклянку» — цесную камеру без вокнаў, дзе ўтрымліваюць усіх, каго пад канвоем прывозяць у суд.

У той дзень «прыпаялі» не толькі мне і маім новым знаёмым-сукамернікам. Як разказвалі на Акрэсціна, «прыпаялі» бабулі, якая паехала ўначы купіць лекі для хворага сабачкі, а разам з ёй і таксісту, які яе падвозіў да аптэкі.

«Прыпаялі» яшчэ аднаму шафёру, які сядзеў са мной у адной камеры. Знаёмыя дзяўчаты папрасілі «падкінуць» да цырка. Там іх разам і ўзялі.

Нават былому амапаўцу «прыпаялі». Ён нёс курыцу з крамы і спыніўся каля Кастрычніцкай плошчы, каб павыскаляцца з сябрамі па ранейшай службе. Але ў той вечар і ноч у амапаўцаў сяброў не было. Яны забяспечвалі судовую сячкарню людскай масай.

Беларусаў уратуюць беларусы

Галоўнае ў турме — умець ператварыць мінусы ў плюсы. Ежа неядомая? Затое нарэшце можна скінуць лішнія кілаграмы. Спаць даводзіцца ў цеснаце і на голых

дошках? Радуйся, што твая поштаць набывае стромкасць. Няма штодня звыклага цёплага душу? Дык недарэмна ж ты ўжо сем год кожную раніцу куляеш на сябе ядро халоднай вады. Вядра ў камеры, праўда, няма, але пустых пластыкавых бутэлек хапае. А прыбіральня ў счарнелым куце якраз прыдатная для водных працедураў.

Праўда, давялося крыху павыхоўваць асобных акрэсцінскіх міліцыянтаў. Увогуле хлопцы яны неблагія, лютасцю не вызначаліся. Але, пэўна, ад доўгіх стасункаў з бамжамі і алкаголікамі хто-ніхто з іх папсаваў свае свецкія манеры. Вось і з намі спрабавалі кантактаваць з дапамогай вокрыкаў і мацюкоў. Такім фізік і стары змагар за нацыянальную ідэю Сяргей Міхноў даволі рашуча раіў памыць рот і пасля гэтай гігіенічнай працедуры звяртацца да нас па-людску. Звычайна дапамагала.

Напачатку акрэсцінская варта, відаць, атрымала загад не дужа з намі валэндацца. Перадачу ў маёй жонкі прынялі толькі на пяты дзень, хоць яна разам з сотнямі родных і сяброў іншых вязняў штодня ездзіла пад мury «бамжатніка» — як на працу. Яны гадзінамі марна таўкліся ля высокай агароджы на пранізлівай халадэчы. Не спяшаліся ахоўнікі і паведамляць у семі «сядзельцаў» аб тым, што тыя асуджаныя на адміністрацыйны арышт, хоць гэта прадугледжана законам. Да таго ж у камеру нас напхалі ўдвая больш, чым належыць па турэмных нормах, а ў душ не вадзілі.

І тады мы вырашылі дзейнічаць. Маўчалі, калі ахоўнік выгукваў нашыя прозвішчы на што-вячэрняй праверцы. Адмаўляліся падпісваць ведамасці за спажыты казёны харч. Кожны спеў «Пагоні» завяршалі магутным воклічам: «Жыве Беларусь!»

Думаю, што не толькі наш праэтэст паўплываў на турэмную

адміністрацыю. Па начах шнырылі па камерах нейкія дзецюкі ў цывільным. Выбіралі маладзейшых арыштантаў і выводзілі на размову. Цікавіліся, ці не раскаяўся хто, палохалі карамі пасля выхаду на волю. Але тых, хто б шкадаваў, што выйшаў на пляц імя Каліноўскага, так і не знайшлі. Спадзяванне ўладаў на страх зноў не спраўдзілася. Не было ў тыя дні і ночы страху ў турме на Акрэсціна. Да таго ж каля яе зачыненыя дзвярэй віраваў натоўп. Там раздаваліся інтэрв'ю сусветнай прэсе, кветкамі і шампанскім сустракалі выхад з вязніцы Вінцука Вячоркі і іншых апазіцыянераў, затрыманых яшчэ да выбараў. Сюды прыязджалі

камерах шматкілаграмовыя перадачы.

Жонка потым казала, што і не падазравала аб наяўнасці ў нас з ёй такой колькасці сяброў і родзічаў. І кожны імкнуўся дапамагчы добрым словам, кроўным рублём, патрэбнай рэччу, лепшым кавалкам, своечасовай паслугай.

19–25 сакавіка да нас, беларусаў, зноў вярнулася доўгачаканае пачуццё братняга пляча.

Золак пад «месяцам»

Тое былі зусім не горшыя 15 сутак у маім жыцці. Жылі мы ў камеры N 4 цеснавата, але весела і дружна. Праводзілі спартовыя спаборніцтвы, дзе ўсіх, нават

Аляксандр Мілінкевіч і Аляксандр Казулін, замежныя дыпламаты, праваабаронцы, проста неабыхавыя людзі з розных гарадоў Беларусі і нават з іншых краін.

Карацей кажучы, сваёй прагай наладзіць нам у «бамжатніку» добрую працуханку ўлады стварылі праблемы перш за ўсё для саміх сябе. Па сутнасці, на Акрэсціна ўзнік яшчэ адзін Пляц Волі.

Варта збавіла тон, набыла ветлівасць. Асобныя міліцыянты раптам успомнілі беларускую мову і звярталіся да нас не інакш як «панове». Урэшце яны патэлефанавалі сваякам і павялі нас у душ. І надта папацелі, цягаючы па

крамяных хлопцаў з аховы апазіцыйных кандыдатаў у прэзідэнты, перамог Анатоля Лябедзька, адціснуўшыся на кулаках ад падлогі ажно 78 разоў. Сяргею Міхнову не было роўных у шашачным турніры. Яно і зразумела: матэматычны розум. Кружэлкі для гульні мы зрабілі з хлеба, а шахматныя клеткі расчырылі на нарах «сядзельцы»-папярэднікі. Мы шмат чыталі, дыскутавалі на розныя тэмы. З вязніцы я выйшаў з адчуваннем, што скончыў калі не яшчэ адзін універсітэт, дык добрыя асветніцкія курсы. Такую канцэнтрацыю разумных, адукаваных і таленавітых людзей я сустракаў хіба што на леташнім Усебела-

рускім сходзе інтэлігенцыі, які адбыўся ў лесе пад Радашковічамі. Але там былі ў асноўным людзі сталага веку. А тут ледзь не спрэс — моладзь...

Яны шапталіся кожную ноч, клапатліва зацяніўшы для тых, хто спіць, «месяц» — запыленую лямпачку, прымацаваную ў закратаваным паглыбленні ў сцяне. Размовы былі канкрэтныя: як ладзіць супраціў далей, з'яднаўшы маладзёвыя сілы. Але потым гутарка абавязкова пераходзіла на нешта ўзвышанае, духоўнае: як вярнуць беларусам іхнюю гісторыю і мову, што трэба зрабіць, каб Бог жыў у кожнай чалавечай душы...

Тут абсалютным аўтарытэтам быў студэнт-філолаг Лявон. Выдатны знаўца беларускай мовы, фальклору, ён да таго ж, здавалася, трымаў у галаве і сэрцы ўсе біблейскія казанні і заветы, каноны хрысціянскай веры. Тое, мусіць, у яго ад бацькі — вучонага-псіхолога і адначасова уніяцкага святара. У хлопца ёсць мара: вывучыць яшчэ латынь, старагрэцкую і старажытнагабрэйскую мовы, прыняць пострыг і стварыць у Беларусі манастыр, які б займаўся асветай народа. Вось толькі бацькам цяжка яго вучыць. У сям'і сямёра дзяцей. Але Лявон свята верыць, што Бог не пакіне яго сваёй міласцю. Як і бацькоў з братамі і сёстрамі. Як і ўсю Беларусь.

Цьмянае святло «месяца» адкідвае густыя цені ад стромкіх юнацкіх постацяў. Здаецца, малады прарок прапаведуе ля вогнішча дзе-небудзь у Сінайскай пустыні. Толькі паважлівыя слухачы яго — не непісьменныя пастухі і рыбакі, а маладыя інтэлектуалы, звыклыя спадзявацца не на правадыра, а на ўласны розум і дзеянні. У акрэсцінскіх камерах, які і на пляцу волі імя Каліноўскага, гуртавалася будучая Беларусь.

— Эх, якія хлопцы! — у захапленні шэпча рэжысёр Валеры Мазынскі, з якім мы ляжым на мулкіх нарах па суседстве і штоноч разам услухоўваемся ў сцішаныя філасофскія дыспуты маладых. — Каб у мяне былі такія акцёры!.. Які б я тэатр стварыў!..

Ён усё ж паспрабаваў здзейсніць сваю задуму, гэты няўрымслівы Мазынскі. Адночы ў камеру ўляцеў збянтэжаны ахоўнік, які непадалёк прымаў перадачы для арыштантаў, і аберуч затрос у паветры таўшчэзным стосам нейкіх папераў:

— Няўжо вам і спраўды гэта патрэбна? — каршуном наляцеў ён на майго суседа.

Той толькі што прачнуўся і спрасонку залыпаў вачыма. Але прынесеныя аркушы схпіў імгненна.

— Ну нарэшце! А то ж выпусцяць хутка...

Аказваецца, галоўны рэжысёр «Вольнай сцэны» вырашыў паставіць спектакль у акрэсцінскай камеры. Выбар спыніў на п'есе Максіма Горкага «На дне», для якой у турэмных умовах не спатрэбіліся б і дэкарацыі. Але ўсё ж ад канонаў рэалізму яму давялося вандраваць у свет японскага тэатра кабукі, дзе мужчыны выконваюць і жаночыя ролі. Хлопцы, якім належала ўвасобіцца ў вобразы Насты ці Квашы, былі гэтым незадаволеныя.

— Мала таго, што беларускае тэлебачанне ўсіх апазіцыянераў у «блакітныя» залічыла, дык і Мазынскі яго справу працягвае, — бурчэлі абдзеленыя ролямі Ваські Попела і Барона маладзёны.

Мне дасталася роля Акцёра. Таму я актыўна заклікаў хлопцаў часова ахвяраваць у імя высокага мастацтва сваім іміджам дамскіх угоднікаў.

Творчы працэс быў груба парушаны нормай Адміністрацыйнага кодэкса. Адночы ўсё той жа ахоўнік загадаў рэжысёру хутчэй збіраць манаткі і неадкладна сыходзіць з камеры.

— Чортаў суд! — ляўся Мазынскі, пакуючы клункі. — Не мог ужо і мне 15 сутак адмераць, як усім прыстойным людзям!..

Яму ўсё ж не хапіла тэрміну знявольнення, каб давесці спектакль да прэм'еры.

У турме востра адчуваецца і найбольш цэніцца каштоўнасць простых рэчаў: кубка гарачай гарбаты, цёплай коўдры, глытка свежага паветра...

Сышлі з «бамжатніка» тыя, хто атрымаў па дзесяць сутак. А нас, трох пятнаццацісутачнікаў, пера-

вялі з першага на другі паверх у камеру N 11. Прасторы там болей, а вязняў — меней. І можна было ўрэшце вольна разлегчыся на нарах і нават раскінуць ушыркі рукі! Вялікае арыштанцкае шчасце!

Людзі побач усё таго ж гарту: адукаваная, разумная, цвёрдая ў сваіх перакананнях, гатовая да дзеянняў моладзь з розных гарадоў Беларусі. З выкладчыкам універсітэта і студэнтам-гісторыкам разам пашукалі нейкія аналогіі ў мінуўшчыне і дружна прыйшлі да высновы, што цяперашняя сітуацыя ў грамадстве нечым нагадвае часы паўстання 1863 года. Тады таксама было шмат моладзі, гатовай рабіць нават безнадзейную справу калі не дзеля неадкладнага выніку, дык хаця б дзеля самапавагі. І яшчэ адна гістарычная паралель прасочваецца вельмі выразна: Польшча пачатку 80-х гадоў мінулага стагоддзя. У нас цяпер таксама ў кіраванні дзяржавай выдуць рэй палкоўнікі і генералы. Гэтыя людзі робяць тое, што найлепей умеюць: ціснуць, душаць, закручваюць гайкі... Іхнія дзеянні ўсё часцей нагадваюць спробу рамантаваць далікатны гадзіннік кувалдай. Узмацненне рэпрэсіўнасці ўлады цяпер ці не галоўны мабілізавальны фактар для прыхільнікаў пераменаў. А іх усё больш і больш.

Напярэдадні майго выхаду на волю ўся камера весела адзначыла важную падзею ў жыцці маёй сям'і. Трыццаць год таму мы з жонкай пабраліся шлюбам. Мая Тамара нейкім цудам умудрылася перадаць на Акрэсціна гарачую бульбу ў мундзірах і чатыры пакуні селядцоў. Знайшліся ў камеры брус добрага сала, зялёная цыбуля, агуркі.

У добраай грамадзе за сяброўскай размовай неўпрыкмет праляцеў час. І вось ужо канваіра гукае мне: «З рэчамі на выхад!»

Сыходжу пад воплескі тых, хто застаецца. Гэтак тут праводзяць на волю.

Бывайце, хлопцы! Мы яшчэ не аднойчы сустрэнемся. Беларусь напярэдадні вялікіх пераменаў. І вам наканавана перамагчы. Бо маладосць і будучыня заўжды перамагаюць.

Гродно. Зона протывостояння

По информации пресс-службы БАЖа, в дни президентской избирательной кампании в Беларуси подверглись преследованию 45 белорусских и иностранных корреспондентов. В том числе и 10 сотрудников гродненских негосударственных СМИ, которые вызвали пристальное внимание местных силовых структур. На Гродненщине на них организовали самую настоящую охоту. Независимых журналистов задерживали и сажали за решетку, даже не утруждаясь найти хоть какое-нибудь подобие правды. В милицйских протоколах и судах каждый раз звучало шаблонное обвинение — сквернословие.

Наталья МАКУШИНА

Гродненская земля в последние годы превратилась в зону риска для независимых СМИ. Итогом борьбы властей с неподконтрольной прессой стало истребление почти всех печатных изданий. Практически все журналисты независимых редакций прошли через суды, штрафы и аресты. Газеты ушли в подполье и в интернет, но корреспонденты продолжают свою работу и фиксируют для истории опасные и нелюбимые для власти факты ее же действий.

Еще накануне досрочного голосования гродненские милиционеры нас предупредили: отдан приказ хватать «незалежных». В дни выборов были задержаны 10 членов БАЖа, из них семерых упрятали за решетку. У каждого арестанта-журналиста «своя» история. Сегодня ребята вспоминают об этом с улыбкой. Хотя в марте осведомленность милиции о каждом шаге «подопечных» настораживала. За журналистами велось открытое наблюдение, около их домов постоянно дежурили машины с людьми в штатском. Все арестованные гродненские корреспонденты утверждают, что их телефонные разговоры прослушивались.

Первым был задержан редактор независимого журнала «Магазын польски в изгнании» Анджей Почобут. 13 марта в Минске его затолкали в машину неизвестные люди.

— Впервые в жизни я увидел, как выглядит удостоверение КГБ. С обеих сторон сели сопровождающие, захлопнули дверцы. Все было как в кино. Почобут считает, что спецслужбы отслеживали его местонахождение по СМС-ке, которую он отправил собору польского радио. В сообщении был указан минский адрес. Накануне выборов журна-

Иван Роман с 13-суточной бородой

лист приехал в столицу, чтобы готовить материалы для польской «Газеты выборчей».

Анджей рассказал, что его доставили в здание центрального аппарата комитета, где предъявили постановление Гроднен-

ской прокуратуры о задержании в связи с неявкой на допрос. Затем в сопровождении омоновцев Почобута перевезли в Лиду, откуда милиция доставила его в Гродно.

— В отделении мне предъявили обвинение, что я ругался матом.

Почобута судили на следующий вечер, после окончания рабочего дня. Дали 10 суток. Он объявил сухую голодовку. На вторые сутки начали вызывать на допросы следователи из милиции и прокуратуры. Речь шла о «Магазыне польском в изгнании», который издается в Польше. На Почобута пытались оказать психологическое давление, ознакомили с заключением Комитета по делам национальностей, в котором сказано, что его журнал разжигает межнациональную рознь. На пятые сутки ему стало плохо, начались сильные боли в почках.

В наручниках под конвоем Анджея доставили в больницу. Капельницу ставили прямо в приемном покое.

— Когда привезли обратно в изолятор, все удивились, почему меня не оставили в больнице.

23 марта, когда активисты не признанного властями Союза поляков везли Почобута из милиции домой, их машину задержала служба ГАИ. Дальше Анджею пришлось добираться пешком.

Еще одна попытка ареста была предпринята на следую-

щий день прямо на территории Генерального консульства Польши в Гродно, куда Почобут пришел на встречу с вице-спикером Сената Кшиштофом Путрой. Журналиста спасло вмешательство польских охранников, которые заявили милиционерам, что на территории консулата их удостоверения не имеют силы. После встречи в консульстве Анджея Почобута доставила домой машина вице-спикера Сената.

Журналист считает, что милиция хотела воспрепятствовать его встрече в консульате, где журналист рассказал об условиях пребывания в изоляторе временного содержания, а также о преследовании активистов опальною Союзу поляков Беларуси.

Редактор независимого издания «Глос знад Немна в изгнани» Анджей Писальник был арестован утром 15 марта около здания суда, куда он пришел, чтобы узнать о решении суда над Почобутом. Писальника также обвинили в мелком хулиганстве — нецензурной брани. После ночи, проведенной в милицейском изоляторе, состоялся суд по отработанной схеме: на основании показаний сотрудников милиции судья вынес решение и определил срок наказания. При этом, как правило, оправдания обвиняемых судьи называют попыткой уйти от ответственности. Анджею Писальнику дали 5 суток административного ареста.

В день выхода Анджея из тюрьмы (20 марта) милиция вновь задержала его в центре города. Второй приговор суда был более суровым — 12 суток ареста. Но журналист считает, что, даже если бы он не пошел на площадь, его все равно бы арестовали. По его мнению, ради собственного спокойствия власть решила изолировать всех активистов оппозиции ко дню выборов 19 марта и к 25 марта — Дню воли, когда планировались массовые акции протеста. Вместе с политиками «под раздачу» попали и журналисты.

Гродненского корреспондента газеты «Солидарность» Ивана Романа задержали 18 марта в Минске около офиса Независи-

мого профсоюза РЭП. Свидетелем задержания Романа был сотрудник миссии ОБСЕ. Иван рассказал, что с самого утра выход из помещения был заблокирован омовцами. Люди в штатском, которые представились сотрудниками милиции, отвезли его в актовъ зал Первомайского РУВД столицы. До 8 часов вечера Романа охраняли вооруженные субъекты в штатском. Один из них приставлял к его затылку пистолет и говорил, что его песенка спета. Опыненный чувством безнаказанности, подонок требовал, чтобы Иван рассказал все, что знает, иначе его могут застрелить при попытке к бегству, обвинить в умышленном поджоге или изнасиловании.

Вечером журналиста перевезли в Лиду, где составили протокол о хулиганстве, который подпisał начальник районной милиции. Иван Роман сообщил, что в зале суда Лидского района кроме него присутствовали только милиционер и судья. Причем сотрудник милиции даже не выступал в качестве свидетеля. Судья зачитала протокол о правонарушении и сразу же вынесла решение о штрафе в размере 2-х базовых величин за хулиганство — нецензурную брань, после чего Романа отпустили.

Иван не считает свой арест случайным, так как из нескольких человек, находившихся в помещении свободного профсоюза, задержали только его.

Накануне Дня воли милиция во второй раз задержала Ивана Романа, когда он вышел из дома председателя областного штаба Милинкевича Анатолия Хацько. Несколько дней подряд возле этого дома дежурила милицейская машина. Суд Ленинского района Гродно на основании показаний двух милиционеров обвинил журналиста в хулиганстве и осудил на 13 суток ареста за нецензурную брань в общественном месте.

За редактором независимой волковысской «Местной газеты» Андреем Шантаровичем милиция начала слежку, как только он появился в городе после длительной командировки. Шанта-

рович рассказал, что после задержания его обвинили в том, что он нецензурно выражался и оскорбил начальника Сморгонского РУВД. Суд над Андреем

Ине́сс Тодри́к

организовали в воскресный день. Трое суток в изоляторе временного содержания Волковысского райотдела милиции он перенес тяжело. По словам журналиста, ему угрожали расправой. У него поднялось давление, появились боли в сердце. Милиция несколько раз вызывала «скорую помощь», и его отвезли в больницу. Но в госпитализации Шантаровичу отказали. После административного ареста Андрей опасался повторных репрессий и поэтому выехал из страны.

После выборов гродненские власти продолжали преследовать независимых журналистов. 20 марта был задержан Алексей Радс — администратор сайта grodno.fogum.net. Накануне он наблюдал в городском парке за акцией протеста против итогов президентских выборов в Беларуси. Задержанный провел ночь в изоляторе, а на следующий день суд Ленинского района вынес решение — 10 суток ареста за нецензурную брань в общественном месте.

Раньше Алексей Радс работал администратором интернет-сайта grodno.fogum.by. Год назад руководство «Облтелекома» предложило ему уволиться по собственному желанию, а популярный среди гродненцев форум, размещавшийся на сервере

«Облтелекома», был закрыт. Однако Радс создал новый сайт — точную копию прежнего «Гродненского форума», где обсуждались сотни острых тем.

За выход на площадь 20 марта был задержан также корреспондент газеты «Глос знад Немна в изгнании» Игорь Банцер. На суде милиционеры, выступавшие свидетелями, давали противоречивые показания. Журналист потребовал присутствия адвоката, но вмешательство защитника ему не помогло. Суд лишил его свободы на 10 суток за хулиганство — нецензурную брань.

Игорь рассказывал, что до ареста за ним следили.

23 марта вечером служба ГАИ задержала машину не признанного властями Союза поляков Беларуси, в которой перевозили часть тиража издаваемой в Польше газеты «Глос знад Немна в изгнании» и журнала «Магазин польски в изгнании». Среди задержанных пассажиров была журналистка Инесс Тодрик. Вместе с остальными ее доставили в отделение милиции микрорайона «Девятровка», где изъяли 400 экземпляров газеты и 80 — журнала. Машину, в которой перевозились издания, отправили на экспертизу. Инесс Тодрик находилась в милиции около 5 часов, после чего у нее взяли объяснения и отпустили.

Через несколько дней к ней на работу явились сотрудники милиции и ознакомили ее с протоколом, согласно которому журналистка обвинялась в распространении печатной продукции без выходных данных.

Накануне Дня воли в Гродно транспортная милиция задержала администратора интернет-газеты «Пагоня» Алексея Салея, который собирался ехать в Минск. При обыске у него изъяли билет на поезд. Салея обвинили в хулиганстве и поместили на выходные дни в изолятор временного содержания. За нецензурную брань он был осужден на 6 суток административного ареста.

Его мать Ирина Салей рассказала, что на суд пришли их соседи, чтобы выступить в защиту

Алексея. Но их свидетельства не были приняты во внимание.

24 марта милиция задержала гродненскую журналистку Ирину Чернявку, которая также направлялась на железнодорожный вокзал. Ирину взяли около ее дома, посадили в машину и повезли в опорный пункт микрорайона «Девятровка». Ее удерживали в машине около двух часов, а затем отпустили. Милиционеры посоветовали ей никуда не ехать и оставаться дома.

Журналистка считает, что ее телефонные разговоры прослушивались, так как примерно за час до выхода из дома она сообщила по телефону о своей поездке в Минск Павлу Можейко.

Накануне Дня воли в Минске задержали и гродненского журналиста, пресс-секретаря единого кандидата от оппозиции Милинкевича Павла Можейко. Сотрудники ГАИ остановили машину, где он ехал вместе с Александром Милинкевичем, а также следовавшие за ними такси со звуковой аппаратурой.

— Нам сообщили, что такси арестовано, а аппаратуру повезут в Центральный райотдел милиции, — рассказал журналист. — Я поехал сопровождающим. Как только добрались до РУВД, мне сразу же сообщили, что я задержан и что будет возбуждено уголовное дело за сопротивление работникам милиции. Но в милиции меня продержали всего с полчаса, взяли объяснения. Я понял, что будет принято решение

отпустить меня, потому что слышал, как они переговаривались между собой, что приехал Милинкевич и требует моего освобождения. Я был рад, что меня отпустили, потому что знаю, как против людей заводили «дела из ничего», а потом судили.

Воспрепятствование профессиональной деятельности, «дела из ничего», штрафы и заключение под стражу стали повседневной реальностью для гродненских независимых журналистов. Однако местные власти не считают, что права пишущей братии нарушаются и не собираются пересматривать отработанную методику репрессий. В ответ на заявления Белорусской ассоциации журналистов с требованием опротестовать решения судов об административных арестах во время избирательной кампании из областной прокуратуры, Управления внутренних дел Гродненского облисполкома, а также от начальников райотделов милиции пришли формальные отписки. В них говорится, что примененные к журналистам санкции абсолютно правомочны.

Ассоциация заявляла также о необходимости провести служебные расследования действий сотрудников правоохранительных органов. В письме из УВД Гродненского исполкома от 6 апреля 2006 года сообщалось, что по факту обращения БАЖа была проведена проверка, в результате которой установлено, что «судебные решения о применении административных наказаний являются окончательными и обжалованию в порядке производства по делам об административных правонарушениях не подлежат».

Отдел внутренних дел Ленинского района Гродно, на территории которого проводились аресты и суды, не выявил в действиях милиции никаких нарушений законодательства ни при задержании, ни при составлении на журналистов административных протоколов. Если в Багдаде, как говорится, все спокойно, то у нас, понятное дело, все «стабильно».

«Мы не быдло, мы не козлы!»*

Мы — как попугайчики-неразлучники, обреченные на вечную любовь. Нам не жить друг без друга. Это и радостно (работа нам обеспечена на века вечные!), и грустно — хотелось бы иной работы, иных взаимоотношений, иной журналистики и политики.

Вахтанг КИПИАНИ, Киев

Московская журналистка Елена Трегубова в книжке «Записки кремлевского диггера» назвала себя исследователем, посвятившим лучшую часть жизни изучению политиков-«мутантов», живущих по ту сторону кремлевской стены. Увидеть, запомнить, написать... И главное — выжить, вернуться оттуда нормальным человеком...

Первые три месяца 2006-го я тоже провел как бы «диггером». Или наоборот — я был все-го-навсего политиком. По зову друзей из Гражданской партии «ПОРА», с которыми связан еще со студенческой «революции на граните» 1990 года, с головой

ластных, городских, районных советов, мы имеем «своих» мэров и глав сельсоветов. В парламент не прошли.

Как журналист, «менявший профессию», имею удачный повод поразмышлять о том, что НАС с НИМИ связывает и как назвать то, что существует между «нами», журналистами, и «ими», политиками.

Хамство «помаранчевое»

Все действующие украинские политики вышли из шинели Кучмы. Даже самые что ни на есть прогрессивные.

Вот, к примеру, скандальная история последних дней. Сергей Лещенко, журналист легендарной интернет-газеты Георгия Гонгадзе «Украинская правда» (www.pravda.com.ua), написал о том, что один из лидеров пропрезидентского блока «Наша Украина» Алексей Ивченко приехал на политический междусобойчик на новеньком «Мерседес» S550. Журналист

позвонил в салон и с удовольствием узнал, что очередное чудо немецкого автопрома стоит сущую мелочь — 215 тысяч американских долларов. Номера государственные — следовательно, средство передвижения куплено за средства госбюджета. И совсем недавно. Это особенно пикантно на фоне призывов президента Ющенко к своим подчиненным быть скромными и разумно расходовать деньги налогоплательщиков. А если еще вспомнить слухи о приближающемся банкротстве Национальной акционерной компании «Нефтегаз Украины», которой, собственно, и руководит г-н Ивченко, ситуация окажется уж совсем неприличной.

Конечно, при прошлом «антинародном режиме», при Кучме,

Имеем власть, которая взвалила на свои «помаранчевые» плечи бремя открытости и не только «нас имеет», но и позволяет прессе быть свободной, как никогда.

ушел в избирательную кампанию. Проехал туром более 50 городов: встречался с людьми, принимал участие в теледебатах — т. е. делал все, что и называется публичной политикой. «ПОРА» прошла в Киевраду, в сотни об-

* Строчка из гимна «оранжевой революции» — песни группы «Гринджолы».

поводов для написания подобных статей было в тысячу раз больше, но результата от их публикации — кот наплакал. Сейчас время иное. Имеем власть, которая взвалила на свои «помаранчевые» плечи бремя открытости и не только «нас имеет», но и позволяет прессе быть свободной, как никогда. На самом деле — критикуем, кого хотим, и слов при этом не выбираем. Завидуйте, соседи...

Чтобы не сложилось впечатление, что до статьи в «Украинской правде» топ-менеджер

Общеизвестно, что никогда политики не любят народ так искренне и методично, как накануне выборов. Журналистов, в отличие от простых избирателей, политики стараются любить вне предвыборного контекста.

крупнейшей госкомпании ездил на работу на велосипеде (слава Богу, нет — мы все-таки не датчане какие-нибудь!), стоит сообщить, что до «обновки» у чиновника был другой «Мерседес» S-класса.

На ближайшей же пресс-конференции любителя шикарных авто спросили: не совестно ли одному из экс-революционеров, на словах безумно любящему обездоленный народ, к тому же лидеру Конгресса украинских националистов, роскошествовать на такой безумно дорогой машине?

Далее — прямая речь: «Я езжу на последних марках начиная с 92-го года. Тогда еще я работал в Ивано-Франковске, и в Киеве многие не знали, что такое «Мерседес»... Я каждые два года менял последнюю модель «Мерседеса». И так на протяжении последних 15 лет. И свои традиции я предавать не буду».

Наглеца, присосавшегося к государственной кормушке, хотелось одернуть: что ж ты, б... братец, совсем сдурел? Что, забыл обещания Майдану — «богатые поделаются с бедными», «бандиты будут сидеть в тюрьмах»? Но, к сожалению, коллеги-журналисты не развернулись и не ушли с «прессухи». Циничный политик может считать нас подобными себе моральными уродами — если вообще понимает, что уродство нравственное страшнее физического.

С диагнозом конкретному Ивченко все ясно: звездная болезнь политика, который забыл, что скандировали на Майдане сотни тысяч людей: «Мы не быдло, мы не козлы...» Это была реакция на слова Виктора Януковича, который публично, при телекамерах, высказался обо всех, кто его не поддерживает: «Козлы, которые мешают нам жить». И люди, даже самые аполитичные, бросили все и пошли, поехали, пошкандыбали в сторону столичного Крещатика. И показали власти свои кулаки — не позволим! И мы победили.

Я все-таки провел три предвыборных месяца в команде Виталия Кличко, в прошлом чемпиона мира по боксу, поэтому позволю себе образ: мы победили Кучму со всей его промосковской компашкой нокаутом. Добро вообще не должно забывать, что оно тоже имеет кулаки, и должно уметь, ну, хотя бы защищаться.

С самого главы «Нефтегаза» спрос невелик. Так бывает — торгаш дорвался до госмонополии и воспринимает свой нынешний статус как индульгенцию. Что обидно — общество не взор-

как и всегда, с крепкими словами обсудили этот вопиющий случай на кухнях — и все. Ни одна партия не потребовала отставки зарвавшегося чиновника. Никто не вышел с плакатом, комментариев в прессе было слишком мало для того, чтобы проучить г-на Ивченко.

И только «Украинская правда» смогла поставить эффектную точку в этом деле. Через пару дней Виктора Ющенко спросили в лоб: что он думает об этой истории? Чуть ли не впервые лидер страны не стал в привычном для себя стиле всех мирить — и волков, и овец. Он жестко сказал, что считает поступок Ивченко неправильным, и осудил слова подчиненного — ту самую похвальбу о непреходящей любви к новым «Мерседесам».

Цензуры в Украине на самом деле нет — это чуть ли не единственное безусловное завоевание «помаранчевой революции».

Что приятно — президентскую выволочку показали по всем каналам. Цензуры в Украине на самом деле нет — это чуть ли не единственное безусловное завоевание «помаранчевой революции».

валось в негодовании. Общественные организации, как правило, остро реагирующие на несправедливость властей, отвели взгляд в сторону. Обыватели,

Машину чиновника тут же отправили в салон — на продажу. Ивченко пересел в старую (аж 2004 года!) иномарку. Заткнулся наконец. Убедился, что

послереволюционная пресса суть огромная сила и вновь вышла победителем в ситуации, где «ответчиком» был политик, а «истцом» от имени общества — журналист. В такие моменты можно гордиться принадлежностью к нашей — никуда от этого не деться — древней профессии!

...И с запахом эскековской розы

Общезвестно, что никогда политики не любят народ так искренне и методично, как накануне выборов. Журналистов, в отличие от простых избирателей, политики стараются любить вне предвыборного контекста.

Причем существует точная формула: чем дальше политическая сила от властной кормушки, тем больше на словах она холит и лелеет демократическую журналистику.

Одна цитата: «СДПУ(О) решительно осуждает давление на СМИ, требует тщательного расследования каждого случая вмешательства политиков и чиновников в деятельность средств массовой информации». Читатель, не разбирающийся в украинских политических «раскладах», удивится: эка невидаль, что же здесь такого?

Вопрос лишь в том, что это за партия и что ее представители делали во власти совсем недавно.

Как шутят политизированные сограждане, Социал-демократическая партия Украины (объединенная) — это как морские свинки: никакого отношения ни к морю, ни к свиньям. Если судить по названию, то это левая партия, должна защищать интересы наемных работников, на самом же деле — «крыша» одной из крупнейших олигархических финансово-промышленных группировок. А во времена экс-президента — становой хребет его системы.

Для украинских журналистов правление СДПУ(О) — это полный мрак, жесточайшая цензура электронных и печатных СМИ (до интернета, слава Богу, руки не дошли), угроза потери работы, внесудебные расправы над целыми коллективами. И главное — это проект «темники»,

придуманный и реализованный эскековскими политехнологами.

Впервые украинские журналисты соприкоснулись с этим явлением в начале осени 2001 года. Заметили, что полученные ими редакционные задачи чудесным образом совпадают с «указаниями» от редакторов и менеджеров других газет и телеканалов. Через некоторое время весь мир узнал, что такое «темники» — анонимные, но стопроцентно исполняемые инструкции от Администрации Президента Кучмы.

Типичная ситуация. Начало пресс-конференции в Верховной Раде. Несколько коллег-журналистов просто требуют слова. Но после первого же вопроса кого-то из соседей рук уже не тянут. А зачем — ведь ответ на редакционную задачу уже получен.

Вершиной ненормативной мудрости эскеков были вот какие ситуации. На пресс-конференции тогдашнего первого вице-спикера Медведчука сотрудница пресс-службы Верховной Рады Украины настойчиво пыталась всунуть мне в руки листок бумаги. Жаль, конечно, но это не была записка с предложением о романтической встрече в старом парке... Это был вырезанный из «темника» конкретный вопрос к лидеру объединенных

социал-демократов, связанный с принятием Земельного кодекса.

Я тот листок проигнорировал. Но, увы, почти четыре года руководители крупнейших СМИ боялись послать по известному адресу «темникотворцев» — московских имиджмейкеров и штабистов СДПУ(О).

В то время я работал на телеканале «Студия 1+1» — одном из популярнейших в Украине. Примерно тогда же канал попал под жесточайший прессинг ближайшего окружения президента Леонида Кучмы и вынужден был принимать участие в информационных спецоперациях на стороне властей. Как это произошло? Очень просто: одна маленькая, не имевшая своего эфира продакшн-компания в «независимом» вдруг суде выиграла у эфирного гиганта, и студия оказалась на грани закрытия, без лицензии на право вещания. Потом «милый друг» Медведчук помог разрулить сложившуюся ситуацию, а в качестве платы попросил о маленькой услуге для Леонида Даниловича. При разговоре я, конечно, не присутствовал, но общий смысл, думаю, передан точно. Ход дальнейших событий полностью подтверждает мою версию.

В то время я ни разу не слышал, чтобы владельцы моего канала или Нового канала, «Интера», УТ-1 да и других СМИ влияли на редакционную политику, руководствуясь интересами своего бизнеса. В те годы мы слышали лишь об одном: «Позвонил X из Администрации Президента, позвонил Y из его пресс-службы, сославшись на разговор с Z...» Все их приказы в форме пожеланий и делали эфир.

Журналисты долгое время находились в неведении, их, по сути, использовали «втемную». Кто-то нашел в себе силы отказаться от поощрительных премий и престижных командировок, обещаний посадить в кадр и сделать звездой... Другие стали волонтерами преступного режима и верой и правдой служили Кучме до самой революции. А потом одними из первых нацепили оранжевые ленты на свои все понимающие головы...

Интересный факт, что называется, из личной биографии. Из моих статей в газете «Киевские ведомости», купленной накануне со всем коллективом тем же Медведчуком, стали регулярно исчезать три заветные буквы — КГБ. Я пишу: «КГБ посадил политзаключенного Василя Стуса». В газете выходит: «Спецслужбы посадили Стуса», «правоохранители...», «чекисты...». То есть название конкретной преступной организации заменялось эвфемизмом. По-видимому, владельцу газеты жилось не очень комфортно с этими самыми буквами.

Среди записей экс-охранника Кучмы Микола Мельниченко, опубликованных в интернете, есть отдельный файл — беседа «гаранта Конституции» с тогдашним главой Службы безопасности Деркачем насчет «агента КГБ Соколовского», того самого Медведчука. И все стало на свои места.

Сотрудничество с газетой я прервал в тот день, когда моя собственная фамилия оказалась в «темнике». Представьте себе ситуацию: выходит мой материал — кстати, о 50-летию В. В. Путина, а подпись под ним — «Егор Макаров». Редактор прячет глаза под стол и говорит, что так лучше... Что гонорар мне разметят как положено... Что на страницах газеты не может быть никакого Кипиани: «Ты сам виноват. Зачем ты публично «наехал» на Виктора Владимировича?»...

Урок прессы для Ющенко

Перед президентскими выборами отношение прессы к Ющенко можно было назвать благоговейным. На фоне Кучмы и дважды судимого по уголовным статьям Януковича с его распальцованными «донами» Виктор Андреевич казался редкой птицей, неведомо откуда залетевшей в украинскую политику.

Деликатный, умный, умеющий слушать... За несколько дней до решающего тура президентских выборов я написал текст не статьи, но прокламации, которая разлетелась интернетом и даже была выпущена отдельной листовкой (тут я не при

чем — сработал штаб «оранжевого» кандидата).

Прочитую самого себя лишь потому, что это была квинтэссенция позитивных ожиданий: «...Он единственный из политиков обращается к маме на Вы... он является носителем казацкой национальной идеи, никогда не будет разделять украинцев на «восточных» и «бандеровцев», на русско- и украиноязычных... он любит пчел, а пчелы любят только людей добрых сердцем... он никогда не осквернит уста матюками, «феней» и не назовет свой народ «козлами»...

Надо сказать, что в большинстве своем мы в президенте как в человеке не разочаровались. Эти полтора года еще раз убедили всех, кто колебался, что человек он неплохой, хотя работать главой государства у него получается не очень. Результаты его труда уж слишком не совпадают с народными ожиданиями.

Вновь вспомним настырного «укрправдиста» Сергея Лещенко. Что поделаешь — именно этот молодой репортер в июле 2005 года стал катализатором первого выяснения отношений между президентом Ющенко и украинским журналистским сообществом.

Вы не поверите, но формальным поводом, искрой тогда тоже послужила... автомашина. Любопытный Лещенко обратил внимание на то, что сын президента Андреем Ющенко рассекает ночной Киев на BMW M6 с чешскими номерами (стоимостью 133 тысячи евро), позволяет себе покупать шампанское «Кристалл» по 6000 гривен (больше \$1000) и носит в кармане эксклюзивный мобильный телефон «Vertu» (еще, как минимум, 5 тысяч евро). Опубликованное расследование «Андрей Ющенко — сын Бога?» оказалось медиабомбой.

Спросили о сыне в лоб — и Ющенко впервые сорвался и нагрубил журналисту, назвал его «киллером купленным» и т. д. Несколько сотен коллег подписали жесткое открытое письмо, ультиматум недавнему кумиру с требованием извиниться.

«Друзья президента» попытались выиграть дискуссию враньем, но это не принесло по-

беды. Все доводы с легкостью опровергались. Нам говорят, что юноша работает в консалтинговой фирме — мы проверяем и пишем: в Киеве нет таких зарплат для молодых специалистов, да еще без высшего образования.

Нашлись разумные головы, объяснившие Виктору Андреевичу, что выиграть у «акул пера» в условиях свободной конкуренции и реальной свободы слова невозможно. Тем более, что правда-то изначально была на стороне журналиста Лещенко.

Надо отдать должное Ющенко. Он нашел в себе силы лично позвонить репортеру и извиниться за грубость и повышенный тон. Президент виртуально протянул журналисту руку и просил его понять: поскольку статья касалась близкого ему человека, не сдержался, но сделал для себя выводы и всерьез поговорил с Андреем. Машину вернули в Чехию, «гульба» по клубам была сведена к минимуму.

Многие журналисты продолжали «требовать крови» — сам факт прощения не отменял прозвучавших в статье вопросов: откуда у молодого человека такие деньги? Ведь опубликованная декларация Ющенко не давала возможности купить сыну BMW или оплачивать ночные посиделки в самых дорогих ресторанах.

Думаю, хорошо, что пресса не стала «добивать» Виктора Андреевича. Он дал нам свободу. В том числе — свободу его критиковать.

Как вполне справедливо написала еще до нашей Революции-2004 журналистка Татьяна Коробова, «я никогда не буду разочарована президентом Ющенко, потому что я им и не очаровывалась, ибо знаю его как облупленного». Увы, Татьяну Евгеньевну многие собратья по цеху не послушали. И теперь нервно курят в курилках студий и редакций — мол, Ющ не такой, как мы думали...

Не стоит поддаваться соблазну, позволять политику N влюбить вас в себя. Иначе будет все, как у нас.

История одного интервью, или Путешествие со Швейком

Вацлав ГАВЕЛ: «Что вы знаете о тоталитарных режимах, о том, что дремлет внутри общества и какая снежинка может привести в движение лавину?..»

Возле президентской резиденции творилось черт-те что... Метрах в двадцати от входа пел свои кантри и спиричуэлс хор из какой-то американской глубинки.

Возле державных дверей два карапуза разложили игрушки, и чиновники президентской администрации осторожно переступали через кубики и машинки.

Девчонка-студентка нежно обнимала солдатика, невзирая на царящую вокруг суету. И никаких тебе всегда готовых ударить суровых ребят в штатском, никаких увешанных амуницией крепышей в камуфляже. Мы чувствовали себя инопланетянами в этом бурлящем весельем мире Пражского Града, резиденции Президента Чешской Республики. На дворе был июнь 2001 года, и через полчаса мы должны были снимать интервью с первым Президентом Чехии Вацлавом Гавелом.

У каждой истории есть своя предыстория

— А не снять ли нам кино? — сказал коллега Швейк, пригубив пиво.

Вообще-то коллегу звали Михал Плавец. Он представлял в Минске чешское телевидение и в профессиональной тусовке получил прозвище Швейк. Был он, как и его знаменитый литературный земляк, любителем пива, анекдотов и рассуждений. И так же, как бравоый солдат Швейк, временами попадал в различные истории. А как уже отмечено выше, у каждой истории есть своя предыстория.

— Ты смотрел вчера «Панораму»? — продолжил Михал-Швейк.

«Панораму» я смотрел: политобозреватель БТ радостно сообщил, что, согласно его информации, все чехи, венгры, поляки и прочие европейцы рвутся назад, в соцлагерь. И потому с надеждой смотрят на восток, где между Бугом и Днепром строят рыночный социализм.

Короче говоря, бэтэшный комментатор сдетонировал идею сделать совместный фильм-репортаж о двух странах, их житье-бытье. И название возникло сразу: «Путешествие со Швейком» — с Михалом в качестве репортера. Ведь Швейк с его способностью оказываться в центре всяческих событий — типичный репортер, мастер находить (и создавать) информационный повод.

Итак, решено: снимаем в Беларуси, снимаем в Чехии. Всматриваемся в настоящее, вспоминаем прошлое, размышляем о будущем. Но у судьбы свой сценарий.

Помните, с чего начинаются похождения бравого солдата Швейка? Его арестовывает за инакомыслие австро-венгерская полиция и отправляет на отсидку. В марте же 2001 года Михал Плавец был задержан белорусским КГБ и депортирован как личность, представляющая угрозу национальной безопасности страны. В Праге он сделал свой фильм «Беларусь под тенью Сталина», который прошел по чешскому телевидению и

Леонид МИНДЛИН

имел большой резонанс. В том числе и благодаря «пиарщикам» из КГБ.

Такова предыстория появления нашей съемочной группы в июне 2001 года в Праге, путешествия со Швейком по Чехии, встречи с Вацлавом Гавелом в последний год его президентства.

Интервью с Гавелом

Готовясь к интервью, я отсмотрел хронику, снятую чешскими тележурналистами в ноябре 1989-го. Это была «бархатная революция» на улицах Праги, изменившая судьбу страны, практически каждого чеха и словака. Но перед этим... Разгон студенческой демонстрации; бронетехника на улицах; нарастающее противостояние общества и режима; Гавел на импровизированной трибуне; кто-то открывает шампанское; сотни тысяч людей скандируют: «Победа! Свобода!»

Наш собеседник в те времена был всемирно известным драматургом и не менее известным диссидентом. Всего хватает в его политической биографии оппозиционера: травля, арест, тюрьма. В Пражском музее истории полиции есть постоянная экспозиция, которая рассказывает о чехословацкой госбезопасности 50–80-х. Среди экспонатов — распоряжение о прослушивании квартиры литератора Вацлава Гавела, схема установки «жучков», рапорты агентов «наружки».

— **Господин Президент, вспомните 70–80-е годы... В стране оккупационные войска, жесткий тотальный контроль со стороны компартии и ее охраны. Общество — запуганное молчаливое большинство. Было ли у вас ощущение безысходности, бессилия? Что помогло преодолеть это состояние, добиться в конце концов радикальных перемен?**

— В эти темные для всего диссидентского движения в Чехословакии годы были очень важны солидарность, сплочен-

вы знаете о тоталитарных режимах, о том, что дремлет внутри общества и какая снежинка может привести в движение лавину?»

На Пражском международном фестивале документальных телефильмов «Единый мир» фильм «Страх. Репортажи из центра Европы» (автор Л. Миндлин, оператор В. Андронов) был удостоен Гран-при.

На снимке: 3 июня 2001 года. Копия фильма от автора на память Вацлаву Гавелу.

ность. В 1968 году, после советской оккупации, правящему режиму удалось расколоть общество, раздробить его. Каждый замкнулся в себе. Тогда в стране существовали только маленькие кружки, где собирались небольшие группки единомышленников. Не было ни малейшего намека на какое-либо параллельное общественное пространство. Людям это стало мешать, и постепенно они начали создавать своеобразный параллельный общественный мир, который развивался, несмотря на репрессии и страх. Причем главным мотором такого строительства была отнюдь не уверенность в том, что через год-два ситуация изменится. Наоборот, казалось, что коммунистический режим не уйдет никогда. Но тем не менее было главное: ощущение смысла нашей работы, того, что мы боремся за доброе дело. Причем, повторяю, тогда нельзя было рассчитывать, что это когда-нибудь принесет плоды. Я помню, как приезжали зарубежные журналисты и говорили, что наше положение безнадежно, что нас всего несколько интеллектуалов, нас практически никто не поддерживает. Мы отвечали им: «Что

вы знаете о тоталитарных режимах, о том, что дремлет внутри общества и какая снежинка может привести в движение лавину?»

Люди с Запада исходили из демократических правил игры, своего социального и политического опыта. У них партия придет к власти, если она получит, скажем, 30% голосов, но мы не могли рассчитывать даже на 1% избирателей. Выборы в тоталитарном обществе в лучшем случае — иллюзия, демократическая ширма. И тем не менее наступил 1989 год, «бархатная революция», произошло падение режима.

— Чехия — член НАТО. Александр Лукашенко часто говорит о военной угрозе со стороны Альянса. Прокментентируйте, пожалуйста, возможность такой угрозы.

— Я полагаю, что у Беларуси нет причин бояться Альянса. НАТО не имеет агрессивных намерений. Их не было, к стати, и во времена «холодной войны». Это оборонный альянс. Смыслом его создания была защита западной демократии от дальнейшего распространения коммунизма на всем евроатлантическом пространстве. Альянс не ставил перед собой цели выходить за границы вошедших в него стран. Мы видели это, например, когда советские войска в 1956 году оккупировали Венгрию, а в 1968-м — Чехословакию. Никакой Альянс к нам на помощь не пришел. Почему? Да потому что он был создан для обороны входящих в него стран. Значит, даже тогда, когда были два явных мира и два явных противника, он не был агрессивной организацией. Тем более не является таковой сегодня, когда нет явного стратегического про-

тивника. Но существует множество современных угроз, поэтому входящие в НАТО государства соединяют силы для противодействия этим опасностям.

— Почему в центре Европы, пережившей в 30–80-е годы эпоху тоталитаризма, возникают режимы, подобные северокейскому, и насколько они, на Ваш взгляд, жизнеспособны?

— Попытки реставрировать авторитарную систему после падения коммунизма можно наблюдать в том или ином виде во всех посткоммунистических странах. Это распространенная тенденция. Возьмем, например, правление Милошевича в Сербии, которое, к счастью, уже в прошлом. Но даже у более приличного и мирного режима Туджмана в Хорватии были опасные черты авторитаризма. Сегодня и этот режим в прошлом. В Беларуси, по-видимому, положение намного хуже и авторитаризм заметнее. Это явление в определенный исторический период довольно распространено, но несомненно и другое — демократия всегда побеждает. Это произойдет и в Беларуси.

— Говорят, что охрана президента Лукашенко равна по численности охране президента США, что у него есть несколько резиденций, в том числе в Москве. А чем располагает президент Гавел?

— Ну столько охранников у меня нет. Здесь, в Градчанах, есть отдел, который называется Полиция Пражского Града (кремля), где работает около 180 человек. Они охраняют прежде всего Пражский Град — огромный исторический комплекс зданий, домов и садов. Второстепенной задачей является охрана резиденции. Когда я гуляю по городу, захожу в пивную или еще куда-нибудь, со мной ходят три или четыре охранника. Я — за снижение их числа, но, с другой стороны, понимаю, что какая-то охрана президенту необходима.

Сколько у меня резиденций? Здесь, в комплексе Пражского Града, который, повторюсь, уже тысячелетие является центром власти (со времен Чешского королевства и Австро-Венгерской

империи), находится резиденция, где президенту положено жить. Впрочем, живу я не здесь, а в собственном доме. Кроме того, к Граду прилегает еще летний замок Ланы, куда я часто езжу по выходным и где созываю совещания.

— Проводит ли Президент Гавел совещания и заседания, на которых всех поучает — от доярок до директоров заводов и министров.

— Совещания бывают по разным темам, но никогда не имеют характер каких-либо советов и приказов с моей стороны. Я не говорю земледельцам, как они должны сажать картошку и когда ее собирать, — они это знают лучше меня. Тем не менее сельское хозяйство меня интересует с точки зрения экологии и охраны природы. Но я в любом случае не обсуждаю это с позиции президентской власти и тем более не указываю, опираясь на свои полномочия.

— Вопрос не к Президенту Гавелу, а к Гавелу-драматургу: как бы Вы определили жанр режима, подобного тому, который сегодня существует в Беларуси?

— Я думаю, что в политике можно найти черты всех жанров: от вполне реалистической классической драмы, от какого-то исторического фарса и до беккетовской абсурдной драмы. И это наблюдается не только в одной стране.

Это фрагменты интервью, снятого 3 июня 2001 года. Телехроника — как машина времени. словно подтверждая фантастическую гипотезу, перемещаешься из настоящего в прошлое, а оттуда — в будущее... Октябрьская площадь Минска, цепочка ребят, защищающих свой майдан, свое право на свободу. В ночь на 24 марта 2006 года их за 15 минут разбрасают по автозакам... Щелчок «мышкой» — и на мониторе Вацлавская площадь Праги, ноябрь 1989 года. Цепочка пражских студентов, человек 100, не больше. Эту сотню прогонят сквозь строй полицейских дубинок, швырнут в автозаки... Но эта беззащитная сотня стала той «снежинкой» (помните слова Гавела?), которая вызвала лави-

ну. И эта лавина за неделю смела режим — со всеми его спецназами, спецслужбами, угодливыми пропагандистами и бронированными страшилками.

Такое вот воспоминание о будущем. Полезная все-таки вещь, машина времени!

Постскрипtum

Путешествуя со Швейком, мы добрались до города Ческе Будейовице, куда направлялся в свое время храбрый солдат. Летом по четвергам на городском рынке цветочно-овощной день. Туда мы и поехали, чтобы узнать vox populi. Нас по-прежнему интересовало намерение чехов вернуться в соцлагерь.

Полицейский добродушно улыбнулся: «Televizia!» — и приосанился. Продавцы и покупатели от телекамеры не шарахались, и за три часа мы узнали о множестве проблем чешского общества, услышали анекдоты о Гавеле и его жене, получили приглашение посетить «мою ферму», «мой магазин», «мою» пивную, пекарню и т. д. «А, вы из Беларуси? — восклицали наши собеседники, узнав, откуда мы приехали. — У вас Лукашенко!» Судя по всему, фильм Михала Плавеца посмотрела вся Чехия.

В общем, ни в старый, ни в новый соцлагерь покупатели и продавцы не собирались.

— А что сказал бы по этому поводу Швейк? — спросил я у шустренького, лет семидесяти, продавца цветочной рассады.

— Осмелюсь доложить, — подмигнул дед, — посоветовал бы вам заехать в мой родной городок Глубоко над Влтавой. Это отсюда двадцать минут езды. В 1994 году мы выбрали нового мэра. То есть сначала мы выбрали депутатов нашего местного самоуправления, а они — мэра. Старый был коммунистом, а хотелось перемен. Кругом какое-то движение, а у нас — стагнация. Старый мэр обиделся и уехал. Через четыре года все депутаты, которые голосовали против, получили по почте к Рождеству конверты. В каждом — купюра в 1000 крон и подпись: «Спасибо, что не избрали!» И знаете, почему? Из коммунистов он перешел в капиталисты. У него строительный бизнес, еще что-то. Швейк ска-

зал бы: «Когда мэр был коммунистом, его голова принадлежала партии и выполняла указания из Праги. Потом она стала его собственностью и научилась принимать разумные решения».

Мы съездили в чешское Глубокое, над которым возвышался памятник архитектуры — замок князя Шварценберга. Чтобы им полюбоваться, в городок над Влтавой приезжают ежегодно шестьсот тысяч туристов. В 1994 году их было 30–40 тысяч. Им хватало одной гостиницы, одного ресторанчика. В день нашего приезда в Глубоком открыли тридцатый ресторанчик, мы побывали в одном из пяти отелей. «Этот для богатых, — уточнил мэр городка, — пять звезд!» Он провел нас по городским теннисным кортам, показал новенький муниципальный бассейн, свозил в городской мини-зоосад, завел в картинную галерею и уговорил поучаствовать в 140-летнем юбилее местных «гасичей» — пожарной дружины. Кстати, всяческие праздники горожане устраивают каждую неделю. А каждый вечер все стекаются к замку — к тому моменту, когда вспыхивает подсветка, спроектированная французским дизайнером.

Местное «экономическое чудо» выглядело ярко, весело, убедительно. «Частные инвестиции, самоуправление, демократичные правила игры!» — объяснил природу экономического чуда мэра Иржи Йирса, в прошлом инженер-ядерщик и бунтарь с Вацлавской площади. При этом он скромно умолчал о роли личности в возрождении захиревших городка и замка.

— Ну, а вам-то что с этого «чуда»? — спросил я деда, к которому мы заехали попрощаться. — Продаете вот рассаду!

— Это мой бизнес. И мое хобби! — с достоинством ответил дед. — Такой рассады нет ни у кого в Южной Чехии.

И я купил пучок этой самой рассады, чтобы поддержать развитие его личного хозяйства. Хотя, взглянув на стоящую на заднем дворе «Октавию», понял, что в моих инвестициях он не очень и нуждается.

Кирилл Сухоцкий:
**«Мой опыт и образование
здесь наверняка еще
пригодятся»**

— Расскажи, как ты попал на ВВС. В Минске тебя многие помнят как «голос» «Рокса» — что, с обыкновенных FM-станций запросто берут в ведущие телерадиокорпорации?

— Конечно, нельзя сказать, что вот просто так и берут. Но и ничего невозможного тоже нет. «Рокс» был очень популярной радиостанцией, потом к нему в рамках одного холдинга присоединилось еще и «Русское радио» — у наших новостей была вполне солидная аудитория. Кроме того, мне казалось, мы делали все, что было в наших силах, чтобы как можно объективнее освещать все, что

происходит. С каждым годом это было все сложнее и сложнее, но мы пытались. И во многом, я считаю, нам удавалось делать объективные новости и говорить массовому слушателю то, что он не мог услышать еще где-то на FM-радио или увидеть на белорусском телевидении.

Однако всему приходит конец. После президентских выборов 2001 года пространство для маневра становилось все уже. Хотя мне кажется, что и те выборы мы отработали на «пять». Тогда некоторые другие станции вообще от греха подальше за неделю до дня выборов оставили в

новостях только международную хронику. А мы смогли сделать радиомосты. И в ночь после выборов наши корреспонденты были на Октябрьской площади, и на той же площади были люди, которые той ночью в

В прямом эфире бизнес-обзор из Нью-Йорка, в прямом эфире обзор британской прессы из Лондона, прямые включения из самых разных точек планеты, ведь у ВВС сотни корреспондентов по всему миру, и мы сполна используем этот ресурс.

плейерах слушали новости на нашей волне, потом звонили нам и благодарили. Тогда уже не было «Радио 101.2», далеко не все было позволено в эфире, но мы считали своим долгом да-

вать максимум возможного и стараться сопротивляться давлению сверху.

Но, как я уже сказал, всему приходит конец. И к тому же мне показалось, что самообучение — это, конечно, хороший путь, но не лучший. Мне хотелось вырасти профессионально,

Беларусь кажется провинцией только, наверное, если никуда не ездить и смущенно смотреть телевизор, где как раз и говорят что-то про то, что «Беларусь — это провинция». Я поездил и убедился, что мир очень разный. В нем нет провинций и не-провинций.

поучиться у ведущих репортеров, повариться в кухне западной журналистики. Я уехал в Лондон, получил степень магистра в области международной журналистики в университете лондонского Сити — эта школа журналистики стабильно входит в тройку-пятерку лучших в Британии. Нам читали лекции ведущие английские журналисты, да к тому же с первого дня мы занимались, что называется, «работой в поле». Уже через девять месяцев после начала учебы нас «бросили на амбразуру», и мы три недели сами полностью делали эфир настоящей коммерческой FM-радиостанции в центре Лондона, будучи и директорами, и ведущими, и корреспондентами, и рекламными агентами — мы полностью были в ответе за это радио!

В какой-то момент я подыскивал место для еще одной трехнедельной практики и позвонил в Русскую службу ВВС, предложил им свои услуги. Они, я помню, сказали, что у них нет мест, но я ответил, что не настаиваю на оплате и могу поработать три недели бесплатно, а дальше, если я им подойду, то это будет отдельный разговор. В декабре я пришел туда как стажер, предложение о работе мне сделали на следующий же день, и вот уже больше трех лет я здесь.

— Чем занимаешься сейчас? По некоторым слухам, программа «Утро на ВВС» — твоя идея и твое детище. Так?

— Нет, конечно. Я являюсь одним из основных ведущих «Утра на ВВС», а это наша программа-флагман — три часа утром в прямом эфире. Но за этой программой стоит практически вся московская команда, и никакого «Утра» не было бы без вклада каждого из нас. Каждый привносит что-то свое, все идеи всегда обсуждаются.

Хотя, конечно, Русская служба меня как раз и прельстила этой программой. По окончании учебы я рассматривал самые разные варианты продолжения карьеры — были даже экзотические, вроде работы в Румынии или в Перу. Но руководство Русской службы ВВС рассказало,

Эти выборы ознаменовали собой значительный сдвиг от «новостей из Беларуси глазами политиков» к «новостям из Беларуси глазами живущих там людей».

что у них есть идея новой утренней программы, которая станет чем-то особенным в эфире службы вообще. Мне это показалось интересным, и я переехал из Лондона в Москву.

Работа над программой шла долго, но то, что мы делаем сейчас, не имеет аналогов в российском радиоэфире. «Утро» даже считается вообще одной из лучших среди программ всех языковых служб Всемирной службы ВВС.

На протяжении трех часов мы в динамичной и, мне кажется, интересной манере рассказываем о главных событиях дня, тенденциях в политике, экономике, культуре, спорте. Здесь много сюжетов, где мы активно работаем со звуком: стараемся полностью «поместить» слушателя в место, где происходят события. Ведь для радио звук — то же самое, что картинка для телевидения. Звук играет столь же важную роль, что и слова. У нас много гостей — от 10 до 15 интервью каждое утро. В прямом эфире бизнес-обзор из Нью-Йорка, в прямом эфире обзор британской прессы из Лон-

дона, прямые включения из самых разных точек планеты, ведь у ВВС сотни корреспондентов по всему миру, и мы сполна используем этот ресурс. Я бы сказал, что это современное высокотехнологичное радио XXI века. И мне нравится заниматься этим новым проектом, принимать в его становлении и развитии активное участие.

Но помимо ведения программы у микрофона в студии, остается и корреспондентская работа. В Лондоне в университете у меня была специализация «военные конфликты» — и эти знания очень пригодились сейчас. Я работал на выборах в Чечне, неоднократно был в Беслане (я был там уже поздним вечером первого дня захвата) да и практически везде на Северном Кавказе, делал сюжеты из сектора Газа и с Западного берега реки Иордан. Также у меня за плечами всевозможные выборные кампании в России, выборы на Украине, в Азербайджане и, конечно, все последние события в Беларуси.

— А правда ли, что для успешной работы в трансконтинентальных СМИ необходимо как можно скорее забыть «проблемы Родины»?

Радиостанции, созданные на белорусских границах, вещают в основном на аудиторию, которая и так разделяет звучащую там точку зрения и не доверяет сообщениям государственных СМИ. Никакой новой аудитории эти медиа не завоевывают. Люди, которые искренне верят тому, что показывают по белорусскому телевидению (а таких очень и очень много) не знают ни о факте существования таких радиостанций, ни о том, как и где их слушать.

— С какой-то стороны, я чувствую себя человеком мира — но не потому, что я «забыл проблемы Родины», а потому что я был в самых разных частях света и знаю, насколько этот мир разнообразен. Я был более чем в 40 странах, и мне равно интересны как гудящий мегаполис вроде Лондона, так и маленькая деревушка где-нибудь в глуши индонезийского Борнео.

Я не чувствую себя провинциалом — ни в любом большом

городе, ни даже когда предьявляю свой белорусский паспорт на какой-нибудь неожиданной границе (вроде непальско-китайской) и весь погранотряд начинает изучать невиданную книжицу. Мне кажется, много путешествующий человек не может чувствовать себя провинциалом. Ведь Беларусь кажется провинцией только, наверное, если никуда не ездить и смущенно смотреть телевизор, где как раз и говорят что-то про то, что «Беларусь — это провинция». Я поездил и убедился, что мир очень разный. В нем нет провинций и не-провинций. Если ты уверен в себе, то отлично будешь себя чувствовать в любом месте.

Трансконтинентальные СМИ же как раз тем и интересны, что они глобальны. Они смотрят на новости не с национальным, а с неким наднациональным интересом. И это совсем не означает игнорирования каких-то стран. В ВВС в одной команде могут работать русский, англичанин, бразилец и швед. И в такой команде мы больше узнаем о культуре друг друга, и это позволяет нам шире и глубже смотреть вообще на все процессы, что происходят в мире. Даже события в рамках одной страны нельзя рассматривать без контекста, без широкой перспективы. А глобальные СМИ располагают ресурсами, чтобы поставить новости в такой контекст. И наоборот, наши национальные корни только помогают в этом. Я могу сравнивать процессы в Беларуси с процессами в других странах бывшего СССР или вот, например, даже в Бирме. Да и мне кажется, что за последние пару лет мне удалось вообще привлечь внимание к Беларуси. На ВВС нет больше корреспондентов-белорусов. И поскольку я глубже знаю всю ситуацию здесь, то могу рассказать обо всем, что здесь происходит интереснее, — а чем интереснее истории из Беларуси, тем чаще они будут появляться в эфире. Вот и я появляюсь в Минске уже с завидной частотой.

— **В том числе и во время недавних президентских вы-**

боров. И как тебе работалось в Минске в эту пору?

— Здесь двойкие ощущения. С одной стороны, это была замечательная новостная история, за которой следили все мировые СМИ. И когда что-то подобное происходит, то как журналист все равно получаешь удовольствие, даже если спишь по два часа в сутки.

С другой стороны, с журналистской точки зрения это было не просто. Очень большое количество работников спецслужб в форме и штатском, за некоторыми из моих коллег было наружное наблюдение. Когда мы работали у палаточного лагеря, не было гарантии, что тебя не арестуют точно так же, как митинговавших оппозиционеров. Было несколько неприятных моментов со спецслужбами, не всегда было возможно найти место, чтобы развернуть антенну для прямого эфира (как-то ночью мы ехали на машине, и везде на стоянках были знаки «остановка запрещена», и на них стояли машины с тонированными стеклами и с мужчинами внутри). В целом, не было ощущения безопасности. В этом, конечно, была специфика белорусских выборов. В остальном мы делали свою работу, стараясь представить сбалансированную картинку того, что происходит. Я был приятно удивлен тем, что многие белорусские официальные чиновники довольно легко идут на контакт, что не является правилом для некоторых других постсоветских государств.

— **«Большое видится на расстоянии». С твоего нынешнего «расстояния» какими показались события последних двух месяцев? Нашел ли ты в нынешней Беларуси новых героев (для сюжетов хотя бы), или это прежний известный круг лиц? Возможно, заметил новые тенденции?**

— Мне кажется, эти события вообще были водоразделом, когда прежнее поколение оппозиции уходит на второй план и по-

являются новые лица. Есть такое общее впечатление. В последние годы мы разговаривали с одними и теми же людьми, давали им, по большому счету, одни и те же вопросы и выслушивали одни и те же ответы. Именно поэтому в последние годы мировые СМИ потеряли интерес к Беларуси вообще.

Сейчас здесь было по-другому. Было много новых лиц из молодежи, была довольно динамичная команда Александра Милинкевича, что-то поменялось даже в настроении людей. Я от многих слышал о том, что «надоело уже ждать, если не сейчас, то когда». Правда, есть и другая тенденция. С каждым

Пределом мечтаний не может быть ничего. Как только тебе кажется, что ты достиг потолка, ты прекращаешь развиваться.

моим приездом в Минск я встречаю все больше людей, поддерживающих Александра Лукашенко. Я встречал много таких молодых людей. Я встречал немало людей, голосовавших за оппозицию в 2001 году, но сейчас искренне поддерживающих президента. И на это есть много причин.

Отличными героями для сюжетов перед этими выборами были ребята из «Свободного театра» — и они справедливо заслужили то громадное внимание мировой прессы, которое получили за последние месяцы. В этом нет конъюнктуры — просто история «Свободного театра» многое объясняет в нынешней Беларуси. В целом, я бы сказал, что эти выборы ознаменовали собой значительный сдвиг от «новостей из Беларуси глазами политиков» к «новостям из Беларуси глазами живущих там людей». В этот раз, когда меня из Лондона просили найти кого-либо для «живого» интервью какой-нибудь программе, в основном имели в виду простого человека, обычного студента, рядового жителя палаточного лагеря, среднестатистического пенсионера — сейчас это намного интереснее, чем высказывания политиков от оппозиции.

— Многие в Беларуси говорят, что ВВС, в принципе, мало интересуется Беларусью. Почему, на твой взгляд? И есть ли иные планы — ведь сейчас европейские страны прилагают усилия, чтобы со своих территорий «прорвать» вакуум, созданный белорусскими властями в отношении так называемой неподцензурной информации.

— Нельзя сказать, что ВВС мало интересуется Беларусью. Как только здесь что-то происходит, наши корреспонденты тут же оказываются на месте событий. Сюжеты о Беларуси постоянно звучат в эфире Русской и Украинской служб, время от времени сюда приезжают и телекорреспонденты. ВВС не может содержать репортеров в каждой из стран — мир скорее поделен на небольшие регионы, которые корреспонденты обслуживают.

Что касается прорыва информационного вакуума, то, мне кажется, это некоторая иллюзия. Радиостанции, созданные на белорусских границах, вещают в основном на аудиторию, которая и так разделяет звучащую там точку зрения и не доверяет сообщениям государственных СМИ. Никакой новой аудитории эти медиа не завоевывают. Люди, которые искренне верят тому, что показывают по белорусскому телевидению (а таких очень и очень много) не знают ни о факте существования таких радиостанций, ни о том, как и где их слушать. Это скорее информационное обеспечение уже существующего электората оппозиции. Прорыв информационного вакуума, видимо, должен идти другими путями.

— ВВС — это «предел мечтаний»? Как ты планируешь свою дальнейшую журналистскую карьеру?

— Я не знаю. Все меняется очень быстро. Пять лет назад я был директором службы новостей одной из крупнейших

FM-станций одной европейской страны — сейчас я веду главную программу Русской службы крупнейшей вещательной корпорации. За эти пять лет я три раза менял страну жительства, и говорить, что будет еще через пять лет, очень сложно.

Пределом мечтаний не может быть ничего. Как только тебе кажется, что ты достиг потолка, ты прекращаешь развиваться. У меня много планов. Сейчас на ВВС мы собираемся запускать новые проекты — и это должно

Я считаю, что британская пресса, пожалуй, самая интересная в мире, а британское радио и телевидение не имеют вообще никаких конкурентов.

быть интересно. Мне было бы любопытно поработать немного корреспондентом, пожить где-нибудь какое-то время. А еще впереди всплеск информационных технологий — мы вряд ли даже представляем, какими будут масс-медиа лет через десять. Вполне возможно, что вся медиасфера каким-то образом будет интегрирована посредством интернета, где люди смогут получать те радио- и теленовости, которые им интересны. Вообще, мне кажется, у «news on demand» в интернете большое будущее.

Очень часто мне задают вопрос, окончательно ли я «порвал» с Беларусью. И, к удивлению спрашивающих, я обычно твердо отвечаю «нет». При всей грандиозности горизонтов глобальных медиа в случае демократических перемен в Беларуси мне было бы невероятно интересно сюда вернуться и заниматься построением настоящих независимых профессиональных современных медиа. Мой опыт и образование здесь наверняка еще пригодятся.

— Твое самое любимое место на земле?

— Сложно сказать. Мне нравятся очень многие места, где я был. Я люблю Минск, я люблю Лондон, я люблю Прагу. Хотя ни в одном месте, наверное, я бы не смог безвылазно прожить долгое время.

Я люблю путешествовать в самые далекие места, в самые

укромные уголки «третьего мира». Там зачастую встречаешь фантастических людей с чистыми эмоциями и большим сердцем. Там же понимаешь, что мир намного разнообразнее, чем тот, что нам показывают по телевизору. Из моих последних самых сильных впечатлений выделил бы два. Это Тибет и гималайские пики (ночевку в базовом лагере Эвереста, откуда на финальный бросок к вершине уходят альпинисты, я не забуду никогда в жизни). И еще храмовый комплекс, фактически целый мертвый город Баган в Бирме, который невозможно вообще описать никакими словами. Это надо видеть и чувствовать.

— Репортер (или СМИ), у которого ты учишься?

— Мне очень нравится британская традиция журналистики — и совсем не потому, что меня учили по ее принципам. Я читаю многие газеты и отмечаю многих корреспондентов (например, Роберта Фиска из «Индепендент»). Я считаю, что британская пресса, пожалуй, самая интересная в мире, а британское радио и телевидение не имеют вообще никаких конкурентов. Я учусь у многих своих коллег на ВВС — у тех, с кем знаком, и еще больше у тех, с кем я не знаком, но кого вижу по телевизору или слышу по радио. Корреспонденты ВВС со звездными именами или без — они все суперпрофессионалы высочайшего класса, для которых важнее всего — точность, аккуратность, непредвзятость и объективность. Мне нравится подход, принятый ВВС, в отличие от многих других корпораций: точность важнее срочности. Мы должны быть уверены во всем том, что мы говорим в эфире. Может быть, лучше найти еще один источник или еще раз куда-нибудь позвонить, нежели выдать в эфир непроверенную информацию. Если ты вышел в эфир с какой-то новостью первый, а она потом оказалась неверной, то глупо гордиться тем, что ты — первый.

Беседовала Т. Мельничук

Усходнееўрапейскі Ліван

Цікавы матэрыял з'явіўся на старонках «Абазура» (N 5–6, 2005 г.). Інтэрв'ю, а дакладней дыялог вядомага літаратара, культуролага і філосафа Валянціна Акудовіча ды журналіста Аляксандра Коктыша. Матэрыял «Архіпелаг Беларусь» ёмісты: закранае і гісторыю адраджэнскага руху канца 80-х — пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя, і пытанні сацыяльнай і нацыянальнай псіхалогіі беларусаў, і перспектывы пераўтварэння «Архіпелага» ў мацярык, што ёсць стварэннем нацыянальнай дзяржавы. «Але падобнае ніколі не станецца верагодным, пакуль мы карэнным чынам не перайначым тыя ментальныя ўстаноўкі, што былі сфармаваныя цягам цэлай эпохі супраціву каланізацыі і русіфікацыі, якая трымалася на веры ў будучую магчымасць Беларусі як нацыянальнай унітарнай дзяржавы».

Юрый ХАДЫКА, прафесар

І гэтая сумная выснова, якую зрабіў В. Акудовіч, і выклікала ў мяне жаданне ўзяцца за пяро. Бо надта ж баюча закранае яна ментальнасць той самай эпохі. І хаця я разумею, што аўтары стварылі хутчэй эмацыйнае філасофскае эсэ, а не «крытычную аналітыку» нацыянальна-дэмакратычнага руху, бо любая аналітыка абапіраецца на факты, а не на ўражанні, іх аўтары тэт сам па сабе пераўтварае ўражанні ў факты. Таму я адкідаю сціплыя словы Валянціна пра тое, што ён не прэтэндуе на ролю палітолага ці ідэолага. Кожны з нас, хто піша пра стан нацыянальна-культурнага Адраджэння, становіцца і палітолагам, і ідэолагам. Калі ідэалогію не разумець паводле А. Лукашэнкі.

І першы тэзіс, які мушу аспрэчыць, гэта параўнанне нацыянальна-дэмакратычнага руху ў яго пачатковай і найбольш слаўнай стадыі са стыхійнай паводкай, якая прарывае запруду. У такіх выпадках імклівая плынь змывае ўсе

перашкоды. У нашым жа выпадку рупліўцы хутка паднавілі запруду і ўзвялі яе вышэй за ранейшую. З гэтага не зусім удалага параўнання вынікае і вельмі спрэчная характарыстыка З. Пазьняка, які, «...ачоліўшы нацыянальна-дэмакратычны рух, які фармаваўся літаральна на маршы, на ўсе сто адсоткаў скарыстаўся плёнам расейскай дэмакратычнай публіцыстыкі, прыбалтыйскіх народных франтоў і палітычнай энергіяй уласнай дэмакратычнай і ліберальна настраенай інтэлігенцыі».

У гэтай цытаце бясспрэчным здаецца толькі сцверджанне аб фармаванні нацыянальна-дэмакратычнага руху «на маршы». Сапраўды, да кастрычніка 1988 г. адраджэнскія асяродкі існавалі паасобна, не аб'яднаныя ні ідэйна, ні арганізацыйна. Сведчу пра гэта з поўнай адказнасцю, бо быў адным з тых, хто стварыў у Акадэміі навук яшчэ ў 1969 г. «Семинар па вывучэнні старажытнабеларускай культуры», які браў практычны ўдзел у заснаванні

«Збору помнікаў гісторыі і культуры» і Музея старажытнабеларускай культуры. Нас у гэтай дзейнасці натхняў бядотны стан помнікаў і адсутнасць іх вывучэння менавіта ў выніку прадуманай і бязлітаснай палітыкі каланізацыі і русіфікацыі. Мы ведалі пра гурток «мастакоў-нацыяналістаў» на «паддашку» Яўгена Куліка, але ўзаемадзеянне абмяжоўвалася падпісаннем лістоў у Маскву са скаргамі на заняпад беларускай мовы і культуры.

Мы ведалі і пра артыкул З. Пазьняка ў абарону старой Нямігі, які ён надрукаваў летам 1970 г. у «Праўдзе», і пра першую акцыю непадпарадкавання, арганізаваную ім жа ў канцы лета на Нямізе. Ведалі і пра тое, што ён разам з некалькімі гісторыкамі ў пачатку 1974 г. быў звольнены з Акадэміі і мусіў выконваць любую чорную працу, каб пражыць. І дысертацыю ён здолеў абараніць толькі праз пяць год, і не ў Мінску, а ў Ленінградзе. Хваля барацьбы з «нацыяналістамі», што пракацілася ў 1974-м, не закранула мяне і маіх калег толькі таму, што мы былі «аматарамі» і многія працавалі на «абаронку».

У пачатку 80-х утварыліся маладзёвыя арганізацыі —

«Талака» ў БДУ і «Тутэйшыя» ў пісьменніцкім асяродку. З пачаткам Перабудовы пачаўся і працэс аб'яднання. Натуральна, што ўвесь нефармальна-на-культурнага адраджэння і не меў аналагаў у Маскве. Расейская дэмакратычная публіцыстыка прывяла да стварэння ў Мінску шэрагу дыскусійных клубаў, і то толькі ў канцы 80-х гадоў. Яны, праўда, хутка распусціліся ў магутнай нацыянальна-дэмакратычнай плыні, якую і ўзначаліў восенню 1988 г. З. Пазьняк. І не толькі дзякуючы сваім ранейшым заслугам, а таксама і сваёй публікацыі «Дарога на Курапаты» ў чэрвені гэтага ж года. Публікацыя такога кшталту была першай у СССР. Яна выклікала гэтакі выбух у грамадстве, што пасля яе не мог не ўтварыцца БНФ «Адраджэньне».

Аднак З. Пазьняку давялося вытрымаць і канкурэнцыю, і шалёны супраціў улады. Таму Устаноўчы З'езд БНФ адбыўся толькі 24–25 чэрвеня 1989 г. На год пазней за Прыбалтыку і

пры дапамозе «Саюдзіса», які ў той час меў сталую перадачу на нацыянальнай тэлевізіі, дзе В. Ландсбергіс і Р. Озалас вялі гутаркі з народам.

Я згодны з В. Акудовічам, калі ён называе Зянона Станіслававіча «геніяльным палітыкам». Хаця поспехі БНФ былі звязаныя не з адным Пазьняком. Калі ў красавіку 1991 г. нечакана выбухнулі грандыёзныя страйкі, Пазьняк быў у ЗША. Першы сцяг над цёмна-шэрым натоўпам 2 красавіка ўзняў Сяржук Сокалаў-Воюш. А страйкамы стваралі В. Івашкевіч, С. Антончык, Г. Быкаў, В. Вячорка, Г. Мухін, М. Собаль і многія іншыя. Сапраўды, ужо пачынаючы з другога мітынгу над галовамі рабочых уздымалася ўсё больш бел-чырвона-белых палатнішчаў.

Але і геніяльныя палітыкі — толькі людзі, якія могуць рабіць памылкі. Такая істотная памылка была дапушчана восенню 1992 г., калі мы не паднялі народ супраць рашэння ВС не праводзіць рэфэрэндум, за які выказалася больш за палову мільёна людзей. Я прысутнічаў на тым паседжанні

фракцыі БНФ у Вярхоўным Савеце, якое адбылося адразу пасля таго, як Булахаў, Ганчар і Лукашэнка дамагліся пераносу рэфэрэндуму на няпэўны час. В. Голубеў, С. Навумчык, Л. Зданевіч і іншыя прапанавалі скласці свае мандаты, актыўна супраціўляцца незаконнаму рашэнню. Але перамагла пазіцыя З. Пазьняка, які лічыў, што больш карысным будзе далей працаваць у вярхоўным заканадаўчым органе. Ужо летам наступнага года адбыўся апошні мітынг на прыступках «белага» дома, да якога сёння і падысці без дазволу нельга. А папулярная тады журналістка Г. Айзенштат абвясціла пра канец «вулічнай дэмакратыі» і заклікала працаваць «прафесійна».

Праўда, асабіста для мяне істотныя перамены ў настроях грамадства сталі відавочнымі ў красавіку 1995 г., калі былі збітыя і выкінутыя з парламента дэпутаты БНФ і міліцыя ўжыла сілу супраць людзей, што выйшлі бараніць іх на плошчу Незалежнасці. З таго часу прастора «вулічнай дэ-

макратыі» бесперапынна сціскаецца. І не зусім мае рацыю В. Акудовіч, калі, прыгавдаваючы перажыты ім страх ля Маскоўскіх могілак у 1988 г., лічыць яго сёння, пасля многіх распраў над дэманстрантамі, «крыху дзіўнаватым». Супрацьстаяць брутальнай, безразважнай сіле заўсёды страшна.

Я таксама належу да тых, хто не лічыць перамогу А. Лукашэнкі ў 1994 г. наканаванай нам звыш. Зразумела, што галоўнай прычынай паразы дэмакратыі быў раскол. Саступіць павінны быў С. Шушкевіч. З чыста псіхалагічных прычын. Тады А. Лукашэнка толькі апранаўся ў тогу «тэрмінатара». А З. Пазыняк быў ім. Толькі ён мог ачысціць аўгіевы стайні ўлады. Да таго ж ён лепш адукаваны і гэты ж артыст, таму мог перамагчы ў двубой. Трэба было толькі апярэдзіць В. Кебіча.

І нарэшце пра тое, за што я ўдзячна В. Акудовічу. У пачатку інтэрв'ю ён мімаходзь заўважае, «што сама сацыякультурная сітуацыя Беларусі не мела ў сабе таго патэнцыялу, які гэты рух (БНФ) мог бы падтрымліваць у заяўленым напачатку маштабе». А ў канцы з сумам канстатуе: «Беларусь ніколі не будзе спрэс беларускай». І прапануе «сканцэнтраваньне пачынаючы патэнцыялу нашых партый, рухаў, таварыстваў і т. п. на тых асяродках, справах ды праектах, дзе беларускасць прысутнічае ў натуральных і жывых формах». Тады зачараваныя беларушчынай змогуць надалей утульна і плённа ладзіць сваё быццё ў згодзе і побач з тутэйшымі, рускімі, палякамі ды ўсімі іншымі». Здаецца, усё слушна. Як кажуць, у самую сярдзіну. Але...

Ёсць на свеце краіна невялікая, але цікавая. Яе плошча меней плошчы любой нашай вобласці. А насельніцтва толькі ў тры разы меней. 90% жыхароў — арабы. Але мусульман меней за 50%. Большасць хрысціян, сярод якіх праваслаўныя, каталікі і уніяты. Сярод мусульман пароўну шыйтаў

і сунітаў. Усё ёсць у гэтай краіне, няма толькі міру. Гэта — Ліван. Дваццаць год таму там палала грамадзянская вайна. Дваццаць год там стаялі сірыйскія войскі. Год назад там забілі прэм'ер-міністра, і злачынца не знойдзены.

У Беларусі больш за 80% беларусаў. 70% — праваслаўныя, добрая палова з якіх «праваслаўныя атэісты». 15% — каталікі. Ёсць паслядоўнікі двух дзесяткаў пратэстанцкіх цэркваў, а таксама іудзеі, мусульмане, стараверы. Акрамя таго, беларусы падзяляюцца на «захаднікаў» і «ўсходнікаў». «Зачараваных беларушчынай» і «тутэйшых». Дэмакратаў і прыхільнікаў прэзідэнта. Гэтыя кантрастныя вызначэнні можна працягваць бясконца. У Ліване, «каб не было вайны», існуе арыгінальная сістэма ўлады. Прэзідэнтам там можа быць толькі хрысціянін, а прэм'ерам і спікерам — толькі мусульманін. Але вайна ўсё адно часам пачынаецца. Станоўчы праект В. Акудовіча, які накіраваны на стварэнне выспаў нутрана замкнёных супольнасцяў, ёсць праектам ліванізацыі Беларусі. З апораю на войскі суседняй «Сірыі», якія толькі кансервуюць расколы.

Прапануючы гэткую палітычную канцэпцыю, В. Акудовіч ігнаруе адну цікавую гістарычную заканамернасць. Ні адзін перыяд барацьбы за незалежнасць, волю і дэмакратыю ў Беларусі не пачынаўся без змагання за нацыянальна-культурнае Адраджэнне. Толькі ў нашай гісторыі, у нашай культурнай традыцыі можна знайсці тое духоўнае апірышча, той клей, што мусіць ператварыць натоўп у нацыю. БНФ дзейнічаў заўсёды строга ў адпаведнасці з гэтай парадымай. Калі мы змагаліся за адзіную дзяржаўную мову, то змагаліся за справядлівасць, а не за сваё права. Калі не пайшлі на захоп улады ў 1991 г., хоць у ЦК КПБ палілі паперы, то лічылі, што любы гвалт рана ці позна выкліча ў талерантнага беларуса пра-

тэст. На жаль, не ўсе беларусы талерантныя. Я адчуваю сваю віну за тое, што не ўлічваў гэтага.

Скончыць я хачу вялікай цытатай з вялікага расіяніна. У 1988 г. акадэмік А. Сахараў пісаў: «Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую «антишколу», приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря «народ», я имею в виду и интеллигенцию).

Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от нас всех. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность каждого в ее успехе! И еще — чувство большой общей цели, такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, — а для этого нужно одно — говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами».

Здаецца, што Андрэй Дзмітрыевіч глядзеў у нейкае чароўнае люстэрка і на шмат гадоў наперад прадбачыў шлях не толькі Расіі, але і Беларусі. А ён быў такі «далёкі ад народа», як ніякі БНФ. Таму я веру, што праект унітарнай нацыянальнай Беларусі лепшы за архіпелаг Беларусі, бо гэта — вялікая агульная мэта.

Творчая брама

Аляксей БЕЛЫ

* * *

Час ляціць, а ўсё няма палёгкі,
Бэсцяца святыні і забыты...
Мова нашых прашчураў далёкіх
Стала зараз моваю эліты.

Шмат каму няма ў ёй патрэбы —
Іншы вецер над краінай вее.
Ёсць у плесбу хлеб, і ёсць да хлеба.
Хто з іх, еўшы, зараз не пацее?..

А мая душа не адбалела
Аб пакутным лёсе Беларусі.
Усё адно манкуртам не скаруся,
Бо працую Аляксеям Белым
І пасаду страціць не баюся.

* * *

Каб рушыць у свет,
нам хапае прычын, —
Такі, пэўна, лёс чалавечы...
І мы, бы на крылах, кудысьці імчым,
Чакаючы новай сустрэчы.

Для нас і кароткі
прыпынак — турма,
Ізноў абарвалася рэха...
А ўсё вельмі проста — бо часу няма,
І трэба транзітам праехаць.

Сябры адыхозыць: то лёс іх, то час,
Хто раптам памёр, хто забыты.
А што застанецца на свеце ад нас —
Ад тых, хто ўсюды транзітам?

Ад тых, хто пазбыўся тугі і бяды,
І ў вочы глядзіцца, бы ў бездань,
І бачыць вялікія ўсе гарады
Здалёку ці толькі праездам.

За кожнай хвілінай
ляціць наўздагон,
Пакуль не стары і не хворы.

Але дасягне калатлівы вагон
Хіба што паўночнага мора.

А недзе ёсць Прага і нават Парыж.
І там гэта ж самае неба...
І толькі калі ты ля крыжа стаіш —
Спяшацца не трэба.

...Усё ж нешта зрабілі і мы на вяку,
І месціцца ва ўспамінах:
Каханая, ціхі дамок у садку...
І вось ён, супынак!

Пераможцы

Ліпень выкіне белых язмінаў сцягі,
У неба ўздымаецца
жаўранак звонкі...
Не ідуць па вадзе ад асколкаў кругі,
Зараслі бур'янамі варонкі.

Менш і менш ад вайны і турбот,
і слядоў,
Смерш не ўзгадваюць болей і
Стаўку.
Вызваліцелі вёсчак і гарадоў —
Хто застаўся — прыселі на лаўках.

У нядзелю на лаўцы.
А так — баразна,
Што і кроўю, і потам паліта.
«Камунізму цяпер і здалёк не відна,
Засталіся хіба зампаліты...»

Час цячэ. І рачулка ля лесу цячэ.
Ну а ён, пераможца, пры зорках,
Возьме коску-сямерку ды ціха таўчэ
Парыжэлю траўку на ўзгорку.

Косіць. Гнецца памалу
да цёплай зямлі —
Ёсць на вёсцы ў сене патрэба.
«Дзякуй богу,
кароўку пакуль не звялі,
Так што будзе і хлеб, і да хлеба».

Ёсць і пенсія. Нават няблага даюць —
Не дванаццаць рублёў, як калісьці.
Але ж трэба ўнукаў адзець і абуць,
Іх бацькам гэта пенсія — выйсце.

Колькі ў гэтым «калхозе» заробіш
цяпер?
Сорак тысяч? Куды ты іх кінеш?
Кажуць, што чалавек чалавеку — не
звер,
А глядзі — той тлуссее, той гіне.

...У святы з раніцы самай
чакаюць гасцей,
Сельсавет іх даставіць да пляцу.
Медалёў усё больш.
А жыццё карацей,
Але ж трэба і жыць, і трымацца.

Трэба павязі часу
навекі злучыць
Справай, а не прамоваю кідкай.
Унучцы трэба было б памагчы,
давучыць,
А пасля і памерці не брыдка...

* * *

Палахлівых свеччак рад
(Бог ім тут каравул прызначыў).
І нязграбна хрысціцца брат,
І пляменнік сцішана плача.

Двор бацькоўскі — нібы цвінтар,
Пахне ладанам і марозам.
І малітву цягне святар.
І ніяк не схаваеш слёзы.

Што было — у нябыт уцякло,
Ды не ўсё прайшло стараною...
Апусцела ў вёсцы жытло...
Быццам вымерла ўсё сяло —
Усё сяло ідзе за труною.

* * *

Ну вось і Хрыстос уваскрэс,
І дзень падаецца бясконцым,
Паедзем, каханая, у лес,
Дзе рэчка і сонца.

Там птушкі дзівосна пяюць,
І ў трэлях — такія адценні!
І дрэвы яшчэ не даюць
Амаль аніякага ценю.

І недзе на пятай вярсце,
Ля самага небакраю,
Чаромха яшчэ не цвіце —
Чакае...

Пінскі фарватэр

У гэтай праўдзівай гісторыі пазнавальныя, але зьмененыя імёны герояў — тым аўтар, на думку рэдакцыі «А», узяняў асэнсаваныя неахайнай рэчаіснасьці да чысьціні мастацкага твору.

Павел ЛЯХОВИЧ

Прывячаю Людміле Ляховіч, маёй жонцы

Ноччу прысьнілася, сорамна сказаць, дзярмо. Быццам іду я недзе, а навокал... аж няма куды ступіць.

— Хорошы сон, — сказала раницай Люда. — Гэта на грошы. Можа, працу дзе знойдзеш.

— Калі ты кінеш усе гэтыя прыкметы? Фігня ўсё. — Ну ня веру я ў сувязь соннага дзярма з грашыма. — Лепей сьняданкам займіся.

Цокаючы па падлозе кіпцюрамі, зайшоў Рой, сямігадовы эстонскі ганчак, «гарачы эстонскі хлопец», як жартуе Люда. Замахаў хвостом і стаў заглядаць у вочы. Ясна — на вуліцу прасіцца.

— Зараз ідзём, пачакай, толькі зубы пачышчу, — папрасіў я Роя. — Не махай так хвостом, задніца адламаецца.

Зразумеў. Уздыхнуў і паплёўся на сваю «канапу» з паралёну — чакаць.

Ужо сярэдзіна сакавіка, а на вясну нешта не падобна. Сьнег, марозік. Хоць днём даволі добра прыпякае, і гракі дражняцца ўсімі гарадзкімі гукамі.

Аблазілі з Роем пляцоўку, выдзеленую гарадзкімі ўладамі для выгулу сабак. Пляцоўка на апошнім некранутым будоўляй археалягічным помніку Пінску. На рэштках гарадскога валу, што ўпіраецца ў агароджу сударамонтнага заводу. Жыхары «прыватнага сэктару» не-не ды скідалі тут употай пакет-другі сьмецьця. Змагаючыся зь імі, гарадзкія ўлады прыбілі да дрэва шыльду: «Мусор не бросать. Штраф...». Нягледзячы на пагрозу, сьмецьце зрэдку ўсё адно зьяўлялася. Тады шыльду зьнялі

і прывезьлі жалезную скрыню. Сьмецьця адразу пабольшала разоў у сто. Зараз скрыні няма, на помніку археалёгіі сапраўдная звалка, і стаіць новая шыльда: «Господом Богом молим. Не сорите!»

Роя я са шворкі не спускаю. Раней было — адпускаў пабегаць, дык згубіў пад машынамі двух сабак. Ідзем дадому. Ён ужо зрабіў усе свае справы, але не прапускае ніводнага дрэва і кута, усё яму трэба абнюхаць і «расьпісацца». Цікава, што ён

там чытае? Пабыць бы пару дзён сабакам...

...Мы ўжо падымаліся па прыступках ганку, як я пачуў вокліч: «Павел Андреевич! Подождите!» Да нас беглі двое ў аднолькавых чорных куртках і вязаных шапачках-«мэнінгітках». Мянты. Мода ў іх такая, ці што, апранаюцца ў цывільнае, як дзятдомаўцы — усё аднолькавае. На днях я дапамагаў арганізаваць сустрэчу з «электаратам» аднаму з альтэрнатыўных кандыдатаў у прэзідэнты і быў упэўнены, што расплата надыхдзе. Вось яна і наступае. Пад дыхавідай непрыемна засмактала. Спакойна. Не трэба, каб яны ўбачылі хваляваньне.

«Дзятдомаўцы» за пяць крокаў выхапілі пасьведчаньні і працягнулі ў мой бок. Быццам з такой адлегласьці нешта можна прыгатаць.

— Мы из милиции. Нужно поговорить.

Можаце не цягнуць свае «корачкі». І так за кілямэтар відаць,

хто вы. А як вы мяне пазналі? Я што, карыстаюся такой папулярнасьцю ў вашай канторы, што мяне ўсе ў твар ведаюць?

— Работа такая... — з усё сілы паказваючы, які ён «круты», вымавіў адзін. — Павел Андреевич, наше начальство хочет с вами побеседовать. Давайте съездим. Мы вас на машине доставим.

— Вы мяне затрымліваеце?

Ясна, затрымліваюць. Можна, адмовіцца, запатрабаваць позову? Не, пачнуць круціць рукі, давядзецца выпусьціць сабаку, сядзе за сучкамі і прападзе.

— Нет-нет! Что вы! Просто побеседовать!

Значыць, можна зайсьці ў пад'езд. Можна схавацца ў суседзяў: абшукаць семдзесят тры кватэры яны наўрад ці здолеюць. Але... Мярзотна ўсё. Хавацца, не зрабіўшы нічога процізаконнага. І жонку будуць дапякаць тэлефанаваньнямі... І па горадзе трэба будзе перамяшчацца «кароткімі перабэжкамі».

А-а! Зьезджу. Паглядзім, што там за «гутарка». Мо і праўда хочуць папярэдзіць перад выбарамі аб выкананьні законаў. Дык я нічога і не парушаю.

— Люда, мяне зараз спынілі на вуліцы мянты, мабыць, будуць садзіць. Зьбяры, калі ласка, пару прасьцінаў, мыла, зубную шчотку і пасту. І ручнік. І дай спартыўны касьцюм пераапануцца.

Малайчына жонка, вочы крыху акругліліся, але ўвогуле спакойна пачала зьбіраць «турэмную торбу». Так. Што зараз? Трэба патэлефанаваць знаёмым журналістам. І пашпарт не забыцца.

— Сядзь пасьнедай! Зараз можна не сьпяшацца.

Можна то можна, але не хацеў бы, каб у дзьверы пачалі ламацца.

— Ведаеш што, ня вельмі хочацца.

Сапраўды, ня хочацца, хоць апошні раз еў учора вечарам.

У «Пінскім часе» спалочаная Надзя паведамліла, што рэдактар пайшоў у міліцыю даведацца, чаму з працы забралі актывіста з групы падтрымкі адзінага кандыдата ад дэмослаў, і раптам зьнік. І «мабільнік» ягоны змоўк. Ага, значыць, аблава. Рана. Да выбараў яшчэ чатыры дні...

...Да пастарунку ехалі хвілін пяць. Прымусіў сябе супакоіцца ня толькі зьнешне. Узгадаў лёзунг старых, сталінскіх яшчэ вязьняў: «Ня вер, ня бойся, не прасі».

Прынамсі, што да першай часткі мудрасьці — «Ня вер...». Толькі ўвайшлі ў пастарунак, адзін зь «дзятдомаўцаў» некуды зьнік, а другі з выразам твару «обманули дурака на четыре кулака» паведаміў мне: «А вот сейчас — задержание!» І сеў за столік у фае, разьдзеленым кратамі на дзьве часткі, пісаць паперу.

— Ну, і ў чым вы мяне будзеце абвінавачваць?

— Потом узнаете...

— А зараз я хачу «узнаць» ваша прозьвішча, пасаду і званьне.

Зноў, як і каля дому, тычнуў мне ў твар пасьведчаньнем.

— Не, я так нічога не разьбяру. Дайце прачытаць.

Неахвотна аддае «корачкі» ў рукі. Казьлюк Сяргей, старшы лейтэнант міліцыі, апэрупаўнаважаны. Шкада, забыўся ўзяць паперу і аловак. Ну, нічога, запомню. А зараз, пакуль ён піша, трэба прымусіць сябе адкаснуцца ўнутрана ад усяго, што застаецца па-за гэтым будынкам. Усё, ніякіх плянаў, нічога на бліжэйшыя тыдзень альбо два не існуе. Нічога, акрамя гэтых сьценаў, няма...

...Доўгі калідор зь дзьвярыма налева-направа. Адны дзьверы адчыненыя, там маленькі маёрчык крычыць па тэлефоне, відаць, размаўляе з босам: «Май-ор Гринёк слушае! Есть! Так точно! Сейчас разберёмся с демократами — и сразу!.. Есть!»

У кабінэце лейтэнант, апраунуты ў пакамячаную форму, прымушае Казьлюка перапісваць рапарт нанова. Нешта там не зрастаецца. Потым, заглядачы ў Казьлюкову паперу, запаўняе нейкі блянк. Пытаецца, зьвяртаючыся да мяне:

— Фамилия, имя, отчество?

Я моўчкі лезу ў кішэнь, дастаю пашпарт і аддаю яму. Гартае, піша.

— Дети есть?

— Навошта вам мае дзеці?

— Положено...

Вам «паложана» — вы і капайце. А я ня бачу прычыны вам аб усім дакладваць. Вы мяне чаго сюды зацягнулі, на якой падставе пытаецца? Усё, што вам патрэбна, ёсьць у пашпарце.

— Где работаете?

— Адказ ранейшы — капайце самі.

Засоп, але змаўчаў.

— Распишитесь. Вот здесь.

— А што гэта?

— Это протокол административного задержания. Чисто формальная штука. Вам нужно только расписаться.

— Здаецца, я маю права пазнаёміцца з гэтымі паперамі? Дык я зьбіраюся гэтым правам скарыстацца...

— Пожалуйста... — абыякава паціснуў плячыма. — Знакомьтесь. Только моё и своё время зря тратите...

— Да вашага «врэмені» мне няма ніякай справы. А што да майго часу, то, здаецца, вашымі клопатамі мне няма куды сыпашацца.

Паводле рапарту Сяргея Казьлюка, я выгульваў сабаку без намызьніка, а сабака «падаваў голас» (от жа дэбільная мова! Чаму не «брахаў» ці там «гавкал», «лаял»?) на пінчукоў і гасьцей гораду. А калі Казьлюк з напарнікам зрабілі мне заўвагу, я нецэнзурна вылаяўся і на заўвагі не рэагаваў (калі вылаяўся, значыць, зрэагаваў. Ну і тупыя!). За гэта быў затрыманы і дастаўлены ў пастарунак. Куды дзеўся сабака, у рапарце не паведамлялася.

Праатакол затрыманьня быў вытрыманы ў стылі рапарту. Графа «час затрыманьня» не запоўненая. Прымусіў запоўніць. Каля месца для майго роспісу — пару радкоў для тлумачэньняў. Пачаў пісаць тлумачэньні: «Правапарушэньне, выкладзенае ў рапарце ст. л-та Казьлюка, у прыродзе не існавала, і рапарт, і праатакол сфабрыкаваныя...»

— Что вы там пишете? — занепакоіўся пакамечаны лейтэнант. — Вы должны написать только, согласны или не согласны с протоколом!

— Не «сагласны» я! Пішу, што вы з Казьлюком сфабрыкавалі на мяне гэтыя паперы. Тут, на блянку, мала месца, я напісаў, што працяг — на дадатковым аркушы. Дайце мне, калі ласка, аркуш паперы...

— Ар... Что? — выгляд лейтэнанта быў такі, што я ледзьве не разрагатаўся.

— Ну, я зьбіраюся напісаць тлумачэньні, а месца на праатаколе не хапае, то я прашу даць мне, на чым працягнуць гэтыя тлумачэньні.

— Вы будете расписываться или нет?! Если не будете, то и не надо!

— Буду, буду. Толькі я ня скончыў тлумачэньні, месца не хапіла, дык я напісаў, што працяг тлумачэньняў — на дадатковым аркушы. Так што ў судзе, мабыць, спытаюцца, дзе працяг. Дык я маю намер дапісаць тлумачэньні, а потым падпішу.

Лейтэнант са злосьцю выхапіў пратакол.

— Покажите, что у вас в пакете!

— Глядзіце самі. Калі гэта ваш абавязак — то выконвайце яго. Я да вас у памочнікі не наймаўся.

Лейтэнант вываліў зьмесцьвіва на стол і пачаў запісваць, прыгаворваючы:

— Простыни — две, зубная паста — одна, зубная шётка — одна, мыло — одно, мыльница — одна, полотенце — одно. Поднимите руки.

Спрытна злазіў у мае кішэні, дастаў ужываную насоўку і сьцізорык — іх таксама запісаў. Абмацаў усяго, нават у шкарпэткі злазіў.

— Подпишите. Это протокол досмотра. Чтобы потом не говорили, что у вас что-то забрали...

— Тут вось запісана, што прысутнічалі панятыя. А іх не было. Як гэта разумець?

— Понятыя были, — лейтэнант нахабна глядзіць мне ў вочы. — Они потом распишутся.

Шлях да турмы зусім блізкі. Тут яе называюць «ізалятар урэменнага садзяржання». Крыху па калідоры, потым дзясятка прыступак уніз, дзьверы з мэталёвых пругоў, зноў уніз — і пашарпаны стол пасярэдзіне калідору. За сталом пузаты старшыня з тварам жанчыны-алькагалічкі і пустымі заплылымі вачыма. Абмацавае, забірае шапку і прасьціны, пакет з ручніком, мылам, шчоткай, пастай аддае мне.

— Руки за спину!

Што добра гучыць па-расейску, дык гэта каманды. Раблю выгляд, што не зразумеў.

Вядзе налева па калідоры. У калідоры нечым сьмярдзіць, крыва атынкаванья сьцены пафарбаваныя ў цёмна-зялёны колер. Зьлева і справа зачыненыя дзьверы. На некаторых прастанутныя амбразуры зь дзьверцамі. Яшчэ ўздоўж сьцен нейкія тоўстыя трубы. У канцы калідору закратаванае вакно. Паўпадвал.

Спыняемся ля дзьвярэй пад нумарам дванаццаць з круглым зашклёным вакенцам і адчыненай «амбразурай». Вось зараз я

ўвайду туды і скажу... Што ска-
заць, каб ня трапіць у няёмкае
становішча? Там жа свая, невя-
домая мне субкультура. А! Проста
паздараўкаюся і спытаюся,
дзе мне размясьціцца.

Дзевы са страшэнным шор-
гатам адчыняюцца, і я ступаю ў
змрок. У нос б'е нясьцерпны
смурад застаялай мачы і ты-
тунёвага дыму. Гэткае, толькі
нашмат слабейшае, можна ўню-
хаць у прыбіральнях не-
сталічных беларускіх вакзалаў.
Спыняюся. Дзевы з такім жа
шоргатам зачыняюцца. Нічога
ня бачу, але чую моцны рогат.
Чым гэта я расьсьмяшыў вязь-
няў камэры нумар дванаццаць?

Вочы прызвычайваюцца, і са
змроку выплывае памяшканьне
памерамі прыкладна чатыры на
тры мэтры. На процілеглай сьця-
не — прастакутнік з бляхі, у
блясе нароблена крыху дзірак.
Відаць, за ёю вакно. Над дзвямі
рыма цьмяная лямпачка ў бруд-
ным шкляным пляфоне.
(Разьбівай пляфон — і хоць
рэжся сам, хоць рэж іншых.)
Уваходныя дзевы ля левай
сьцяны. Адразу ля дзвямі
прастакутнік падлогі, недзе мэ-
тар дваццаць на паўтара. На гэ-
тым прастакутніку ля сьцяны
алюміневы бак, такія служылі ў
савецкім войску для гатаваньня.
Бак накрыты плітой ДСП.

Астатняя падлога камэры
сантымэтраў на шэсьцьдзе-
сят-семдзесят паднятая і ўтвар-
рае нейкае падабенства сцэны.
На ёй варушыцца ў змроку
чалавечыя месіва і рагоча. Так,
досьвед начлегу ў мурманскай
афіцэрскай гаўптвахце мяне
падвёў, з прасьцінамі я паспя-
шаўся. Добра, што здагадаўся
апануць старую куртку, ёсьць
што кінуць на дошкі.

— А я думаў — цябе першага
тут сустрэну! А ты толькі зараз!
Цябе дзе ўзялі? — гарлае
Яршук, рэдактар «Пінскага
часу», і я бачу яго ў атачэньні
знаёмых з групаў падтрымкі кан-
дыдатаў у прэзыдэнты
Мілінкевіча і Казуліна. Ляжаць
яны ля бляхі зь дзіркамі — ля
сьвяжэйшага паветра, зна-
чыць. — А Аўсея ня бачыў? Яго
таксама ловаць! Але ён як уба-
чыў, што мяне павялі, то за-

дам-задам — і ходу! Мабыць,
ужо недзе ў дызэлі да Лунінца
пад'яжджае!

— Зараз раскажу. Дзень доб-
ры, спадары сядзельцы. Куды
мне тут уладкавацца?

Уся «сцэна» занятая цэламі, і
я не ўяўляю, што магу разь-
мясьціць тут яшчэ і сябе.

— Разувайся і кладзіся вось
тут, — Віця Яршук і зь ім яшчэ
трое палітычных падціскаюць
ногі. — Гігіена, браце! Параша
— толькі для малой патрэбы.
Тут вось, — паказвае на
поліэтыленавае вядро з бруднай
эмаліраванай накрыўкай, на
якой стаіць амаль чорны
эмаліраваны ж кубак, — вада
для піцьця. У прыбіральню вы-
пускаюць два разы на дзень —
пасья пад'ёму і перад адбоем.
Ну, цябе за што затрымалі?

— Сабака брахаў... Мацю-
каўся на мянтоў...

Зноў выбух рогату:

— Што?! Сабака брахаў ма-
цюкамі на мянтоў?!

— Ну, блин! Менты совсем
оборзели! Ладно, этих, — стали
ўжо, сівы хударлявы мужчына
зь няўлоўнай пячаткай
хранічнага зэка (чамусьці я іх,
а яшчэ міліцыянтаў і вайскоўцаў,
амаль беспамылкова ўгадваю —
шмат разоў правэрана) кінуў
на сваіх суседзяў, — напілись,
подрались, жену поколотили,
тёщу там... Но вас! Вы же ниче-
го против ихних же долбанных
законов не сделали! Это же бес-
предел! Это что ж? Вас всех за
мелкое хулиганство замели?
«Нецензурно выражались, на
замечания работников милиции
не реагировали»? Падлы, хочь
бы для приличия формулировки
разные придумали!

— Им по всей Беларуси при-
казано перед выборами изоли-
ровать тех, кто «засветился» и
гарантированно будет против
Лукашенко... И этим же прика-
зом доведена формулиров-
ка... — «перахапіў мікрафон»
лідэр мясцовых сацыял-дэмак-

ратаў Касьцевіч. Сяргей любіць пагутарыць з электаратам.

Аказалася, што раніцай на працу да Зьміцера Базевіча, 22-гадовага сябра групы падтрымкі Мілінкевіча, прыехалі два міліцыянты. Выходзіў ён з паднятымі ўгору рукамі. У пастарунку склалі пратакол — «нецензурна ляўся, на заўвагі не рэагаваў».

Даведацца, што ж гэта робіцца, у пастарунак сунуўся з журналісцкай цікаўнасьцю Віця Яршук, чым вельмі ашчаслівіў «праваабаронцаў». Сьледам за Яршуком сунуліся Сяргей Касьцевіч і Саша Аўсенка, але Саша свочасова адчуў непярэліўкі і зьнік. А Сяргей зь Віктарам у

пятю? Ну, ребята, вядома, вас приказалі канкрэтна гасіць! Такая спешка!

Выводзілі па адным. У двары пастарунку — проста лядзвярэй — стаяў «чорны воран», праўда, быў ён шэры, без вокнаў, з аднымі дзвярыма. Падобны да хлебавозкі. З бакоў, перакрываючы шлях, два прапаршчыкі. Унутры «воран» абсталяваны маленечкімі выградкамі-клеткамі з дзвярыма-кратамі. Віця паспрабаваў загаварыць з прапаршчыкам, але той грозна закрычаў: «Не разговарываць!» — І Віця змоўк.

Першым на суд вывелі з «ворану» Чавука. Я знайшоў у

— В протоколе задержания записано, что вы, находясь по улице Завальная, четыре, нецензурно выражались, на замечания работников милиции не реагировали... Вы согласны с протоколом?

Калі гэтыя, пшэпрашам, «праваабаронцы» бессаромна лгуць, робячы нашмат большае злчынства, чым тое, якое спрабуюць «навесіць» на мяне, то зараз салгу і я. Цікава, каманда ізаляваць праціўнікаў рэжыму дадзеная толькі мянтам ці і судзьдзям таксама? Пракуратуры дадзена, гэта відаць з захопу Чавука. Паглядзім, як гэты гладкі дзядзька будзе выкручвацца зараз, ці паспрабуе разабрацца ў нестыкоўках?

— Пан судзьдзя! —

О! Перасмыкнула ад «пана»! Але і «ваша честь» ты ад мяне не дачакаецца. — Там яшчэ запісана, што мяне затрымалі, калі я выгульваў сабаку. — Судзьдзя кіўнуў. — Дык вось, таго правапарушэньня, у якім мяне абвінавачвае пратакол, насамрэч не існавала ў прыродзе. Старшы лейтэнант Казьлюк свой рапарт пра правапарушэньне папросту высмактаў з пальца. Там усё — мана. Мяне забралі з кватэры. Доказам гэтага можа быць мая вопратка — бачыце, я апрануты ў спартыўнае, я так па вуліцы не хаджу.

Апрача гэтага я ўзяў з сабою мыла, зубную пасту, ручнік. Як вы думаеце, браў бы я гэтыя рэчы для таго, каб выгуляць сабаку? Так што забіралі з кватэры. Што, Казьлюк з таварышам ішлі па вуліцы Завальнай і пачулі, як ў кватэры мацюкаюцца? Не, пан судзьдзя! Гэта проста ідзе «зачыстка» электаральнага поля перад прэзыдэнцкімі выбарамі. Вас, пан судзьдзя, работнікі міліцыі хочучь зьвесці ў зман!

На мой наіўны погляд, кожны судзьдзя пасья гэтага павінен быў выклікаць на допыт мянтоў, што мяне затрымлівалі.

фае пастарунку «пачалі нецензурна ляўца»... Кастуся Чавука схапілі ў пракуратуры, куды ён прынёс нейкую скаргу. Заяву аб тым, што ён «нецензурна ляўся і не рэагаваў...», напісала нейкая тамтэйшая сакратарка.

Зарыпелі дзверы, і ў сьветлым пракакутніку ўзнік пузаты старшыня.

— Базевіч, Яршук, Чавук, Костевіч, Ляхно! Приготовьтесь к выходу! На суд поедете.

— Ни фигя себе! — здзівіўся хударлявы зэк Мікола. — Я здесь, может, пятнадцатый раз, но никогда не было, чтобы к концу рабочего дня на суд возили! Сейчас сколько? Думаю, часов

сваёй клетцы некалькі гарэлых запалак і ледзьве пасьпеў напісаць імя на сьяне: «Жыве Беларусь!» — як Кастусь ужо вярнуўся: «Пяць сутак!»...

...Вывелі мяне і ў атачэньні двух прапаршчыкаў завялі на другі паверх у маленькі кабінэцік. «Рукі за сьпіну!» не гыркалі. Паказалі, куды стаць, адзін засланіў шлях да дзвярэй, другі — да судзьдзі. Судзьдзя — мажны, сыты мужчына ў чорнай мантыі, абшытай па краях залацістым кантам і падобнай да папоўскай рызы, спытаў прозьвішча, імя, імя па бацьку. Побач, на краі стала, шчыравала сакратарка.

— Так вы не выгулівалі собаку? — твар судзьдзі выражае гранічную незадаволенасць.

— Не, пан судзьдзя! Не пасьпеў, позна прачнуўся. Мяне з кватэры...

— А собака-то! Собака — есть?!

— Сабака ёсць. Як яны ўваліліся ў кватэру, ён на гэтых міліцыянтаў забрахаў...

Эх, дурань, не зрэагаваў! Трэба было адказаць, што няма ніякага сабакі. Як бы ён тады выкручваўся?

— Какой породы собака?

— Эстонскі выглец...

— Ну вот...

Доўгая паўза. Потым рэзка, твар у паперах, ня глядзячы на мяне:

— Шість суток!

Зноў цесная скрынка «ворана» і камэра. Мне са Зьміцерам далі па шэсьць, Віцьку, Кастусю і Сяргею — па пяць.

— Хлопцы, прапаную аб'явіць галадоўку пратэсту. Думаю, што ў гэтым смуродзе галадаць будзе лёгка, — кажу я, калі мы размясьціліся на «сцэне» пад бляхай.

Згадзіліся ўсе, акрамя Касьцевіча: ён пажыцьцёвы дыетнік, перахварэў на гепатыт.

...Рыпяць дзьверы, і раве старшыня:

— За пайкой!

Устаюць Мікола і Аляксандар, абодва неаднаразова пазбаўляліся волі за крадзяжы і разбой. Аляксандра «на суткі» адправіла маці, калі ён п'яны ўзьняў дома вэрхал. Мікола пра сябе нічога не распавёў. Прыносяць малочны бідон, потым — бак, гэтакі ж, як наша «параша».

— О-о! — здзіўляецца Мікола, перамяжаючы словы, якія нясуць інфармацыю, мацюкамі. — Так здесь никогда не кормили! Смотрите! Суп! Картошка! О-о, котлеты! Это, что — нас перед выборами покупают или из-за политических?

Спрятна накладвае ежу ў алюмініевыя міскі і першым пра-

паноўвае нам. Мы адмаўляемся, кажам пра галадоўку.

— Ребята! Кому вы что докажете своей голодовкой? Кто узнает? Берите, кушайте — смотрите, какой хавчик классный! Я дома такого не ем!

— Ну і радуйся, — бурчыць Віцька, — табе больш будзе.

Мы ляжым, імкнучыся не глядзець у бок «уркаў», якія сядзяць, заціснуўшы ступакамі міскі, і рупліва чэраюць лыжкамі. Лыжкі таксама алюмініевыя, з адламанымі ручкамі, і, каб чарпануць, ня трапіўшы ў суп пальцамі, трэба быць даволі спрактыкаваным. Відовішча не дадае апэтыту, і гэта добра.

— Похавали? Выносите посуд! — крычыць у дзьвярным праёме старшыня. — И составьте аккуратно педали!

Што сукамэрнікаў, што ахоўнікаў я разумею толькі напалову — суцэльная «феня». «Пэдалі» — гэта, аказваецца, наш абутак.

— Старшыня! — зьвяртаюся

— Шо? — старшыня няўцямна глядзіць на мяне. Здаецца, сапраўды не разумее.

— Паўтараю для асабліва адораных. (Радасны сьмех «уркаў».) Я аб'яўляю галадоўку пратэсту, прашу далажыць аб гэтым вашаму начальству і прашу паперу і аловак, каб напісаць заяву.

...? — глядзіць, што той баран, і маўчыць.

— Ляхно просит бумагу и карандаш, будет писать заявление об объявлении голодовки! — не вытрымлівае і пачынае перакладаць Сяргей Касьцевіч.

Паперы мы так і не дачкаліся. Замест гэтага праз паўгадзіны зьявіўся напарнік старшыны, ніжэйшы, не такі рыхлы, са злосным тварам, таксама старшыня:

— Яршук, Чавук, Костевич — на выход!

Выйшлі, пакінуўшы нас гадаць, што гэта значыць. Праз пару хвілінаў зноў камандны крык:

— По шесть! На opravку!

я. — Я аб'яўляю галадоўку пратэсту супраць незаконнага затрыманьня і асуджэньня. Таксама галадоўку аб'яўляюць усе палітычныя вязьні нашай камэры. Прашу далажыць аб гэтым па камандзе. І прашу даць нам паперу для напісаньня адпаведных заяваў.

Дзьверы камэры адчыненыя, усе выйшлі і стоўпіліся ў канцы калідору. Па шэсьць чалавек заходзяць у прыбіральню, яна ж і ўмывальня. У дзьвярах прыбіральні старшыня назірае за тым, што адбываецца. Я не магу пераадолець сябе і садзіцца на кукішкі ў кабіны

пад позіркамі, ды і ня вельмі хоцаца.

З усяе камэры мыла, зубную шчотку і пасту, ручнікі маю адзін я. Аказваецца, гэты факт дадае мне прэстыжу ў вачох «урак».

...Дзірачкі ў блясе, ля якой мы ляжым, падсьцяліўшы пад сябе верхнюю вопратку, даўно пачамнелі. Відаць, на вуліцы ўжо ноч. Большасць сукамэрнікаў сьпіць. Ля мяне, крайні ад сьцяны, ціха пасапвае Зьміцер Базевіч. Мы зь ім гадзіны са дзье гутарылі, і ён здаўся мне вельмі сьветлым, шляхетным і разумным хлопцам. Худы, высокі. Хварэе на варыкознае пашырэнне венаў. Спрабавў пераканаць яго адмовіцца ад галадоўкі — не пераканаў. Упарты. Відаць, якраз такія і ішлі ў шэрагі Касьцюшкі, Каліноўскага. Нават калі ведалі — заўтра перамогі ня будзе. Працавалі на будучыню. Гіронія гісторыі: працавалі, каб сёньня беларусы маглі мець прэзыдэнта. Зьміцер упэўнены, што справядлівых выбараў ня будзе, але працуе ў групе падтрымкі Мілінкевіча. Кажы: калі ёсьць нехта, хто спрабуе паламаць гэтую лжывую сыстэму, то ён, Зьміцер, будзе яму дапамагаць.

Ад ляжаньня на амаль голых дошках баляць бакі, баляць паясьніца, хвасьцец.

Я ўзгадваю кадры кінахронікі часоў Другой сусьветнай вайны. Канцлягер, барак, двухпавярховыя драўляныя нары, на нарах у адзін рад (!) ляжаць людзі. У нас у камэры зараз пятнаццаць чалавек, легчы здолелі ўсе, але выцягнуць ногі немагчыма, таму іх кладуць адзін на другога. Я спачатку саромеўся, але, калі стала нясьцёрпна, асьцярожна паклаў ногі на нейкага урку. Той замармытаў у сьне, заварушыўся і сьпіць далей. Мікола сьведчыў, што летась, у страшэнную сьпёку, сюды кінулі трыццаць чалавек. Немагчыма было ня тое што ляжаць, але і сядзець. На скаргі адказ заўжды адзін, відаць, рэкамэндаваны «цэнтралізавана»: «Ну, тут жа не саторыя!»

Загрукаталі дзверы, і ў камэру некага ўпіхнулі. Той пастаяў

унізе ля парашы, потым сеў на «сцэну», абхапіў галаву, стаў раскачвацца і ціха енчыць.

— Эй, мужик! Что с тобой? — азваўся са свайго месца Мікола. — Что ты как старый жид у Стены Плача? Крыша едет?

ется. Тебе это надо, чтобы к утру труп был? — І адразу, не мяняючы інтанацыю: — Курить дай...

Хвілін праз дваццаць наркамана выклікалі з камэры, яшчэ праз пяць ён вярнуўся, ушчаміўся на сваё месца і за-

— Не могу! Ломает меня!.. Дозу надо...

— А-а... Ты вот что, ложись пока. Пацаны, подвинились!

Некалькі «уркаў» пасунуліся, далі месца ля сьцяны, што зь дзьярыма. Наркаман лёг там, але енчыць не перастаў. Хвілін праз дваццаць гэтага энку Мікола ўстаў, спусьціўся да амбразуры ў дзьярах.

— Командир! Эй, старшина! Подойди к двенадцатой! — А калі той падышоў: — Слышь, командир, тут наркоман конча-

снуў. Спаў двое сутак, зрэдку прачынаўся, прасіў выклікаць мэдыкаў, выходзіў, зноў вяртаўся. Размаўляць пачаў на трэція суткі.

Да болю ў адляжаных месцах далучыўся галаўны. Відаць, з-за атрутнага паветра. Пачаў ці то засынаць, ці то забывацца. Клаў галаву на руку, прахопліваўся ад таго, што рука зьнямела, пераварочваўся на другі бок, зноў некуды правальваўся.

У калідоры зашумела, і ў камэру заштурхнулі хлопца. Віда-

вочна, на добрым падпітку. З выгляду гадзю васьмнаццаць-дваццаць. У яго істэрыка.

— Мойку! Дайте хто-нибудь мойку! Порежусь! — амаль вшчэў ён. — Мрази, суки! Меня едва не ограбили, а они меня же и взяли! А тех уродов даже не попробовали догнать!

Пабудзіў усю камэру. Пачалі распытваць, даведаліся, што нейкія хлопцы хацелі забраць у яго бутэльку гарэлкі, якую ён купіў на апошнія грошы, каб «дагнацца». А ён гэтую бутэльку разьбіў аб галаву аднаго з рабаўнікоў. Тут зьявіліся міліцыянты, крыўдзіцелі разьбегліся, а яго «замялі». Яму васьмнаццаць год, ён зь вёскі Марозавічы. Я спытаў, нашто яму мойка, і мне наперабой растлумачылі, што «мойка» — гэта лязо брытвы, ён хоча ўскрыць сабе вены і трапіць у шпіталь.

Урэшце маладзёна ўсе разам супакоілі, хоць гэта было ня проста, паснулі. Заснуў і я, часта прачынаючыся, шукаючы зручную позу або скідаючы зь сябе чыесьці ногі ці разьмінаючы зацёкленыя члены. Сон мінула і ноччу быў праўдзівы. А тут, на дошках, сноў не было.

Мне ў камэры горача і душна. А астатнія сукамэрнікі чамусьці мерзнуць. У прыбіральню ідуць, захінаючыся ў вопратку, мыюцца, толькі крыху пырскаючы вадой у твар. Часьцей просьяць выключыць вэнтыляцыю, чым уключыць. І амаль увесь час паліць цыгарэты, дзелячы адну на трох. Зьміцер Базевіч таксама курыць. Прашу яго на час галадоўкі прыпыніць паленьне, але марна.

Чалавек шэсьць забралі з камэры на працу. Прызначаў Мікола. І сам зьнік. Ён называе сябе «бродыгой», гэта, паводле яго тлумачэньня, тое ж, што і «аўтарытэт», перадапошняя «званьне» перад «вором в законе». Як я разумею, ён не павінен быў бы ісьці працаваць. А яшчэ Зьміцер нашаптаў мне на вуха, што чуў, як Мікола распавядаў старшыне: маўляў, палітычныя сапраўды ўчора нічога ня елі. Відавочна, турэмшчыкі імкнуцца

стварыць сярод вязьняў уражаньне, што мы тут адарваны ад усяго сьвету, але насамрэч імкнуцца быць у курсе ўсіх унутрыкамэрных падзеяў. Хутчэй за ўсё, сярод нас нехта падсаджаны для назіраньня. Магчыма, Мікола. Надта ж часта ён зьвяртаецца да турэмшчыкаў з усялякімі просьбамі. «Камандзір», «старшына», часам нават па імені. І тыя ставяцца да яго палюбіва. Можна, я начытаўся ня той літаратуры, але думаю, што прадстаўнік крымінальнага сьвету не павінен так сябе паводзіць. Што дакладна, дык запаведзь «не прасі» Мікола не выконвае.

Наркаманы, якога кінулі ў камэру ноччу, сьпіць. Не прачынаецца нават на сьняданак, які праходзіць гэтак жа, як і ўчора вячэра. Зноў Мікола і Аляксандар зьдзіўляюцца высокай якасьці ежы, зноў спрабуюць угаварыць мяне са Зьміцерам паесьці, праяўляючы здзіўны клопат пра наша здароўе.

У Зьміцера пачалі балець вайсковыя ногі. Кажна, трэба нейкі ўкол. Доўга трывае, потым кліча дзяжурнага турэмшчыка. Старшынаў зьмянілі два прапаршчыкі. Тыя выклікаюць «хуткую дапамогу». Укол зрабілі, ды ня той. Далі анальгін. Зьміцера гэта не дапамагае, і ён пакутуе па-ранейшаму. На працягу ўсёй адсідкі яму калолі анальгін яшчэ разы тры. «Тут вам не санаторыя».

Мяне выклікаюць у калідор, да століка дзяжурнага. Даюць чытаць правы і абавязкі. Ага, перадачы дазволены. Пра «рукі за сьпіну» нічога няма — то і ня буду. Чытаю доўга, некаторыя пункты — па некалькі разоў. Прапаршчыкам ня церпіцца, але маўчаць. Потым даюць расьпісацца ў нейкім працоле, яго праглядаю бегла. Перш, чым расьпісацца, пішу: «У знак пратэсту супраць адвольнага затрыманьня і асуджэньня аб'яўляю галадоўку». Гэта выклікае сярод прапаршчыкаў сполах, але запіс ужо зроблены. Пасьля мяне тыя ж подпісы бяруць і ў Зьміцера Базевіча. Асуджаных «уркаў» такімі дробязямі не напакояць.

Праз поўгадзіны выклікаюць зноў, і нейкі мужчына ў цывільным, зь лічбавым фотаапаратам, пачынае дапытваць, дзе я працую, ці ёсьць у мяне дзеці і дзе яны, дзе я прапісаны. Па магчымасьці ветліва адказваю, што я тут адбываю адміністрацыйнае пакараньне, што «сьледзтва» і «суд» па маёй справе закончаныя і што адказваць на пытаньні невядома каго і невядома для чаго не зьбіраюся. Мужчына пакрыўджана кажна, што ён работнік крыміналістычнай экспэртэзы і выконвае свае абавязкі. Фатаграфуе мяне ў фас і профіль, і я вяртаюся ў камэру.

Толіка, які ноччу зьбіраўся рэзаць вены, звязілі на суд. Прысудзілі пяць сутак. Толік моцна складзены і імкнецца зрабіць уражаньне на сукамэрнікаў. То стукне кулаком у сьцяну, маўляў, вось які я моцны, то пачынае адціскацца ад падлогі. І ўвесь час балбоча пра свае перамогі ў бойках. Слухаюць даволі абьякава.

Адцісканьні Толіка прыводзяць мяне да думкі, што трэба і мне пэрыядычна даваць сабе нагрузку, інакш амаль за тыдзень ляжаньня зусім саслабну. З гэтага дня кожны раз, злавіўшы момант, калі ніхто ня паліць і ў камэры адносна прасторна, я прысядаю, адціскаюся, «качаю» прэс, шыю, раблю статычныя практыкаваньні. Гэта, здаецца, выклікае разуменьне сярод найбольш уплывовых «уркаў». Прынамсі, калі «качаюся», а ў гэты час нехта зьбіраецца запаліць, яго абрываюць: «Что, потерпеть не можешь? Видишь, человек занимается...» І церпяць. Пад канец адсідкі я ўжо і сам прасіў курцоў прыпыніцца на «фізкультпаўзу».

Ніяк не магу прызвычаіцца да рыпу дзьвярэй. Верхняя завеса правіслая, дзьверы ніжнім краем чапляюць за падлогу.

— Ляхно! На выход! — За дзьвярыма на калідоры стаіць прапаршчык з чорным поліэтыленавым пакетам. — Тебе перадача!

— Будзьце так ласкавы, — надаю голасу максімальную пяшчоту, — зьвяртайцеся да

мяне на «вы». За гэта я таксама буду зьвяртацца да вас на «вы». Мне сёння давалі чытаць мае правы і абавязкі, там напісана, што я маю права на годныя адносіны з вашага боку. Дамовіліся?

Глядзіць на мяне няўцямна,

прыбіральню тады, калі гэтага запатрабуе мой кішэчнік, а не па нейкім раскладзе...

— Нет! Не положено! Вам перадача. Проверьте наличие, — суне мне ў рукі пакет.

— Як я праверу? Я ж ня ведаю, што перадалі...

— Вёсё на месце? Пишите: «Передачу получил полностью, замечаний нет». Дата, подпись.

Пишу: «Передачу атрымаў цалкам і ўсе прадукты падарываў сукамэрнікам 16.3.05 г.».

Расьпісваюся. Трэба неяк паведаміць ёй, што я галадаю, каб перадавала толькі ваду бяз газу.

— Выбачайце, хлопцы, вада будзе толькі для галадоўцаў, для мяне са Зьміцерам. А на астатняе налятайце, — стаўлю пакет бліжэй да «уркаў».

Яго адразу перахоплівае Мікола:

— Недавно завтракали. Это съедим после ужина.

Пярэчаньняў няма. Зноў грымяць дзьверы, на парозе той самы прапаршчык. Па-змоўніцку падміргвае:

— Ляхно, идите в туалет...

...Камэра — тут і сядзельцы, і турэмшчыкі называюць яе «хатай» — вьчэрае, мы са Зьміцерам ляжым побач, адварнуўшыся і заплюшчыўшы вочы. Імкнемся заснуць, але ў нас ня вельмі атрымоўваецца. Мяне зьлёгка штурхае Мікола.

— Паша! Паша! Подвинься, надо нож достать.

Ён адзіны тут кліча мяне на «ты», астатнія «выкаюць». Вымае кавалак плінтосу, да якога я прысланіў галаву, і дастае з-пад яго лязо ад сьцізорыка. Кроіць кілбасу з маёй перадачы і вяртае лязо на месца. Вось дык фокуснік!

Павячэраўшы, Мікола нахлілаецца да амбразуры ў дзьвярах і кліча: «Командир! Кипятку!» Праз пару хвілінаў «камандзір» прасоўвае алюмініевы кубак, Мікола сыпле туды невядома дзе ўзятую заварку. Потым «уркі» садзяцца ў кола і, перадаючы кубак, прыхлёбваюць па глытку. Прапаноўваюць нам са Зьміцерам: «Пацаны, давайте к нам. Это для желудка первое дело!» Мы адмаўляемся, маўляў, акрамя вады — нічога.

Пасьля чыфіру частка вязьняў сьпіць, Мікола з Аляксандрам і яшчэ некалькімі «хранічнымі зэкамі» гутараць пра свае адсідкі. З усяго я разумею, можа, трэць. Словы, здаецца, знаёмыя, але выкарыстоўваюць іх мае сукамэрнікі ня ў

нават ня ведаю, зразумеў ці не. Празь некалькі імгненьняў ківае.

— І яшчэ, прапаршчык. Мне трэба ў туалет...

— Нет-нет! Здесь порядок! Только утром и вечером.

— Прапаршчык! Беларусь падпісала «Ўсеагульную Дэкларацыю аб правах чалавека». І паводле гэтай Дэкларацыі я тут пазбаўлены толькі права вольна перамяшчацца. І ў прысудзе не напісана, што я ня маю права на сьвежае паветра, права хадзіць у

— Там внутри бумага...

Расхінаю пакет, зьверху аркуш у клетку. Почырк Люды. О! Як цёпла стала на сэрцы! Ніколі б не падумаў, што праз суткі адсідкі адзін толькі жончын почырк здольны выклікаць столькі эмоцый. Ад замілаваньня ў горле ком. Толькі не паказаць прапаршчыку!

Палка кілбасы, мінэралка, хлеб, плітка шакаляды, сок, бананы, апельсіны і — дзьве кніжкі. Шукшын. І футарал з акуларамі.

звыклым сэнсе. Большасць успамянаў старых сядзельцаў — пра выпадкі, калі яны нейкім чынам здабылі добрай ежы, ці заваркі для чыфіру, ці цыгарэтаў. Бедныя... У іхнім жыцці больш нічога прыемнага не было. Пра жонак — «тварь», пра дзяцей — «спиногрыз». Толькі пра маці — добра. Але Аляксандра здала сюды менавіта маці, калі ён напіўся, прыцягнуў дадому тузін такіх, як і сам, п'яных дзевак і хлопцаў, і месца беднай жанчыне дома не засталася. Аляксандар зараз шкадуе маці, кажа, што, як выйдзе, будзе прасіць прабачэння. У рэальнасці ён пасяля вызвалення недзе напіўся, потым нарабіў дома вэрхалу і праз суткі зноў апынуўся на ранейшым месцы.

...Час у камэры цягучы, цяжкі, цьмяны. Адчуванне такое, быццам ты, страшэнна знясілены, трапіў раптам у густы бруд, у багну, якая і не вада, і не зямля. Плыць субстанцыя не дае, а апускацца — калі ласка... Гадзіннікаў ні ў кога няма. Колькі часу — ня ведае ніхто. Турэмшчыкі на такія пытанні не адказваюць.

Дзіркі ў блясе на вакне даўно пачарнелі. У камэру запусьцілі вялікага рыхлага мужчыну са стрыжанай пад нуль галавой і кароценькай бародкай з вусамі. Мужчына ўвайшоў, няўпэўнена пакруціў галавой і сеў на «сцэну». Ад дзвюрынага рыпу большасць прагнулася, паўзмрок глядзеў на яго вясмянаццаццю парамі вацэй.

У такі час у камэру звычайна кідаюць п'яных, схопленых на вуліцы ці здадзеных роднымі за хатняе хуліганства. Гэты быў цвярозы.

— Эй, мужик! Тебя за што? — Шляхетным выхаваннем Толік не вызначаецца.

— Понимаєте, я пратэстоваў против использования гипноза

для нанесения вреда здоровью людей...

Ого! Гэта нешта незвычайнае. Размаўляе мужчына зь яскравым маскоўскім акцэнтам. Цікава, што гэта за «пратэс-тант» з Расеі?

— Ты ложись, — пасоўвае бліжэйшага суседа Мікола. — И расскажи, кто ты, откуда, как сюда попал.

Не, усё ж Мікола, відаць, «пастуквае». Інакш навошта гэтыя пытанні? Захоча — сам распавядзе.

— Спасибо. — Мужчына садзіцца на вызваленае месца. — Если вам интересно, я расскажу... Меня зовут Алексей, я родом из Пинска, художник-скульптор. Молодым

века», — и пришёл к горисполкому. Стоял минут двадцать перед окнами. Потом ко мне подошёл майор милиции, мы поговорили, и вот — я здесь.

Вось яно што! Дзядзька выбраў няправільны час для свайго пратэсту. Гэты лезунг перад выбарамі, калі ў чынавенства таксама «абвастрэньне», папросту прачытваецца як замамуфляваны выпад супраць, напрыклад, беларускага тэлебачання.

Аляксей яшчэ доўга нешта распавядае, нашы пастаяльцы пэрыядычна выбухаюць рогатам, а мяне агортвае паўсонны стан. Калі і ня сьпіш, здаецца, і няма ніякіх думак, і час ляціць незаўважна. Толькі баляць на-

уехал в Питер, окончил там художественное училище, работал, имел квартиру. Потом окончил богословский факультет, попал в тоталитарную секту. В секте практиковали гипноз. В результате я потерял все. И квартиру, и семью. Живу у сестры. Мне «проехали по мозгам», и сейчас я болею. Любой человек, даже не гипнотизер, сливает на меня отрицательную энергию...

Здаецца, ён ня вельмі нармальны.

— ...Сегодня я написал плакат: «Требую принятия закона, запрещающего использование гипноза во вред здоровью чело-

мьятыя аб дошкі косьці, і якім бокам ні кладзіся — там баліць таксама. Імкнуся легчы гэтак, каб тварам трапіць у тоненькі халодны струменьчык паветра з вуліцы, які прасочваецца праз дзіркі ў блясе.

З раніцы Аляксея звазілі на суд, і судзьдзя прыпаяў яму пяць сутак. Не, гэта не Аляксей ненармальны, гэта ў дзяржаўных «органах» нешта з галавой. Ён жа як дзіця, наіўны і зусім не агрэсіўны. І з поглядамі, прышчэпленымі доўгім знаходжаньнем у мэтраполіі — абсалютна сугучнымі з афіцыйнай ідэалёгіяй. Шкада яго.

Дзевыеры рыкнулі, у праёме тоўсты старшына.

— Пять человек — на работы! Богомаз (гэта мянушка-«паганяла» Міколы), выдзяляй! Через пять минут — на выход.

Тры чалавекі — Мікола, Аляксандр і яшчэ адзін — выклікаліся самі. З двума выйшла затрымка. Мікола паспрабаваў вылучыць Толіка, яго ўжо таксама «пахрысьцілі», асудзілі значыць, але той катэгарычна адмовіўся. Падазраю, што гэта з прычыны ўчарашняй Міколавай лекцыі пра «законнікаў». Толік вельмі зацікавіўся, перапытваў, задаваў пытанні. Быццам прымяраў на сябе злодзейскую «карону». Вядома, што «воры в законе» ніякай працы выконваць не павінны.

— Где ещё двое?! — зароў старшына, калі тры ахвотнікі выйшлі на калідор. — Вы что, не понимаете, что я могу обидеться?! Даю ещё три минуты!

— Пацаны! — заскочыў у камеру і замітусіўся Мікола. — Вы что, не понимаете? Хотите испортить отношения с охраной?

Мацюкаючыся, зь неахвотай падняліся яшчэ два. Таксама з былых зэкаў.

— Што гэта Мікола так замітусіўся? — спытаўся я ў Івана, зь якім пазнаёміўся ўчора і зь якім, як аказалася, меў шмат агульных знаёмых. Іван, у адрызьненне ад мяне, «на сутках» сядзеў не ўпершыню.

— Ты ж чуў, што старшына паабяцаў «абідзеца»... — Іван за гэтыя двое сутак у адной камеры зь беларускамоўнымі сам пачаў гутарыць па-беларуску. — Гэта значыць, ня дасць ні цыгарэтаў, ні кіпеню, ні заваркі. «Варыць-куруць» Міколу з кампаніяй ня будзе чаго. У прыныце, прыбіраць вязьні павінны толькі ў камеры. Усё астатняе — гэта рабочае месца турэмшчыкаў, і падтрымліваць яго ў належнай чысьціні яны павінны самі. Але за пару цыгарэтаў, кубак гарачай вады, ложку сухой заваркі ўсю брудную працу выконваюць вязьні. Тыя, каму цыгарэта і чыфір даражэй за ўласную годнасьць. Гэта яны тут перад моладзьдзю любяць пальцы гнуць, маўляў, «кру-

тыя», а насамрэч за абсьлінены недакурак маму прададуць... Мянты — яны ў прыныце такія ж самыя. Калі іх памяняць месцамі — нічога ня зьменіцца, сёньняшнія турэмшчыкі за недакурак будуць драць прыбіральню, аж гай будзе шумець.

Філязофскія развагі Івана перарваліся грывлівымі дзевыярыма. Вярнулі назад Яршук з астатнімі. Яны сядзелі ўтрох у камеры на процілеглым канцы калідору. Было шмат месца, было чысьцейшае паветра, але халаднавата. Таксама атрымалі ад жонак перадачы. Прынеслі газэты «Наша Ніва» і «Народная Воля». На палях адной зь іх Надзя, карэспандэнтка «Пінскага часу», напісала запіску: «Пра вас ведае ўся Беларусь. Трымайцеся. Дыктатура згіне. Жыве Беларусь!» Прыемна...

У час абеду я і Зьміцер са шкадаваньнем даведаліся, што Яршук з Чавуком наша агульнае рашэньне галадаць праігнаравалі. Акрыяў і наркаман, якога кінупі заўчора і, здаецца, дагэтуль не вазілі на суд. Ён вырашыў перахапіць ініцыятыву ў разьмеркаваньні ежы і адразу паспрабаваў пакарміць нас са Зьміцерам:

— Кончайте фигней заниматься! Кому вы что докажете своей голодовкой? Вы писали официальное заявление? Нет! Ну и до задницы ваша голодовка! Голодающих должны держать в отдельной камере. А вы же передачи принимаете! Ну и что с того, что раздаете остальных? Кто об этом узнает?

Наркаман аказаўся надзвычай гаваркі, занадта абазнаны ў нашых справах, і гаворка яго была вельмі хуткай. А я лічыў, што наркаманы, асабліва пасьяломкі, размаўляючы павольна, затарможана. Нават і анекдоты пра гэта ёсьць. Я слухаў, слухаў, а потым абарваў:

— Чуеш, хлопец! Калі я захачу парады, я адразу звярнуся да цябе. Добра?

Нешта вельмі ён мяне раздражняў. Дарэчы, да таго, што я неяк не заўважыў, калі яго судзілі, я яшчэ не прыкмеціў і таго, як ён зьнік з камеры.

Можа, у мяне і параноя, але разумныя людзі кажуць, што нават калі ў цябе яна ёсьць, то гэта зусім ня значыць, што за табою ня сочаць...

Гэтым днём вельмі хацелася есьці. Відач, з гэтай прычыны быў я злосны. Выляяў Чавука, калі ён гэтак жа, як і наркаман, пачаў спакушаць Зьміцера ежай. Мне гэта здалося подлым. Чалавек пакутуе ад голаду і хваробы, трымаецца з усяе сілы, а тут замест таго, каб маральна падтрымаць, у цябе пад носам круцяць кавалкам кілбасы, і робіць гэта не мянтоўскі агент, а твой папличнік. Забіў бы...

...Скончылася вячэра, вынеслі посуд, уся камера патанула ў шызым сьмярдзючым дыме. Потым зноў зароў старшына:

— Всем встать!

А вось і хрэн вам. Ня буду, у правілах не напісана, што я павінен ускокваць перад мянтоўскім начальствам. Ляжу. І Зьміцер побач ляжыць. Малайчына. Астатнія ўскочылі. Малады мужчына ў цывільным. Стаіць ля парашы і косіць вокам у наш са Зьміцерам бок. Хай косіць — мы галадаем, у нас сілы канчаюцца...

— Ну, как обстановка? Жалобы, заявления есть?

Усе адразу загаласілі хорам свае скаргі. Наіўнякі. Ясная ж справа — выконвае фармальны абавязак, каб потым паставіць недзе ў сваёй дакумэнтацыі «птушачку».

— А вы почему не встаете? — у наш бок.

— А хто вы такі, каб перад вамі ўскокваць?

— Я заместитель прокурора города.

Прозьвішча не назваў.

— Мы аб'явілі галадоўку пратэсту супраць незаконнага затрыманьня і асуджэньня. Ашчаджаем сілы...

— А вы писали заявление об этом?

— Адміністрацыя ізалятару не прадставіла нам па нашым патрабаваньні паперу і аловак. Але аб галадоўцы я пісаў ва ўсіх паперах, якія тут мне давалі падпісваць. Яны абавязаны былі

вам аб гэтым далажыць. Ці ня так?

Намесьнік пракурора няпэўна хітае галавой.

— Апрача таго, я зараз, карыстаючыся вашай прысутнасцю, заяўляю вусна: я, Ляхно Павел, і Базевіч Зьміцер трымаем з моманту затрыманьня галадоўку пратэсту. Мы пратэстуем супраць фабрыкацыі ў дачыненні да нас абвінавачваньня ў адміністрацыйным правапарушэньні. Мы не здзяйснялі правапарушэньняў. Вам дастаткова нашых вусных заяваў?

— Вы можете заявлять только от себя лично, но не от Базевича. Ещё жалобы, заявления есть?

Зноў загаманіў хор:

— Парашу не позволяют выносить, только раз в сутки! Воноет! В туалет не отпускают... Места мало! Лежим друг на друге!

— Вы меня удивляете! Здесь не санаторий!

Круць — і няма пракурорскага намесьніка.

Пасьля гэтага «візыту» сукармэрнікі доўга гудуць, абмяркоўваючы становішча, скардзячыся адзін аднаму. Потым хтосьці з «уркаў» выцягвае аркуш паперы і прапануе мне напісаць скаргу ў пракуратуру на ўмовы ўтрыманьня. Я лянуюся, тады ўсе пастаяльцы пераключаюцца на Віцю Яршука.

Урэшце мы падручнымі сродкамі вымяраем «спальную плошчу», я дыктую, а Віця запісвае скаргу. Вечарам выпускаюць на волю Івана, той паабяцаў заўтра перадаць наш ліст у пракуратуру. У скарге зазначана, што на дзевяць з паловай квадратных мэтраў плошчы закінулі ваямнаццаць вязьняў, што няма каналізацыі, а параша выносіцца толькі раз на суткі, што з гэтай прычыны атмасфэра камэры ўтрымлівае шкодныя для здароўя прымешкі, што нас пазбавілі волі, але насамрэч здзекуюцца з нас і катуюць, бо тыя ўмовы ўтрыманьня фактычна

зьяўляюцца катаваньнямі. Падпісвае ўся камэра. На разьвітаньне дыктую Івану хатні тэлефон і прашу паведаміць Людзю, каб перадавала толькі ваду бяз газу.

Калі крыху супакоіліся, бяру кніжку Шукшына, падыходжу ўшчыльную да лямпачкі, і ў камэры ўсталёўваецца цішыня. Мабыць, за ўвесь век яе існаваньня тут упершыню гучыць мастацкае слова. Чытаю «Сильные идут дальше». Ад рогату ажно дрыжыць «сцэна», у амбразуры ў дзьвях зьяўляецца здзіўлены твар турэмшчыка.

— Хор-рошая статья... — падсумоўвае адзін з «уркаў».

...Зусім позна, большасьць вязьняў сьпіць. Хтосьці храпе, хтосьці сапе, у розных кутках камэры гучыць невыразнае мармытаньне. Расчыняюцца дзьверы, і злосны голас турэмшчыка вымаўляе:

— Идиоты, научитесь площадь измерять!

Дзьверы зачыняюцца. Зразумела: нашу скаргу ў Івана знайшлі. Невядома толькі, чаму турэмшчык пра гэта паведаміў. Таемны прыхільнік?

Заўтра прэзыдэнцкія выбары. Якраз тое, з прычыны чаго мы

ўпяцёх апынуліся ў гэтай сьмярдзючай яме.

— Дзядзька Павал, вы ня думаеце, што пазаўтра мы прачнемся ў іншай краіне? Можна, нас нават вызваліць на пару дзён раней? — сьмяецца Зьміцер.

Ой, Зьміцер! Твае б словы ды Богу ў вушы. Але не для таго ты тут бязьвінна сядзіш, не таму адсоткаў сорок выбарцаў ужо загнаньня на датэрміновае галасаваньне, не таму ў выбарчых камісіях няма ніводнага прадстаўніка кандыдатаў у прэзыдэнты, альтэрнатыўных дзейнаму, не таму паршаны нават выбарчы Кодэкс... Думаю, што і ніякага падліку бюлетэняў ня будзе. Недарэмна ж не пусьцілі ў краіну назіральнікаў зь Еўразьвязу. А расейскія так званыя назіральнікі абвесьцяць дэмакратычнымі якія заўгодна парушэньні законаў. Таму, Зьміцерка, ты прачнешся са старым новым прэзыдэнтам. Толькі ня думай, што гэтае нашае зьявольнае — дарэмнае. Думай пра тое, што, калі б не было нацыянальна-вызвольнага паўстаньня пад кіраўніцтвам Касцюшкі, не было б і паўстаньняў 1831 года, і 1863-га, пад кіраўніцтвам Каліноўскага. А бязь іх не ўтварылася б Беларускае Народнае

Рэспубліка. Без БНР і гутаркі б не было пра БССР і Рэспубліку Беларусь. Нічога, Зьміцер, не прападае дарэмна. І твае пакуты лягуць у падмурак прыгожага дому, які будзе называцца вольнай, дэмакратычнай Беларуссю. Над гэтым домам вецер волі расправіць бел-чырвона-белы сьцяг. Так і будзе. Дай Бог толькі дажыць да таго часу. Шкада толькі згубленых нашай нацыяй за апошнія дванаццаць гадоў магчымасцяў.

Увесь дзень усе палітычныя ўзбуджаныя. Размовы, размовы. Прагнозы. І хоць ніхто ня верыць у хуткую перамогу, недзе глыбока ў душы кожны хавае надзею. А раптам? Бо некалі ж і камуністычны рэжым здаваўся такім моцным, такім «нерушымым», а ляснуў імгненна.

...Сяргей Касьцевіч пачаў скардзіцца на болі ў сэрцы. «Хуткую» турэмшчыкі выклікалі пасья чацьвёртага патрабаванья. Суправаджаў абмялка Сяргея лейтэнант, які замкнуў на яго рукаў кайданкі, спалохана папярэдзіў: «Попробуеш убежать — застрелю», — і калі машыну кідала на калдобінах, хапаўся за кабуру зь пісталетам. У бальніцы Сяргею памералі крывяны ціск, і на гэтым мэдычная дапамога скончылася. Калі вярнулі ў ізалятар — распранулі дагала і абмацалі на вопратцы кожнае шво. Зазірнулі нават у рот і задніцу. Пра тое, што ўладамі арыштаванья па палітычных матывах людзі і што частка зь іх у знак пратэсту галадае, ведаюць нават бальнічныя мэдыкі.

Праз пару гадзінаў пасья вячэры ў калідоры пачуўся шум. Турэмшчыкі зацягнулі ў камэру насупраць маладую дзяўчыну. Тая ўпіралася, вішчэла і брудна лялася.

Празь нядоўгі час у тую ж камэру кінулі яшчэ адну. Мяркуючы па яе крыках — цяжарную:

— Мент! Слыш, мент! Мусор!!! Выпусти меня отсюда! Не видишь, я беременная! Дебил, ты в чем-нибудь соображаешь? Ты знаешь, что такое «воды отошли»? У меня воды отошли! Я рожаю! Уроды, выпустите меня!

Гэта працягвалася ўсю ноч. Наша моладзь спачатку забаўлялася, потым ёй гэты лямант надакучыў. Тым больш што ў камэру да нас кінулі надзвычай яркую асобу, якая на кароткі час заваявала ўсю ўвагу.

Мужчына ў паліто і шыкоўным гарнітуры-тройцы з гальштукам паводзіў сябе як добра п'яны. Назваўся адстаўным палкоўнікам ФСБ Гараглядам і міжнародным назіральнікам ад Расеі за ходам прэзідэнцкіх выбараў. Кажы, трапіў сюды выпадкова, заўтра раніцай яго адсюль вызваліць, родам ён з-пад Пінску, зь вёскі Ставок. Што праўда — ужо пасья пад'ёму яго выклікалі, і ў камэру ён больш не вярнуўся.

Апошняя падзея гэтага дня быў крык з вуліцы, які данёсся празь дзірачку ў блясе:

— Эй, суточнікі! Ляхно у вас?

— У нас! Гэта я! — Я прытуліўся вухам да бляхі.

— Паша, ты?

— Я!

Голас чуваць прыглушана, хто крычыць, пазнаць не магу.

— Ты как? Как здоровье?

Сукамэрнікі, хто спаў, прачнуліся, сьцішыліся, часам шыкаюць адзін на аднаго, каб не заглушалі голас з вуліцы.

— Нармальна! Ты хто?

— Я здесь митинг провожу! В твою поддержку! — І на ўсё горла: — Сво-о-бо-о-ду-у Ля-я-а-хно-о-о-о!!!

І тупат ног. Толькі б не злавлілі! Так і не пазнаў, хто гэта зрабіў такі каштоўны падарунак. Даведаўся пасья вызвалення. Юра Дарэцкі, разам зь якім займаецца падводным пляваньнем. Ніколі не чакаў ад яго такога ўчынку!

Пасья апоўдня азадзаны турэмшчык аб'явіў, каб падрыхтаваліся да галасаванья, прывезьлі пераносную скрынку. Што там рыхтавацца! Віця Яршук зь Сяргеем Касьцевічам апошнія двое сутак толькі і рабілі, што агітавалі камэрных пастаяльцаў да асэнсаванага выбару. Расхвальвалі Казуліна і Мілінкевіча, больш — Казуліна, яны зь ягонай групы падтрымкі.

Дзьверы камэры — насыцеж. Першым выклікалі Аляксея. Я адразу зароў:

— Хлопцы, глядзіце! Прэзідэнта нам выбіраюць іншаземцы!

Галасаваньне арганізавалі побач, за сьценкай, у камэры для допытаў. Відаць, там пачулі маё абурэньне, бо праз хвіліну Аляксей вярнуўся і паведаміў, што галасаваць яму не дазволілі як нянаскаму грамадзяніну.

Выклікалі мяне. У «катавальні» на стале, прымацаваным да падлогі, маленечкая фанэрная скрынка са шчылінай. Двое ці то са спалочанымі, ці то са зьдзіўленымі вачыма. Дзеля задзёру патрабую паказаць, як скрынка апячатана. Замітусіліся, паказваюць:

— Пал Андрейч, Пал Андрейч, всё по закону...

Далі расьпісацца ў сьпісе, выдалі бюлетэн.

— Определяйтесь с выбором... — і выскачылі з камэры, маўляў, даюць магчымасьць для таемнага галасаванья.

Дарэчы, так яны выскоквалі толькі пяць разоў — калі галасавалі палітзьявольныя. «Уркі» ж такога «гонару» ня мелі. (Гэта я ўжо потым даведаўся. Але ж ведалі, пры кім выскокваць. Нас у камэры тады было пятнаццаць чалавек.)

Адразу пасья заканчэньня галасаванья праводзім у камэры «экзіт пул», і выяўляецца, што Лукашэнка набраў сярод нашых выбарцаў нуль адсоткаў. Гайдукевіч — таксама нуль. «Супраць усіх» не прагаласаваў ніхто. Усе галасы падзяліліся паміж Казуліным і Мілінкевічам.

...Мы са Зьміцерам ляжым і спрабуем заснуць. Толькі што была вячэра, зараз амаль усе вязьні паляць. У камэры не прыхнуць. Дзьверы грукаюць:

— Встать!

Узьнікае той маёрчык, што дакладваў начальству наконт «разборок с демократами». Здаецца, Грынчык ці Грынёк?

— Какие будут жалобы, заявления? Как хаванина?

— Хавчик хороший, начальник! Раньше такого не было...

— Все проголосовали? Претензий нет?

— Нет, нет, какие претензии, начальник!

Тут «уркаў» перакрывае добра пастаўлены голас Віці Яршука.

— Виктор Егорыч! — Бач, ведае, як кліцаць! І на расейскую перайшоў. — А давайте по слушаю президентских выборов сделаем амнистию... Ладно уж, нам, политическим — не надо... Только для этих вот ребят, которые по бытовым правонарушениям...

Камэра зачаравана замаўкае.

— Ха-ха! Нет! Нет! Вор должен сидеть в тюрьме! Слышали такое выражение?

Атрымаў, папуліст хрэнаў.

— Начальник! Ну разрешите хоть парашу на ночь выливать!

— Здесь не санаторий!

Маёрчык сыходзіць, Віцька кладзеца на сваё месца, і я шапчу яму на вуха ўсё, што думаю пра ягоны папулізм, пра мянтоў, пра гарадзкога начальніка і ягоных намеснікаў, пра «вась-вась» зь імі. Маўчыць. Відаць, згаджаецца.

Упэўненыя, што вынікі выбараў будуць фальсыфікаваныя, але ўсё адно з раніцы б'е мандраж: «Ну як там?» Турэмшчыкі ходзяць важныя і на пытанні не адказваюць. Бліжэй да абеду голас за «вакном», гэта значыць, за бляхай зь дзіркамі:

— У Луки дзевяноста два адсоткі!

І ўсё. Па голасе вызначылі, што крычаў, відаць, Аўсей. Ня даўся-такі ў лапы «гестапа».

Такой лічбы не чакаў ніхто. І Сяргей Касьцевіч адразу прачытаў лекцыю пра фальсыфікацыі вынікаў выбараў. Як гэта рабілася на папярэдніх і што рыхтавалася да ўчарашніх. Усе відавочна расчараваныя.

Сёння шосты дзень ўвязьнення палітычных, а калі лічыць па сутках, то заканчваецца пятая. Яршука, Касьцевіча і Чавука павінны выпусціць. Нам са Зьміцерам валяцца на падлозе яшчэ суткі. Віця ўголос распавядае, як ён прыйдзе дадому і будзе дзьве гадзіны адмакаць у ваньне.

Віця паляжыць-такі ў ваньне. Але празь дзень будзе схоплены зноў — нібыта за нецэнзуршчыну — і асуджаны на шэсьць сутак. Улады паспрабуюць перашкодзіць выхаду чарговага нумару «Пінскага часу». Але гэта выйдзе і без рэдактара.

...У нас са Зьміцерам заканчваецца вада. Есьці ня хочацца зусім. У цэле лёгкасьць. Настрой, нягледзячы на крушэньне надзей, хоць і зусім слабых, прыўзняты. Гэта, відаць эўфарыя ад голаду. Калі ўстаем, то ўваччу мігціць і ўсё навокал здаецца нерэальным, як на экране тэлевізара. Папрасіў Віцю адразу пасья вызваленьня патэлефанавець Людзе, каб хуценька перадала вады. Але Віця яшчэ ў камэры, а ваду ўжо турэмшчык прынёс. Малайчынка жонка!

Вечарам доўга і падрабязна распавядаю Зьміцера, як трэба выходзіць з галадоўкі, каб не нашкодзіць здароўю. У свой час я прачытаў пра гэта даволі літаратуры і тое-сёе ведаю.

У адзінаццаць дваццаць заканчваецца тэрмін Зьміцера, у чатырнаццаць нуль пяць — у мяне. Гэта паведаміў мне ў час учарашняй вячэрняй «оправки» дзяжурны турэмшчык. Гадзіньніка ў нас няма, таму пры кожным рыпеньні дзв'ярэй Зьміцер ускідае галаву і з надзеяй пазірае на прапаршчыка. Урэшце яго выклікаюць: «На выход с вещами», — ён падхопліваецца, хуценька разьвітваецца са мной, з астатнімі вязьнямі — і зьнікае.

Ня трэба паказваць турэмшчыкам нецярпеньня. Калі праўдзе, то яго і няма. Спрабую заснуць, але не магу. Толькі патанаю ў стане нейкай паўпрытомнасьці. Чую ўсе гукі: крокі, гутаркі, шумы машын на вуліцы, чую пах тытунёвага дыму, але не адчуваю часу. Ад учарашняй эўфарыі не засталася нічога.

Хлопцы не вярнуліся, значыць, ёсьць надзея, што іх не пахапалі на выхадзе. Трэба быць гатовым адразу пасья вызваленьня вярнуцца назад і не ўчыніць істэрыкі. Нельга дастаўляць гэтым — як казаў той

хлопец? Бабуінам? — задавальненьня.

— Ляхно! На выход с вещами! — прапаршчык у дзв'ярах здзіўлена глядзіць на мой пакемечаны, нібыта заспаны твар.

Я пачынаю складаць у агульны пакет рэчы — наўмысна загадзя не збіраўся, каб ня выявіць перад турэмшчыкам сьпешкі. Прапаршчык не вытрымлівае, хлопнуўшы, зачыняе дзверы. Спускаю ногі са «сцэны», шукаю чаравікі, абуваю іх. Доўга кешкаюся з «маланкамі» — язычкі на замках даўно абламаняны. У час зьнявольненьня я «маланкі» не зашпіляў.

Ля стала ў калідоры два прапаршчыкі і маёр. Здаецца, гэта начальнік ізалятару. У яго літоўскае прозьвішча. І як гэта вольналюбівая літоўцы нарадзілі асобіну, што можа існаваць ва ўмовах сучаснай Беларусі, ды яшчэ служыць у мянтурі?

Прапаршчык працягвае пакет з рэчамі, што забралі пры арышце:

— Проверьте наличие. А то потом от ваших жалоб не отобьешься...

Расьпісваюся, і маёр вядзе мяне наверх, у фае, і там пакаідае. Націскаю на цяжкія жалезныя дзверы, выходжу на ганак. Галава круціцца ад сьвежага паветра, і мяне крыху хістае. О! Ужо вясна! Прахалодна, але сьнегу няма. Па ходніку бязь некуды дзёўчо гадоў васьмі. Ай, і прыгожа ж бязьць! Імкліва, тэхнічна! Можа, будзе чэмпіёнкай. Можа, праславіць Радзіму.

Праз дарогу, на другім баку вуліцы — грамада, чалавек дваццаць. Махаюць. Пазнаю вызваленыя учора папалечнікаў-сукамэрнікаў. Спускаюся па прыступках. Ад грамады адзяляецца маленькая постаць з кветкай у руках і перабягае вуліцу. Скача на шыю, цалуе:

— Мая ты радасьць! А які ж ты сьмярдзючы!

— А ты ж казалася: «Харошы сон! На грошы!» — сьмяюся я.

У горле камяк, і я ніяк не магу яго праглынуць.

15–21 сакавіка 2006 г.
Пінск

Обмен проблемами

*Когда-то подобное называлось «обмен опытом».
Нынче получается — «обмен проблемами»...
Координатор программ в Европе и Центральной Азии
Комитета по защите журналистов Алекс Лупис
посетил Борисов, чтобы встретиться с
журналистами независимых изданий.*

Анатолий МОЗГОВ

На эту встречу пришли сотрудники газет «Борисовские новости», «Гоман Барысаўшчыны», а также закрытой властями газеты «Курьер из Борисова». Американский функционер, который наблюдает за свободой прессы в постсоветских странах, ознакомился с положением СМИ в райцентре. Представители местных изданий поведали гостю, какие усилия им и их газетам приходится прилагать, чтобы донести правдивое слово до читателей.

Сотрудники «Курьера из Борисова» рассказали, как их газета пыталась в Хозяйственном суде отстоять свое право на существование. Однако, несмотря на все усилия, продолжить выпуск «Курьера» не удалось. Подробно об этом «Абазур» уже информировал читателей.

У «Борисовских новостей» и «Гомана Барысаўшчыны» проблемы не столь катастрофические, но достаточно серьезные. Планомерная «зачистка» информационного поля, предпринятая в масштабах страны накануне президентских выборов, привела к тому, что эти независимые газеты были выброшены из киосков «Миноблпечати», а «Борисовские новости» — и из подписного каталога.

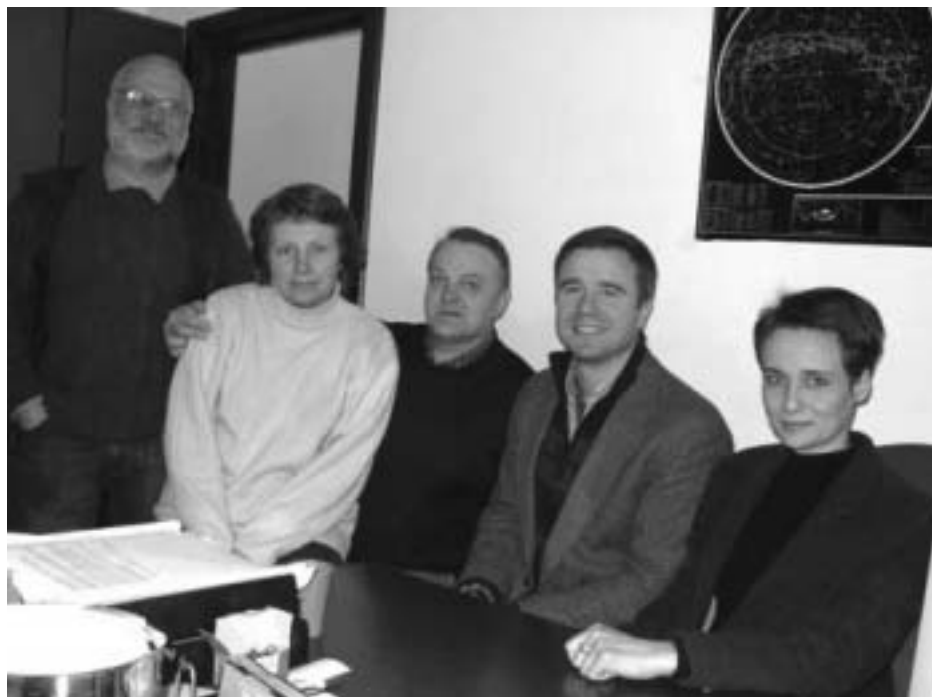
Теперь реализовывать негосударственную прессу прихо-

дится буквально поштучно, через несколько торговых точек, размещенных на рынках города на Березине. Число подписчиков «БН» сократилось, так как подписка теперь производится в редакции газеты или в отделении «Белинвестбанка», куда не каждый житель города и района может приехать. Резкое уменьшение тиража негативно отразилось на хозяйственной деятельности издателя газеты Анатолия Букаса.

Многочисленные судебные иски, инициированные госчиновниками против газеты после

информировать читателей о событиях, происходящих на Борисовщине и в республике.

После закрытия минского представительства IREX-Promedia практически прекратились учебные семинары и тренинги, проводившиеся с участием ведущих зарубежных специалистов для повышения квалифика-

Алекс Лупис (второй справа) с борисовскими журналистами

публикаций в «БН», свидетельствуют о серьезном намерении властей расправиться с неудобным изданием. Но редакционный коллектив «Борисовских новостей» продолжает свою нелегкую работу, чтобы

информировать белорусских журналистов. Эта тема также была затронута в разговоре с американским гостем, было высказано пожелание об открытии в Минске аналогичного представительства.

Мы отвечаем за всё

Этические нормы и стандарты журналистской деятельности

Именно к журналистике прилипло уничижительное определение — «вторая древнейшая профессия». Говоря так, недоброжелатели намекают на сходство с проституцией: дескать, если в первом случае торгуют телом, то во втором — душой, то есть убеждениями, принципами.

Странно! Во-первых, случаи «торговли» принципами вызывают в журналистской среде такую же брезгливость и осуждение. Во-вторых, факт продажи интеллектуального продукта, знаний сам по себе не содержит ничего предосудительного. Что-то не слышно, чтобы кто-то осуждал, например, адвоката, который защищает от возмездия убийцу.

Очевидно, подозрения в «продажности» журналистики потому и существуют, что уж очень громко и бескомпромиссно продекларированы ее принципы. Адвокатов же не упрекают потому, что они не клялись добывать правду, и только правду.

Зачем нужна особая журналистская этика?

Причисление к нашему профессиональному цеху всегда предполагает возложение на себя моральных обязательств

перед обществом. Поэтому об этических нормах, которыми руководствуется большинство журналистов, следует говорить весьма серьезно.

Генеральными принципами журналистской профессии, обеспечивающими ее востребованность, являются: верность правде; беспристрастность, объективность при освещении событий; справедливость; гуманность; служение общественным интересам, и только им; независимость редакций и отдельных журналистов; охрана свободы выражения мнений; контроль над деятельностью властей, других влиятельных групп и кланов; уважение личного достоинства человека.

Тот, кому все перечисленное покажется набором красивых слов, не имеющих отношения к

Деятельность тех, кто забывает о предназначении своей профессии, слишком дорого обходится обществу.

действительности, должен серьезно задуматься, стоит ли ему брать за перо. Если человек добровольно не возложит на себя ряд морально-этических обязательств, он не будет профессионалом в журналистике, как бы хорошо ни владел набором профессиональных приемов. Тогда он, действительно, не только заслуживает «звания» представителя «второй древнейшей», но будет так же опасен, как продажный чиновник или врач-недоучка, как священник, выдающий тайну исповеди...

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Деятельность тех, кто забывает о предназначении своей профессии, слишком дорого обходится обществу. Это со всей очевидностью подтверждает наша белорусская действительность. Массовое игнорирование этических норм и стандартов со стороны людей, работающих (точнее будет сказать — занятых) в сфере государственных СМИ, вопиюще очевидно. Их ангажированность открыто афишируется, но в этом никто из них не видит ничего предосудительного. Однако такая вседозволенность приводит к нарушению норм административного, а иногда и уголовного права. Нередки иски, предъявляемые к государственным СМИ со стороны партий, общественных организаций, частных лиц, обвиняющих «государственных» журналистов в подтасовке фактов, их намеренном утаивании, разжигании розни, откровенной клевете. Некоторые из этих исков даже в белорусских судах имели перспективу. Правда, это было уже давно...

Меньше говорится о нарушениях профессиональной этики в негосударственной прессе. Однако известны случаи проведения «заказных» журналистских расследований, публикации недостоверных фактов и сведений, которые затем приводили к искам и разорительным штрафам. К этому можно добавить, что внутрикорпоративная этика также оставляет желать лучшего. Журналисты, стремящиеся сохранить верность принципам своей профессии, не согласные идти в государственные СМИ, как правило, не имеют возможности свободного выбора места трудоустройства. Этим пользуются некоторые независимые издатели, допус-

кающие ущемление экономических и социальных прав наемных работников.

Очевидно, что белорусской журналистике еще предстоит пройти долгий и мучительный путь освоения мировых этических норм и стандартов.

Правда, и только правда...

В книге «Профессиональная этика журналиста» (издана Российским Фондом защиты гласности в 2003 году) под одной обложкой представлено более ста этических кодексов журналистских организаций со всего мира. В абсолютном большинстве из них первой обязанностью журналиста провозглашается верность правде, то есть необходимость объективного, беспристрастного освещения событий. Простая на первый взгляд, эта формула на поверку оказывается весьма многослойной.

Прежде всего, отбор новостей диктуется общечеловеческими, гуманными критериями: вниманием к нужде и горю других людей (человеческие драмы), значимостью информации для большого числа живущих в этой стране, на этой планете, общими интересами нации (региона, города). Это уже критерии, и довольно прочные. Уважающее себя издание не может пройти мимо социально значимых фактов.

Но вот факт нашей действительности. Крупная белорусская газета, позиционирующаяся как издание демократической направленности, публикует разворот о том, что актер Безруков, выполняя указание режиссера сериала «Московская сага», похудел на 15 килограммов. При этом ни слова о том, что в городе Волковыске в эти же дни потерял 15 килограммов редактор местной негосударственной газеты, голодающий в знак протеста против незаконного закрытия своего издания. В том же городе, в те же дни объявила голодовку 67-летняя пенсионерка, выступая против фальсификации итогов выборов в парла-

мент, а также требуя восстановления своей квартиры, разгромленной в период подготовки к государственному празднику «Дожинки». Очевидно, заслуживают внимания оба факта: похудевший актер из Москвы и голодающие люди в Беларуси. Однако значение этих фактов для граждан нашей страны совершенно неравнозначно.

Следующий принцип, закрепленный во многих кодексах, — беспристрастное, объективное донесение сведений до аудитории. И хотя по определению не существует новостей, свободных от субъективизма (за ними стоят живые люди), стандарты все

же выработаны, им следуют в большинстве цивилизованных стран.

Прежде всего, журналист обязан добывать надежные, проверенные факты из первоисточника. В США одно время бытовал

Журналист не имеет права навязывать читателю свое представление о происходящем. А факты должны быть достоверны.

даже особый термин — «прецизионная» (то есть предельно точная) журналистика. Во-вторых, факты должны быть отделены от комментариев, суждений. В большинстве качественных газет мира комментарии размещаются на так называемых редакционных полосах, занимающих малую часть объема издания. Все остальное отдано новостям (в широком смысле, с использованием всех жанров новостной журналистики).

В США во всех редакциях, начиная от «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и кончая сту-

денческой газетой в колледже, этому правилу следуют неукоснительно. Новости и комментарии делают совершенно разные отделы, и между ними нет никаких контактов. «Это, конечно, не значит, что мы не здороваемся в лифте, — говорил нам, белорусским журналистам, Этан Броннер, заместитель редактора отдела международных новостей «Нью-Йорк таймс», — но по работе мы никак не контактируем».

Основное место на газетных страницах отводится именно новостям. В «Нью-Йорк таймс», например, добычей и публикацией информационных сообщений занимаются 1100 журналистов, редакционные полосы готовят только 25. Этому есть объяснение: читатель платит за информацию. Чем она качественнее (точнее, объективнее, надежнее), тем больше тиражи газет, что имеет ключевое значение для рекламодателя. Реклама — живая кровь газетного бизнеса.

Для сравнения разверните «Советскую Белоруссию». Там все тонет в комментариях. Читателя ни на минуту не оставляют один на один с фактом. Дозированное снабжение информацией тут же сопровождается, как правило, однобокой интерпретацией.

Принцип объективности требует всестороннего отражения и анализа событий, описания всего многообразия окружающей действительности. Журналист не имеет права навязывать читателю свое представление о происходящем. А факты должны быть достоверны.

К сожалению, иногда даже профессиональные журналисты, работающие в качественных изданиях, оказываются в плену упрощенных представлений, которые пытаются навязать своему читателю. Вот отрывок из публикации о Беларуси авторитетной американской газеты «Сан-Франциско кроникл».

«Страна с населением в 10 миллионов человек выглядит так, как будто XXI сто-

летие здесь так и не наступило. Беларусь и по сей день выглядит миниатюрной моделью Советского Союза. Это подтверждает и простая прогулка по проспекту Независимости (до недавних пор носившему имя белорусского первопечатника Франциска Скорины), где вдоль зданий *сталинской архитектуры редкие автомобили. В ГУМе — огромном универмаге, все еще принадлежащем государству, — продается бесформенная одежда местного производства и сувениры из соломки и янтаря. Город украшают разве что огромные транспаранты, славящие героизм Советской Армии во Второй мировой войне. Выехав за городскую черту, среди полей и пастбищ можно увидеть вымирающие деревни с покосившимися домиками».*

Неточности, допущенные автором, накопившись, создали критическую массу недоверия. ГУМ — это не государственное предприятие, а акционерное общество. Для того чтобы объяснить, откуда в Минске большое количество хороших машин и почему многих устраивает существующее положение, почему плакаты о Второй мировой войне не вызывают раздражения, а совсем наоборот, рассказать, что сувениры из соломки — это совсем не плохо, а кроме отечественной одежды, не всегда бесформенной, много и качественного импорта, — пришлось бы рисовать более сложную картину. Такая картина, может быть, послужила бы гораздо более убедительным подтверждением того, что на самом деле происходит в Беларуси.

Однако автор пошел по пути «экономии мышления». Изображая что-то вроде Северной Кореи, он подталкивает читателя к черно-белому восприятию белорусской действительности, в принципе — недоверному.

Практическим воплощением этического принципа социальной справедливости является необходимость постоянно контролировать действия властей, сообщать о фактах коррупции, злоупотреблений должностными полномочиями, ущемления законных прав граждан. История мировой прессы, современ-

ные события в мире масс-медиа ежедневно предоставляют тысячи свидетельств служения прессы общественным интересам, отстаивания прав и свобод граждан перед лицом авторитарных (да и демократических!) режимов. Пресса всегда и везде будет «неудобным», неуступчивым оппонентом власти, потому что руководствуется в своей деятельности интересами всего общества, а не только его малочисленной части — государственных и иных чиновников.

Независимость как этический принцип рассматривается на двух уровнях: независимость редакционная и личная независимость журналиста. Мы снова вынуждены констатировать, что белорусская действительность являет нам образчик попрания и этого основополагающего принципа мировой журналистики: все государственные СМИ на-

Пресса всегда и везде будет «неудобным», неуступчивым оппонентом власти, потому что руководствуется в своей деятельности интересами всего общества, а не только его малочисленной части — государственных и иных чиновников.

мертво спаяны с различными «вертикалями», являются подразделениями идеологических и иных служб. Те же, кто пытается проявить самостоятельность, подвергаются невероятному давлению.

Но отстаивание принципа независимости в других странах также сопряжено с немалыми усилиями и необходимостью постоянной бдительности.

Речь идет о взаимоотношениях журналиста и хозяина медийной организации. Декан Школы журналистики Колумбийского университета Эдвард Баррет советует студентам откладывать из своей зарплаты «иде-вы-к-черту-фонд», чтобы всегда можно было уйти от нанимателя, с которым ты разошелся во взглядах.

На этот счет любопытный параграф имеется в «Кодексе профессиональной этики украинского журналиста». В п. 3 этого документа сказано: «Журналист имеет право отказаться от выполнения задания редакции по подготовке и расширению собственной информации, если ее содержание после редакци-

онной правки претерпел торые противоречат его убеждениям или связаны с нарушением норм профессиональной этики».

Можно все... кроме того, что нельзя

Серьезной этической проблемой является молчаливое согласие многих журналистов с тем, что их «прикармливают». Мы сейчас не говорим о фактах подготовки рекламных материалов, замаскированных под аналитическую статью или репортаж, за которые журналист получил деньги. На сленге это называется скрытой рекламой, или «джинсой», и находится за пределами журналистской этики. Тяжесть преступления заключается в том, что читателя вынуждают принимать за чистую монету то, что выгодно тем или иным производителям, политическим структурам, кланам. Серьезные газеты в таких случаях, заключая сделку с заказчиком и публикуя тенденциозные статьи, откровенно предупреждают аудиторию, что ей предлагаются материалы «на правах рекламы». Так поступала, например, редакция «Белорусской деловой газеты».

Однако негласная «прикормка» журналистов является слишком распространенным явлением, чтобы не обращать на это внимания.

Вот что говорится на этот счет в Кодексе этики профессиональных журналистов США: «Подарки, услуги, бесплатные поездки, особый прием или привилегии могут компрометировать моральную чистоту журналистов и их изданий. Никто не должен принимать дорогие подарки или услуги». Сходное с этим требование содержится в Этическом кодексе для работников прессы, радио и телевидения Швеции: «Не соглашайтесь на оплату ваших поездок, не принимайте другие знаки внимания. Это может всерьез навредить вашей независимости и свободе». По мнению главных редакторов «Ассошиэйтед Пресс», работа по совместительству в других органах информации также может привести к конфликту интересов и ограничению свободы журналиста.

«Дуют на воду», на дальних подступах выстраивают рубежи защиты права журналиста на независимость информационной деятельности?»

Но это совсем не случайно. История американской журналистики знает примеры циничного использования репортерами своего служебного положения в целях личного обогащения. Например, в 1929 году рыночные спекулянты платили журналистам нью-йоркских газет, чтобы те рекламировали определенные акции. В начале 80-х некто Фостер Уинанс устроился в информационную службу компании «Доу-Джонс», а чуть позже был принят на работу в «Уолл-стрит джорнел» в качестве автора популярной колонки «Уличные слухи». Однако Уинанс не устраивала мизерная зарплата журналиста, и он тайком приобрел 400 акций небольшой компании «Американские хирургические центры». Затем поместил в своей колонке положительный отзыв об этой компании. Вскоре после этого журналист согласился за плату уведомлять одного из брокеров об акциях, которые будут упоминаться в его колонке. На этом Уинанс заработал сумму, равную его годовому заработку. Через три года в результате проведенного расследования Уинансу было предъявлено обвинение в мошенничестве, и он был приговорен к тюремному заключению.

Мы приводим много примеров из американской журналистской практики. Потому, что в этой стране (как и в других правовых государствах) проступки журналистов не остаются без оценки — общественной, а то и правовой. Печатные издания и вещательные корпорации сами инициируют расследования подобных прегрешений и обнародуют их результаты. Делается это потому, что для них важнее всего — сохранить свой авторитет надежного источника информации, служащего интересам читателя, зрителя, слушателя. «Подмоченная» репутация — это снижение доверия, как следствие — падение тиражей, соответственно — экономический спад или даже крах.

В нашей белорусской действительности желающих «заработать» на журналистике отнюдь

не меньше. Однако все остается в тени...

Есть и более изощренные формы создания зависимости журналиста от организаций и лиц. Постоянная потребность получить эксклюзивную информацию у своих «источников» нередко ставит журналиста в подневольное положение. Предоставление тех или иных сведений часто оговаривается какими-то условиями, которые могут ограничить неотъемлемые права сотрудника СМИ на беспристрастное, объективное изложение фактов. Эксперты называют такое положение этической ловушкой для журналистов.

Например, одним из частых условий является гарантия анонимности источника, хотя далеко не всегда это обосновано. Укрытый анонимностью, человек, предоставляющий информацию, имеет больше возможностей манипулировать журналистом, а тем самым — и общественным мнением. Специальные опросы среди вашингтонских журналистов показали, что более двух третей из них слишком легко позволяют источнику оставаться в тени.

Именно поэтому Декларация принципов Американского общества редакторов газет предписывает: «Обещание конфиденциальности, данное источнику информации, должно быть сдержано любой ценой, и поэтому его не следует давать легко. Если не существует ясной и насущной потребности в конфиденциальности сообщения, источник информации следует назвать».

Примеры манипулирования прессой со стороны анонимных источников (т. н. «сливы» информации) нередки и в белорусской прессе (как государственной, так и независимой).

С другой стороны, важным элементом журналистской этики является моральная обязанность не разглашать имя человека, предоставившего надежную эксклюзивную информацию, имеющую большое общественное значение. В правовых государствах у журналиста есть возможность не выдавать свои источники информации. Ни полиции, ни следствию, ни прокуратуре, ни спецслужбам — нико-

му. Не меньшую ответственность берет на себя репортер, применяя рискованные методы добычи информации, сопряженные со вторжением в личную жизнь, нарушением тайны переписки, неприкосновенности жилья и т. д. Здесь не может быть раз и навсегда установленных правил.

Если не срабатывают механизмы этического контроля, в некоторых случаях ошибку журналиста разъясняет суд. Однажды Гилберт Дуклос, фоторепортер монреальского журнала «Vico-Versa», на ступеньках какого-то общественного здания сфотографировал школьницу Паскаль Обри... в не совсем приличной позе. Прошло десять (!) лет, и повзрослевшая школьница подала иск с обвинением фотокора в том, что он нарушил ее право на личную жизнь. Суд, удовлетворив иск и оштрафовав репортера, в своем решении отметил, что происшедшее — «нарушение права человека на его образ и, следовательно, является противозаконным, поскольку изображение публикуется без согласия и дает возможность идентифицировать личность человека». При этом в решении суда подчеркивалось, что в данном случае речь не идет о знаменитостях, личная жизнь которых может представлять общественный интерес.

Невозможно перечислить все многообразие ситуаций, сопряженных с необходимостью нравственного выбора для журналиста. Как говорится в этическом кодексе «Ассошиэйтед Пресс», «здравый смысл и разумный подход необходимы для применения этических норм к реалиям жизни газеты».

Однако подобная расплывчатость устраивает не всех, и в журналистской среде не прекращаются дискуссии об установлении более четких границ между этическими нормами и правовыми последствиями профессиональной деятельности. Это свидетельствует о важности этической регуляции и саморегуляции работы прессы для успешного исполнения ею своей роли в обществе.

Не смотрите белорусское телевидение

В силу моих профессиональных обязанностей я должна смотреть БТ (здесь и далее — именно все белорусское телевидение, а не только одноименный канал). В силу профессиональных и личностных качеств — не могу. Это вредно для здоровья — физического и психического.

Ангела БЕЛУШ

Сколько дерьма надо носить в себе, чтобы ежедневно выливать его декалитрами на обесиленных (борьбой за выживание, борьбой с собой, борьбой за президента, борьбой против президента) белорусов во время очередной аналитической программы?

Накануне Нового года мне выпало несчастье увидеть передачу, в которой поливали грязью... Санта Клауса. Речь диктора была на грани безумия: по его словам, накануне Рождества Санта Клаусы множатся, как при мозаичной шизофрении, а их обещания раздать детям подарки «звучат зловеще». В общем, получалось, что Рождество — что-то вроде сектантского заговора Санта Клаусов, желающих разбогатеть на торговле рождественскими подарками.

Я понимаю, что на БТ деньги платят не за добрые слова, но поругание Дедов Морозов (всех мастей), моей веры в чудеса, ужас в глазах моего ребенка, когда он смотрел этот бред, — не прощу.

Тема денег для белорусского телевидения — вообще болезненная. Нельзя столько думать про деньги. Деньги портят людей. БТ портит людей. Ведь на белорусском телевидении прекрасно знают, что белорусы живут, по европейским меркам, на грани нищеты. И белорусы, хотя и очень стараются доверять БТ, все-таки подозревают, что небогаты, что им навязали это обязательство верить в то, что мы живем хорошо.

Белорусская толерантность давно стала мифом, охраняемым государством. Значительная часть белорусов забыла, что такое терпимость к чужому мнению. Противостояние прошло по семьям, как линия фронта. Помню, как 9 Мая прошлого года, на 60-летие Победы, наша семья собралась у деда-фронтовика (уже покойного). Два моих двоюродных брата — военные. А я — журналист независимой

газеты. Ко мне как к сестре они относятся хорошо, а вот ко мне как представителю негосударственной прессы — как к врагу. Расстались мы, так и не подписав перемирие. Потому что они смотрят БТ, они знают, что мы («нечэсныя» журналисты) «зарабатываем кучу денег», «подрываем устой государства», «мечтаем продать Беларусь» (я мало смотрю БТ, поэтому я меньше про себя в курсе). Если бы они знали, сколько зарабатываю я, а сколько — те, кто втюхивает все это в их, дорогие мне, братские головы!.. Ах, мое детство, лето у бабушки, речка в деревне, которая обмелела, как наши чувства. Ах, мои дорогие братья, для которых я, сестра, сегодня — чужая. Я не прощу этого БТ. У белорусов украли ощущение цельности нации, нашу любовь друг к другу, чувство собственного достоинства и, как следствие, уважение к чужому мнению.

Чем ближе выборы, тем больше грязи, агрессии, ненависти к людям других взглядов выливается на головы белорусов. Которые, в свою очередь, выливают ее в автобусах, магазинах, поликлиниках и дома друг на друга. Не смотрите БТ. Когда в Барановичах проходила встреча с Милинкевичем и зал не вместил всех желающих (может, потому, что много было «специально обученных», а также людей «в штатском»), стоявший рядом со мной в коридоре мужчина почему-то вдруг сказал: «Это надо же, украли у всего народа телевидение. У нас же жизнь только по телевидению хорошая».

А я подумала, что само по себе это — полбеды. Самое страшное, что в стране действительно развязана «духовная война», и развязана она на государственном уровне. Почему никто из правозащитников не говорит о разжигании белорусским телевидением социальной розни? Это же фактически преступление против человечества!

На мой взгляд, неуважение к чужому мнению, чужой позиции (как отличительным качеством любой личности) и, как

следствие, неуважение к самой личности — главная (!) черта нынешней власти. Когда глава государства на всенародном собрании называет своих политических оппонентов «дебилами», «отморозками» и т. п., а зал смеется (?!) — это свидетельствует не только о полной потере людьми уважения к другим, но и об утрате чувства собственного достоинства. В то же время сам президент предусмотрительно защищен законом, и сказать ВСЕ ЭТО о нем в ответ — статья Уголовного кодекса. Почувствуйте разницу.

Я с ужасом смотрю на все эти разновидности селекторных соществаний, когда уважаемые, умные люди, государственные мужи, отцы семейств, в конце концов, мужчины — бедные люди! — сидят и встают, опустив головы. Думаю, не столько потому, что боятся нарваться на конструктивную критику главы государства (они — профессионалы — отлично могут объяснить, почему не выполнены, скажем, те же прогнозные показатели). А выглядят они так несчастно, на мой взгляд, потому, что не знают, на какое публичное, прилюдное унижение могут нарваться (на радость таким же униженным — бюрократией, уровнем жизни, белорусским телевидением — людям). На этом построена нынешняя система: каждый в отместку за собственное унижение измывает над другими. Унижение (особенно слабых) — это вовсе не демонстрация силы.

В этом плане показателен вопрос одной женщины на предвыборной встрече с Милинкевичем: «Скажыце, калі ласка, калі вы станеце прэзідэнтам, ці адбудзецца так, што ўсе бараны павінны будучы стаць Мілінкевічамі, а горад наш Баранавічы будзе называцца Мілінкевічамі?» Женщина недвусмысленно намекала на то, что фамилия отца Милинкевича — Баран. А у Милинкевича — фамилия по матери. Казалось бы, ничего такого уж редкого. Тем более что, если верить «КП в Беларуси», у Лука-

шенко тоже фамилия по матери (не потому ли, что у отца неблагозвучная фамилия? Мы мало знаем о президенте). Можно с ужасом представить, что было бы, если бы на месте Милинкевича оказался Лукашенко... Какой беспрецедентный моветон выдала бы эта женщина о тонкостях его появления на свет! Что поделаешь, мы — воины и жертвы этой «духовной войны».

Думаю, не случайно участникам Всебелорусского народного собрания подарили телевизоры. Могли преподнести соковыжималки или велосипеды, микроволновки или компьютеры, но выдали именно телевизоры. Символично. Перефразируя одного писателя, скажу, что если обычно человек верит в реальность, то человек, смотрящий БТ, верит в реальность, которую показывают по телевидению.

Я понимаю, почему средне-статистический белорус, если спросить его неожиданно, о чем он мечтает, скажет: «Я хочу, чтобы не было войны». В мирное время люди желают, чтобы не было войны? Нет, полагаю, правильнее сказать, что они мечтают, чтобы в стране наступил мир. Мы устали от того, что все вокруг — враги, наши соседи — дебилы, дети наших соседей — фашисты. Мы устали от «духовных войн».

Пора остановить эту войну за любовь к президенту.

Президенты уходят, и приходят новые. А нам жить вместе. Нас, белорусов, очень мало — меньше 10 миллионов, и с каждым годом нас становится все меньше. Мы должны любить друг друга, а не власть, которая — лишь средство организации нас как сообщества. Мы должны любить себя такими, какие мы есть, — с разными политическими пристрастиями, разного веса, возраста, цвета волос или совсем лысых. Тем более, что именно от разных людей получают особенно красивые дети.

www.baj.ru

Бесплатно — хоть в «Малиновый Джихад»

Дело было накануне субботника

— *А стамлёныя рукі вольна ўшыркі раскіну...*

Ніл Гілевіч, амаль народная песня

— *Хай бульдозер праедзе па маёй галаве...*

Народныя словы на верш Ніла Гілевіча

Константин СКУРАТОВИЧ

Прошли президентские выборы, и все связанные с ними баталии понемногу забываются. Общественные настроения, с одной стороны (как конфиденциально сообщили автору, на одном из участков «за» проголосовали 91% избирателей), стабилизировались. С другой стороны, неконфиденциально (потому что такую информацию никто и даром не возьмет) — 91% избирателей проголосовали «против». Представляется, что эти взаимоисключающие утверждения ничего общего с реальностью не имеют. Даже если включить в «норму» слепо-глухонемых граждан, а также временно пребывающих на свободе «вялотеку-

щих шизофреников», то речь может идти о каких-то 50–60%.

Вооружившись этим никем не оспариваемым предположением, автор и пустился «в народ». Первый мой собеседник — Володя П., 62 года, работающий пенсионер, стаж — 3 года в ВДВ и 35 лет на тракторном заводе. Он дачник (купил домик в деревне, чтобы оставить минскую квартиру замужней дочери), богач, на взгляд деградирующих туземцев. Выпиваем.

— Что тебя, Володя, мучает?

— А ты знаешь, завтра на субботник, а надо бы баню протопить...

— Так не ходи...

— Контракт не продлят...

— Так скажи начальству, что субботник — дело добровольное...

В ответ — как обухом по голове:

— А я все равно за Лукашенко.

Второй респондент — для интервьюера во всех отношениях более приятный (привлекательная, подходящая по возрасту женщина, работающая в, что называется, малом городке, на должности малооплачиваемой, но включенной в систему «рука руку моет») — рассказала, каких трудов ей стоило устроить дочку в техникум в нынешних нечеловеческих условиях.

Я ей:

— А кто их создал...

В ответ, догадайтесь...

— И все равно я за Лукашенко.

Вот и думай, как и что.

Попробуем. В любой игре, в том числе и политической, бывают грубые нарушения правил, на которые не может закрыть глаза даже самый предвзятый рефери. Если можно «не заметить» очевидный офсайд при взятии ворот дружественной команды, то неудаление с поля защитника, сломавшего ногу самому активному форварду соперников, оправдать практически невозможно. Но существуют вещи менее очевидные в своем совершенстве.

Например, тактика мелкого фола, которая вяжет игроков «гостевой команды» по рукам и ногам. Для иллюстрации сошлемся на историю поголовного «оконтрачивания» работников, активно поддержанного защитниками их же интересов — профсоюзами. Для защиты от

произвола нанимателя, для улучшения отношения работника к труду, короче, для блага всего общества. Никакого массового эффекта контрактная система не дала. Как и в прежние годы, подавляющее большинство покидает предприятия по собственному желанию, в поисках лучших условий и оплаты труда. За нарушение контракта увольняют немногих, но самых активных, и эффект от этого больший, чем от увольнений массовых.

Почему так, ведь аполитичность характерна для любого нормального общества, а демократические институты успешно функционируют, демократические процедуры традиционно исполняются, не вызывая при этом никаких потрясений. Все дело в культуре? Вполне возможно.

Социологи, например, утверждают, что с первого дня первых президентских выборов численность электоральных противников Лукашенко стабильно составляет 25%.

Так и хочется патетически воскликнуть: «Каждый четвертый!» — имея в виду, что это выражение стало для белорусов сакральным. Но этих 25% нет. Нет в парламенте, нет в средствах массовой информации, с ними не обсуждается ни одна общественно значимая проблема, они лишены возможности общаться друг с другом и оппонировать своим противникам.

А раз нет лидеров, то народом можно управлять как толпой.

Никто другого народа не даст

Надо бороться за общественное пространство, а попутно готовить новых, одной крови, лидеров из молодежи. Собственно, это и подтвердил опыт минской весны. Пожалуй, никогда никакая статистика не может достаточно полно описать реальное состояние общественных настроений. Появились лидеры. И те, кто повзрослел, пребывая в незарегистрированном Минюстом «Зубре», и совсем новые, о которых практически никто ничего не знал.

Власть работала в молодежной среде полицейскими методами, в полной мере применяя излюбленную тактику «мелкого фола», но этого оказалось недостаточно, а другое не годилось, другое использовать было нельзя.

Как эта работа проводится, рассказали письма читателей.

Их очень заинтересовала статья о БРСМ. Приведу пару цитат по этому поводу, взятых из нашего интернет-форума: «Пришел дяденька из ректората и сказал, что если не будут выполнены нормы по вступлению, то, как минимум, всех преподавателей лишат премии, а как максимум — полностью сменят руководство факультета. Поэтому замдекана тактично попросил всех по возможности вступить. Я сказал, что денег никаких пла-

тить не буду и никуда ходить тоже не буду, а так — хоть в «Малиновый Джихад».

Деньги на взносы и оформление деканат выделил из собственных средств. В параллельной группе староста, не долго думая, просто «вступила» первых 15 человек по журналу — и все...

За три года своего членства (может, уже и нет, ибо взносов я никаких не плачу, да особо никто и не просил) я ни разу не почувствовал хоть какого-то влияния этой конторки на мою жизнь: ни на какие акции никогда не собирали, ни к чему не привлекали. Зачем я им нужен в их рядах — для меня загадка...

«Нас в школе тоже заставляли вступить... Дошло до идиотизма: сказали, что тех, кто не член(ка) БРСМ, в универ не возьмут... типа как в советские времена (уж точно не знаю, как и что тогда было)... Но запугать не получилось, только пару человек из-за всяких обещанных скидок вступили».

«Уже сейчас слышал, что в первую очередь в универе общаги дают тем, кто вступил. Вот один плохо учится, ему после сессии дают общагу, т. к. он вступил. Другой мой знакомый хорошо учится, но общагу не дают, т. к. не вступил».

«Благо, я училась в гимназии, а там хоть и пудрили мозги, но заставить всех не смогли. Зато моя знакомая из простой школы, после которой все идут в хабзу, рассказала про так называемое «добровольно-принудительное» вступление. Поставили условие: не вступаете в БРСМ — испортим вам аттестаты так, что никуда не поступите. Вступили все, т. к. аттестаты и так не шибко какие были. Там, где учусь я, тоже заикнулись про БРСМ. Но меня никак не завербовали».

Все это я для того пишу, чтобы те политики, которые склонны оправдывать свои поражения исключительно ссылками на особый менталитет белорусского народа, задумались. А социологи, с помощью которых этот миф создавался, пересмот-

рели свой исследовательский инструментарий. Может, не все в методиках, разработанных в демократических странах, пригодно для применения у нас. И может, дело не столько в ментальности, сколько в созданных правилах игры.

Это и кухарка знает

Говоря о методах изучения общественного мнения, один из первых преуспевших в этом деле исследователей, американец Дж. Гэллап, выразился так: «Если хорошо помешать суп, повар попробует одну ложку и скажет, какой вкус у всего горшка».

О полной корректности данной аналогии говорят факты. Под руководством Гэллапа в 1936 году во время президентской избирательной кампании был проведен выборочный опрос и взято несколько тысяч интервью, что позволило предсказать конечный результат «с точностью до миллиметра». В то же время популярнейший журнал «Литерари Дайджест», который пользовался наибольшим влиянием в этой области, на основании колоссального исследования с почтовым анкетированием 10 млн. читателей (!) подготовил неверный прогноз.

Таким образом был продемонстрирован огромный потенциал репрезентативной выборки, позволяющей через малое представительство (микромодель) судить об общем (макромодель). Но такая стратегия может быть эффективной только в демократическом обществе, где на самом деле реализуется право каждого на объективную, полную и достоверную информацию. То есть суп хорошо перемешивается.

Иное дело у нас, где, как знает даже самый нерадивый студент кулинарного техникума, «со дна пожиже» достается начальству и близким людям, а разбавленная водой перловка — рядовому составу. Поэтому и суждения о вкусе супа разные: одни думают, что его в основном готовят из мяса, другие — что из кипятка, маргарина и разваренной крупы. Понят-

но, что вторых гораздо больше, чем первых. И когда «вторых» спрашивают, какое мясо предпочтительнее класть в суп, они испытывают недоумение. Какое такое мясо, если суп состоит из крупы и воды? И поскольку чувство голода конкретно, а его удовлетворяют только таким продуктом, то у него и самый высокий уровень предпочтений (рейтинг). А мясо — абстракция, про которую можно сказать: видал, как дядя едал.

В жизни, разумеется, все сложнее. Тем не менее наши исследователи, если оставить в стороне тему ангажированности, применяют для зондажа общественного мнения западные методики, которые пригодны только в демократическом обществе. А в переходном, тем более авторитарном, они дают недостоверные результаты. С этим столкнулись немецкие социологи в бывшей ГДР и пришли к выводу, что исследование общественного мнения на востоке — весьма сложная задача. Так, многие восточные немцы оценивают существовавшую при социализме среднюю школу выше, чем нынешнюю, либеральную. Оказывается, потому, что в ней, как и во всей социалистической экономике, господствовали приписки. Поэтому родителям можно было не слишком беспокоиться: «тройку» ребенку всегда выведут. А сейчас педагоги этого не делают. И требуют от родителей ответственного отношения к воспитанию детей. Не каждому это по нутру.

На этом, собственно, можно было поставить точку. Как говорится, умному достаточно. Но хотелось бы подчеркнуть: к рейтингам надо относиться так, как они того заслуживают. И иметь в виду, что очень часто они представляются публике как инструменты все той же доведенной до совершенства тактики мелкого фола.

Значит, одним не надо впадать в панику, другим — погружаться в эйфорию.

Надо помнить о тактике и думать о том, какие средства в политике хороши.

Беларусы Літвы

Іонас ЛАЎРЫНАВІЧУС, Вільнюс

Іонас Лаўрынавічус — рэдактар беларускіх праграм Літоўскага нацыянальнага радыё: штодзённай 10-хвіліннай перадачы «Навіны для беларусаў Літвы» — са студзеня 1992 г. па кастрычнік 2003 г., і штоднёвай паўгадзіннай «Тутэйшы час» — цяпер. Нарадзіўся ў г. Казлу Руда пад Каўнасам. Вырас і пачаў працаваць у Расіі. Вучыўся ў Беларусі. Пасля аднаўлення незалежнасці Літвы вярнуўся зям'ёй на радзіму.

Пра што сведчыць статыстыка

Згодна з перапісам 2001 г., у Літве пражывае блізу 55 тысячаў беларусаў (прыкладна на 8 тысячаў менш, чым у 1989-м) — каля 1,5% ад усяго насельніцтва. Сёння гэта чацвёртая па колькасці нацыянальная група ў Літве — пасля літоўцаў (81%), палякаў (7%) і рускіх (6%). Найбольш беларусаў — у сталічным гарадскім раёне Наўеі Вільня (паводле

Стварэнне кафедры беларусістыкі — якасна новая з'ява ў беларускай адукацыі Літвы.

дадзеных 1989 г. — 10,9% ад усяго насельніцтва; па Вільнюсе ў цэлым — 5,3%), а таксама ў Ігналінскім (7,5%), Швянчонскім (5,5%), Вільнюскім (4,7%), Тракайскім (4,1%), Шальчынінскім (3,8%) раёнах. З гарадоў Літвы найбольшая

канцэнтрацыя нашых землякоў — у Друскінінкай (3,8%) і Клайпедзе (2,7%). Кампактна, амаль суцэльнымі вёскамі, беларусы пражываюць на паўднёвай ускраіне Варэнскага раёна. Трэба мець на ўвазе, праўда, што афіцыйны перапіс насельніцтва фіксуе так званых «пашпартных» беларусаў і не ўлічвае масы жыхароў Віленскага краю, якія ў побыце размаўляюць «па-тутэйшаму».

Нават гэты фармальны паказчык ілюструе, наколькі неакрэсленай у культурна-этнаграфічным плане ёсць сёння самаідэнтыфікацыя тутэйшых беларусаў.

Адраджэнне

Складаная гісторыя рэгіёна, вызначаная сутыкненнем каталіцкай і праваслаўнай цывілізацыяў і перакрываваннем тут вялікіх геапалітычных інтарэсаў, робіць яго ўнікаль-

Ансамбль «Спадчына». 1998 г.

ным абшарам у этнакультурных, моўных, светапоглядных адносінах. Беларусы, нягледзячы на 50-гадовае брутальнае вынішчэнне іх культуры і мовы ў савецкую эпоху, не страцілі сябе і здолелі пры тых магчымасцях, што далі ім гарбачоўская пера-

У Вільнюсе ўжо другое дзесяцігоддзе дзейнічае адзіная ў замежжы сярэдня беларуская школа імя Ф. Скарыны, якая ставіць мэтай працягваць традыцыі міжваеннай Віленскай беларускай гімназіі, у педагагічным універсітэце кафедры бела-

нацыянальных меншасцей і эміграцыі, амбасады Беларусі ў Літве і літоўскай адміністрацыі ў рэгіёнах. Актыўны ўдзел у імпрэзах бяруць самадзейныя выканаўцы з зямляцкіх абшчынаў усёй Літвы, і кожны год святы ладзяцца ў іншым горадзе: у

Дзень беларускай гімназіі. 2004 г.

будова і адраджэнне Літвы, аднавіць прынамсі асноўныя элементы сваёй былой сацыяльнай структуры: у сферах асветы і адукацыі, культуры, сродкаў інфармавання грамадства, у веравызнанні. А ў нечым нават і пераўзышлі дасягнуты калісьці ўзровень.

Вялікую даніну павягі ў сувязі з гэтым трэба аддаць надзвычай актыўнай кагорце энтузіястаў (многія з якіх ужо адышлі ад нас) — Лявону Луцкевічу, Хведару Нюньку, Лявону Каралю, Юрыю Зімніцкаму, Уладасу Банайтысу, Валянціну Стэху, Міраславе Русак, Сцяпану Дуж-Душэўскаму, Мікалаю Рулінскаму, Лявону Мурашку, Галіне Сівалавай, Лілеі Плыгаўцы, Галіне Войцік-Луцкевіч, Аляксею Анішчыку і многім іншым патрыётам роднай культуры і мовы, чымі намаганнямі ў значнай ступені адроджаная інфраструктура беларушчыны на Віленшчыне і ва ўсёй Літве.

русістыкі (гэта — ужо якасна новая з’ява ў беларускай адукацыі Літвы). У горадзе атамшчыкаў Вісагінасе зроблена спроба ўвесці беларускія класы, у партывай Клайпедзе дзейнічае нядзельная школа, у Шальчынінкай рыхтуюцца да адкрыцця факультатыву роднай мовы.

Практычна ва ўсіх рэгіёнах краіны працуюць каля 20 зямляцкіх суполак на чале з выдатнымі актывістамі. Кожная з іх вартая асобнага расповеду. Суполкі паяднаныя ў Згуртаванні беларускіх грамадскіх арганізацый Літвы, якім кіруе вядомы спявак, заслужаны артыст Літвы Лявон Мурашка. Намаганнямі суполак — чальцоў Згуртавання па ўсёй Літве штогод ладзяцца беларускія культурніцкія імпрэзы (Каляды, Вялікдзень, Купалле і інш.), праводзяцца Уселітоўскія святы беларускай песні пры падтрымцы Дэпартамента Літвы па справах

Вільнюсе, Вісагінасе, Шальчынінкай, Друскінінкай, Клайпедзе, Шаўляй, Паневяжысе...

Дарэчы, у Шальчынінкай нарадзілася ўжо і традыцыя рэгіянальных беларускіх святаў песні. Тады на роднай мове спявае ўвесь раён, які афіцыйна лічыцца польскамоўным...

Таварыства беларускай культуры ў Літве (ТБК) пад кіраўніцтвам Хведара Нюнькі, якое дзейнічае асобна ад Згуртавання, робіць акцэнт на культурна-асветніцкай працы,

Беларусы выяўляюць сябе практычна ва ўсіх галінах дзейнасці Літоўскай дзяржавы і рэпрэзэнтаваныя на ўсіх узроўнях грамадства.

прапагандуе нацыянальна-дзяржаўныя каштоўнасці, адзначае беларускую прысутнасць на Віленшчыне мемарыяльнымі дошкамі выбітным дзеячам гісторыі і культуры, даглядае іх магілы і помнікі, ладзіць святы незалеж-

най Беларусі, юбілеі знакамітых землякоў, нярэдка запрашаючы навукоўцаў, палітыкаў, творцаў, у тым ліку і з Беларусі.

Таварыства беларускай мовы (ТБМ) Віленшчыны на чале з Юрыем Гілём прыклала шмат намаганняў для адраджэння памяці класіка беларускай літаратуры Францішка Багушэвіча ў наваколлях вёскі Свіроніс (Свіраны) Вільнюскага раёна, дзе ён нарадзіўся. У доме культуры вёскі Савічунай сумесна са Згуртаваннем створана экспазіцыя, прысвечаная паэту, адна з вуліц названая яго імем, пра што сведчыць мемарыяльная дошка.

Гэтыя і іншыя беларускія асяродкі, кожны па-свойму, спрычыняюцца да прапаганды і развіцця традыцый беларушчыны на Віленшчыне і ва ўсёй Літве.

На Нацыянальным тэлебачанні Літвы штотыднёва выходзіць у эфір 15-хвілінная перадача «Віленскі сшытак» (рэдактар Тацяна Дубавец). Літоўскае радыё акрамя праграмы «Тутэйшы час» транслюе яшчэ і паўгадзінку «Для вас, суайчыннікі», якую рыхтуе калектыў няштатных аўтараў на чале з Галінай Войцік-Луцкевіч. У сталіцы таксама друкуецца бела-

руская газета «Рунь» (раней — як выданне ТБК, а цяпер самастойна), якую рэдагуе Алег Мінкін, дзейнічае і аднайменнае кніжнае выдавецтва. Паводле апошняй інфармацыі, рыхтуецца да выпуску першы нумар бюлетэня Згуртавання беларускіх грамадскіх арганізацый Літвы.

Некалькі год таму беларусы дамагліся зрухаў і ў рэлігійных справах: кіраўніцтва Віленскага каталіцкага архібіскупства выдзеліла ім касцёл Святога Барталамея ў сталічным раёне Ужупіс (Зарэчча) для багаслужбаў на роднай мове. Іх канцэлябуе святар Ян Шуткевіч. Да нядаўняга часу такія службы ладзіліся і протаіерэем праваслаўнай царквы Святога Мікалая, што каля Ратушнай плошчы, айцом Васілём Навінскім, але цяпер яны спыненыя з прычыны нізкай актыўнасці вернікаў. У Каўнасе для уніяцкай беларускай абшчыны багаслужбы штомесяц адпраўляе святар Ян Даўкшыс.

Супольнасць і суполкі

Паводле сацыяльнай прыналежнасці беларусы Літвы — людзі розных прафесій і занят-

каў: ад сялян і рабочых да інжынераў, адміністрацыйных кіраўнікоў і членаў Сейма, ад настаўнікаў да навукоўцаў, ад палітыкаў да людзей мастацтва, ад святароў да журналістаў. З гэтага факта для мяне як вядучага радыёпраграмы вынікае неабходнасць адлюстроўваць жыццё беларусаў як пэўнай, хаця і не адмежаванай ад усяго грамадства, супольнасці.

Падставу для такой высновы даюць і шырокі спектр паяднан-

На жаль, рэгіянальныя з'езды беларусаў Балтыі праводзяцца з улікам палітычных сімпатый і антыпатыі іх удзельнікаў.

ня нашых землякоў па інтарэсах, і геаграфічная разгалінаванасць іх суполак, і вельмі высокая актыўнасць на мяккі адрозніваць культуры, моў і менталітэтаў. Аднак — і вялікі сацыяльны дынамізм. Беларусы выяўляюць сябе практычна ва ўсіх галінах дзейнасці Літоўскай дзяржавы і рэпрэзэнтаваныя на ўсіх узроўнях грамадства. Таму для іх аб'ектыўна актуальныя праблемы, якімі жыве ўся краіна — ад геапалітычных пытанняў (уключаючы і нюансы памежнага і візавага рэжыму паміж дзвюма нашымі дзяржавамі) да маштаб-

Пікет сябраў ТБК

ных сацыяльных задач — такіх, напрыклад, як рэформы ў сферах эканомікі, адукацыі, медыцыны, сацыяльнай аховы. Вялікая цікавасць, вядома, і да спраў гаспадарчых — запланаванага ў сувязі з уступленнем Літвы ў Еўрасаюз закрыцця Ігналінскай атамнай электрастанцыі, эфектыўнасці працы Мажэйскага нафтапрапрацоўчага завода, Клайпедскага марскога порта, сельскагаспадарчай вытворчасці... Бо ва ўсіх гэтых сферах працуе шмат беларусаў.

Культурніцкая інфраструктура супольнасці нашых землякоў адпавядае іх сацыяльнай ролі. У сталіцы Літвы дзейнічаюць беларускі клуб «Сябрына», таварыства беларускай культуры, беларускай мовы, беларускай школы, беларускіх мастакоў, беларусаў — былых палітвязняў і

рокая сетка фірм-дылераў у Літве гандлюе беларускай прадукцыяй, а нядаўна заснаваная і літоўска-беларуская Асацыяцыя прадпрымальнікаў...

Вядома, не ўсе названыя структуры дзейнічаюць аднолькава паспяхова і інтэнсіўна, аднак

У Літве прыняты і дзейнічаюць адным з найбольш дэмакратычных у Еўропе закон аб нацыянальных меншасцях.

беларуская грамадскасць атрымлівае з іх дапамогай умовы для самарэалізацыі не толькі ў сталіцы, але і ў правінцыі. І нярэдка вельмі ўдала скарыстоўвае іх.

Нягледзячы на відавочныя поспехі руху, праблема кансалідацыі ўсяго зямляцтва ацэньваецца самімі беларусамі як адна з актуальных. Канстатуюцца, па-першае, разрывы ў па-

кальсіці планаваў стварыць тут беларускую школу. А пра адкрыццё школ з адукацыяй на роднай мове ў сельскіх Вільнюскім і Шальчынінскім раёнах «галасоў знізу» нават і не чуваць.

Прычын шмат — ад гістарычных да кан'юктурных, ад матэрыяльных да маральна-псіхалагічных, ад аб'ектыўна абумоўленых да суб'ектыўных.

Па-другое, розныя погляды на сітуацыю ў беларускай супольнасці Літвы вызначаюць і розныя алгарытмы паводзінаў асобных лідэраў. Адны, што называецца, «ідуць у людзі». Іншыя бачаць сваё прызначэнне найперш у падтрыманні высокага інтэлектуальнага ўзроўню зладжаных імі імпрэзаў і сацыяльнай адказнасці за Баць-

Паседжанне ТБК. 2000 г.

ссылных. У гарадах Шальчынінкай і Вісагінас працуюць беларускія культурніцкія цэнтры. Зямляцкія абшчыны створаны ва ўсіх пяці гарадах-столячых Літвы — Вільнюсе, Каўнасе, Клайпедзе, Шаўляй, Паневяжысу, у традыцыйных для беларусаў цэнтрах Усходняй і Паўднёвай Літвы (акрамя памянёных — гэта Швянчоніс, Пабрадзе, Тракай). Досыць шы-

тэнцыяле сацыяльнай актыўнасці паміж вельмі дзейнай групай лідэраў і той масай людзей, якім гэтая дзейнасць прызначаецца. Нізкая актыўнасць бацькоў абумоўлівае тое, што колькасць вучняў у беларускай школе застаецца на стабільна невысокім узроўні. А два гады таму зачынены адзіны беларускі дзіцячы садок у сталіцы. І ў Вісагінасе пакрысе згасае энтузіязм тых, хто

каўшчыну. На жаль, пры рэалізацыі такіх відавочна ўзаемадапаўняльных аспектаў дзейнасці адзінства няма. Пэўную ролю ў гэтым адыгрываюць і асабістыя амбіцыі, але найперш уплываюць розныя ацэнкі таго, як і чым жыве сёння Беларусь. Да таго ж стратэгію асобных беларускіх арганізацый нярэдка вызначаюць іх фінансавыя магчымасці, часта залежныя ад

Хор «Сябрына». 2000 г.

падтрымкі з боку беларускай адміністрацыі. Не аднолькава ацэньваецца ў розных зямляцкіх арганізацыях і актыўная роля амбасады Рэспублікі Беларусь у жыцці зямляцкіх суполак Літвы і пашырэнні іх сеткі.

У выніку, на жаль, не толькі паасобку адзначаюцца агульнанацыянальныя святы, але нават і рэгіянальныя з'езды беларусаў Балты праводзяцца з улікам палітычных сімпатый і антыпатыі іх удзельнікаў.

З усяго сказанага вынікае адна бясспрэчная выснова, якой і даводзіцца кіравацца ў журналісцкай працы: праблемы беларускай супольнасці ў Літве сёння пакуль яшчэ не вычэрпваюцца дзейнасцю асобных суполак. Таму, распавядаючы пра жыццё той альбо іншай абшчыны, правядзенне канкрэтных акцый, мерапрыемстваў і да т. п., трэба заўсёды мець на ўвазе агульнабеларускі кантэкст — як у Літве, так і на Бацькаўшчыне.

Літоўская дзяржава і беларусы

Беларусы, як і іншыя нацыянальныя групы, карыстаюцца роўнымі правамі з усімі грамадзянамі Літвы. Прыняты ў 1991 г. «нулявы» варыянт атры-

мання грамадзянства даў магчымасць усім тагачасным жыхарам краіны, незалежна ад нацыянальнасці, ведання дзяржаўнай мовы, гісторыі і канстытуцыі, набыць усе правы (адпаведна, і абавязкі), звязаныя з гэтым. Чым скарысталася і абсалютная большасць тутэйшых беларусаў.

У Літве прыняты і дзейнічаюць прызнаны адным з найбольш дэмакратычных у Еўропе закон аб нацыянальных меншасцях.

Закон аб адукацыі прадугледжвае магчымасці для стварэння школ на мовах нацыянальных абшчынаў — у выпадку выканання імі неабходных для гэтага патрабаванняў. Вынікі выкарыстання гэтых магчымасцей мы і бачым у дзейнасці беларусаў Літвы.

Дэпартамент нацыянальных меншасцей і эміграцыі Літвы ў цесным кантакце з Дзяржкамітэтам Беларусі па справах рэлігій і нацыянальных меншасцей на практыцы ажыццяўляюць прыныцы парытэту пры забеспячэнні правоў сваіх суродзічаў у суседняй дзяржаве. У Беларускім дзяржаўным педуніверсітэце імя М. Танка пяць год таму пачаў дзейнічаць курс літуаністыкі. На Гарадзеншчыне працуюць дзве літоўскамоўныя сярэднія школы, адна з якіх, Гярвяцкая на

Астравеччыне, як і беларуская ў Літве, ёсць дзяржаўнай, а другая, у вёсцы Пеляса Воранаўскага раёна, — прыватная. (Беларусы прыватнай школы ў Літве не маюць.) Дасягнутая і рэалізуецца міждзяржаўная дамоўленасць аб квотах для студэнтаў-выпускнікоў беларускай школы ў Літве пры паступленні ў вышэйшыя навучальныя ўстановы Беларусі і выпускнікоў літоўскіх школ Беларусі — у ВНУ Літвы. Мэта — стымуляваць навучанне дзяцей абедзвюх нацыянальнасцей на роднай мове. Ажыццяўляецца шырокі двухбаковы абмен у сферах культуры, навукі, мастацтва.

Як і любы дынамічны працэс, гэты таксама не пазбаўлены праблем, але відавочна, што ў духу ўзаемнай добразычлівасці ўсе яны вырашальныя.

Адным з надзённых пытанняў у сваіх стасунках з уладай беларусы Літвы лічаць перспектыву аднаўлення Віленскага музея імя І. Луцкевіча. Стадыя канцэптуальнага асэнсавання праблемы ў асяродку зямляцтва і досыць розныя погляды на яе з боку афіцыйных асобаў абяцаюць тут цікавае развіццё падзей.

Фота Галіны Канаэшвіч

Віталь СЯМАШКА

Удзячны вучань Клію, альбо Чалавек, які вярнуў сапраўдны ўзрост Лідзе

За спінай у майго героя вірлівая маладосць і залатыя горы. У літаральным сэнсе. Ён геолог па прафесіі, мае чырвоны дыплом Маскоўскага ўніверсітэта. У 27 гадоў у Алма-Аце абараніў кандыдацкую дысертацыю — акурат па паходжанні залатых россыпаў. Побач з пустыняй Каратау адкрыў чатыры радовішчы золата. 19 экспедыцый, што ператварыліся ў экстрэмальны турызм. Працаваў на 16–18 гадзін пры +35°C. Усё папярэдняе жыццё ён скакаў вышэй за галаву. Зноў жа — у літаральным сэнсе. Пры росце за 160 браў планку 175–180 см. Займаўся лыжамі, штангай.

Зрэшты, набытая воля ды ўпартасць уратавалі яму жыццё. У адной з экспедыцый зламаўся самаход. Да бліжэйшага жылта наўпрост было тупаць 50 км па пакручастых схілах, дзе б іх, хутчэй за ўсё, не знайшлі. Вырашылі рушыць па вязлюднай дарозе. З раніцы да васьмі вечара адолелі 100 км. Пасля гэтага правёў чатыры дні лежма. Не варушыліся ногі.

— Сніліся зялёныя ялінкі, траўка. Прачнуся — змакрэлая ад слёз падушка. Зразумеў, што час вяртацца дадому, — узгадвае ён сёння.

На пачатку перабудовы спрабаваў займацца оптавым гандлем, бульбай ды мэбляй. Але яго, як кажучь, «кінулі» тыя, хто мае больш грошай ды ўлады. Між іншым, пра папярэдняе жыццё ўзгадваць не любіць. Хіба што за келіхам распавядзе пра дзеда-шляхціца, які да прыходу за ім энкавэдыстаў закапаў радавое золата, але нікому не паспеў расказаць — дзе.

З пачаткам працы навуковым супрацоўнікам у Лідскім краязнаўчым музеі ды заснаваннем восем гадоў таму ўнікальнага рэгіянальнага часопіса «Лідскі летапісец» Валеры цалкам падпаў пад уплыў багіні гісторыі Клію.

— Сліўкін «памешаны» на гісторыі, краязнаўстве. Калі збіралі матэрыял для першага нумара, высветлілася, што не надта шмат мы пра гэтую Ліду ведаем. А сёння ў часопісе такія аб'ёмы інфармацыі, што не хапае старонак. Дзякуючы Сліўкіну сёння лідчукам ёсць кім ды чым ганарыцца, — кажа паэт ды журналіст Станіслаў Суднік. — Гэтаму гораду неўза-

баве споўніцца 700 гадоў, і за гэты час тут такога нарабілі, што 700 гадоў апісаць трэба.

Калі казаць пра «нарабілі» ў дачыненні да года заснавання, дык гэта чыстая праўда. У савецкія часы Ліду «зрабілі» на 57 гадоў маладзейшай. У 1980-м у мясцовых камуністаў з'явіўся шанц атрымаць ордэн «Знак Пашаны» з Масквы. Падставай мусіла стаць фальшывае

600-годдзе. Тагачасны першы сакратар гаркома КПБ Надзея Папова замітусілася, знайшла падтрымку нават найвядомейшых даследчыкаў Адама Мальдзіса ды Анатоля Грыцкевіча. Аднак Валеры Сліўкін

здзейсніў тады «змах» на самых «крутых» аўтарытэтаў — гісторыкаў Беларусі. І выйграў!

А было так. Падчас працы ў архівах Вільні, Мінска, Масквы ў Валерыя з'явілася шмат альтэрнатыўнай інфармацыі з розных крыніцаў. Апошняя кропкай стаў запылены фаліант на старапольскай мове, знойдзены ў музейным сховішчы. Яго дапамог перакласці магістр філалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, лідчук Гебельт, цяпер ужо нябожчык. У выніку сапраўднасць даследаванняў Сліўкіна сёння пацверджана Нацыянальнай акадэміяй навук.

Ці, да прыкладу, баяліся афіцыйна прызнаць старажытны герб Ліды. У часы ВКЛ Жыгімонт Ваза даў княскаму гораду адмысловы сімвал — ільва, які сядзеў на задніх лапах, а ў пярдніх трымаў ключы. Усё гэта на блакітным, нібы нябесным, фоне.

Але ў 1842-м расійскія ўлады прыдумалі «новы» варыянт — перавязаны сноп з сярпом на зялёным полі. «Я падазраю, Саветы садралі свой дзяржаўны герб з колішняга расійскага герба Ліды. Хіба што дадалі молат», — смеецца Сліўкін.

Гартаю падшыўкі «Лідскага летапісца», публікацыі Валерыя

ў друку. Ажывае гісторыя, пра якую раней не ведалі. Да прыкладу, ніколі не даследаваліся падзеі паўстання Тадэвуша Касцюшкі на Лідчыне. Аказваецца, аднак, расійскія войскі ў тыя часы бралі горад штурмам, і 300 паўстанцаў на чале са старастам Сцыпіёнам дэ Кампэ былі забітыя. А вось спіс тутэйшай шляхты, рэпрэсаванай пасля паўстання Кастуся Каліноўскага. Вось яшчэ адна адмысловая праца Валерыя — «Хрысціянства на Лідчыне»... Дослед пра папличніка Андрэя Сахараву Мігдала, таксама лідчука. Дый хіба ўсё пералічыш...

— Ён па складзе характару навуковец — пакуль да апошняй коскі якую-небудзь падзею, імя не дакапае, не хоча аддаваць матэрыял у друк. Я ўжо з ім сваруся: гранкі зраблю, а ён ізноў пачынае выпраўляць. Ён да фактаў ставіцца аднолькава, незалежна ад таго, «дрэнныя» яны ці «добрыя». Ён мкнецца Яе Вялікасць Гісторыю падаваць такой, якая яна ёсць, — разважае рэдактар часопіса Станіслаў Суднік.

Мякка кажучы, гэта не ўсім даспадобы. Анатоць Кулеш, былы выкладчык геаграфіі, які на пенсіі заняўся кразнаўствам ды журналістыкай, не перастае па-добраму абурацца пазіцыяй Сліўкіна, які публічна назваў адзін з яго артыкулаў «гістарычным трызненнем». Хаця і сам Анатоць Фёдаравіч у размове са мной мусіў прызнаць, што дапусціў недакладнасць.

— Паверыў такому ж кразнаўцу, як сам, ды напісаў, што каля вёскі Дакудава ў часы Паўночнай вайны пры пераправе падчас бою паміж расійцамі ды шведамі ледзь не ўтапіўся Карл XII, шведскі кароль...

У дзень, калі мы сустракаліся, Валерыя, этнічны беларус, збіраўся на сход мясцовых яўрэяў, дзе мусілі абмяркоўваць сімха-тору. Разам з Уладзімірам Мурахверам, легендарным шкловыдзімальшчыкам з Бярозаўкі, залатым медалістам выставаў ад Осакі да Манрэалю. Той распавёў мне, што на Дзяды падчас шматлюднай трызны па шасці тысячач

нявінна забітых пад Лідай яўрэяў Сліўкін першым выйшаў да трыбуны.

— Ён гаварыў настолькі нязбытныя словы, называў рэчы сваімі імёнамі — мяне гэта ўразіла! І я ўспомніў яго артыкулы, пераадолеў сваю далікатнасць і падышоў, так мы пазнаёміліся, — узгадвае суразмоўца.

Уласна, і са сваёй апошняй жонкай Наталляй — ягоны шлюб не першы — сустрэўся, як кажуць, па справе. Пазнаёміліся падчас супольных вандровак, калі стваралі кразнаўчы музей у мястэчку Дзітва, дзе яна працуе...

Адзінае, ад чаго ён старанна трымаецца на адлегласці, гэта ўлады. Хаця аднойчы выручыў іх пры падрыхтоўцы кнігі-хронікі «Памяць». «Завалілі», як кажуць, вертыкальныя кадры справу, і Сліўкіну давялося тэрмінова пісаць многія раздзелы. Тым не менш колішні галоўны мясцовы кіраўнік неаднаразова патрабаваў «прыбраць» яго з музея. Чаму, зразумей, калі слухаў Марыну Багдановіч. На апошніх выбарах у Палату прадстаўнікоў яна замяніла знятага ўладамі здыстанцыі Сяргея Скрабца. Яна лічыць сябе вучаніцай Сліўкіна.

— Сліўкін — скала, якую не абыдзеш, — кажа яна. — У яго кабінет можна зайсці ў любы час — і абавязкова сустрэнеш каго-небудзь, у каго гэткая ж неабываявая пазіцыя. Ён здолеў выцягнуць з мяне тое, што было схавана ўнутры, — моцны характар, пачуццё справядлівасці. Дробны штрых. На выхадныя прыезджаю да Сліўкіна дахаты. У яго людзі, што прайшлі праз канцлагер. І разумею, што, калі ёсць людзі, якія ахвяруюць, памятаюць, значыць, трэба быць разам з імі. Праз год я прыйшла ў апазіцыю, уступіла ў АГП...

Камп'ютэр Валерыя Сліўкіна захоўвае больш за сотню спаведзяў жыхароў Лідчыны розных гадоў — неацэнены пакуль скарб. Але да жыцця ён ставіцца як да «бясконцага бегу на доўгую дыстанцыю» — паводле Камю. Ён хапаецца шмат за што — збірае музейныя экспанаты, фотаздымкі, рэдкія кнігі. Ён заўжды можа нешта падка-

заць. Намесніца дырэктара лідскай бібліятэчнай сістэмы Тамара Зенюкевіч распавяла, што не было ніводнай згадкі пра сляды Янкі Купалы на Лідчыне. Сліўкін раскапаў у газетач 1939-га, што тады ў кінатэатры «Эдысан» адбылася сустрэча са славытым паэтам, пасля якой ён запрасіў мясцовых літаратараў «на чарачку» ў «амерыканку», як тады называлі тутэйшую рэстарачку...

Напрыканцы гутарым з Валерыем пра тое, што магло б спрыяць росквіту і што, наадварот, вядзе да заняпаду народа ды дзяржавы. Гэта ягоны «канёк». І маналог Валерыя варты падаць цалкам:

— Тое, што наш этнагенез не завершыўся, няма сумневу. Мы на мяжы паміж еўрапейскай цывілізацыяй і візантыйска-татар-мангольскай. Мы ў сабе нясем і канфесійную мяжу — мы уніаты, праваслаўныя, кальвіністы, католікі. Мы доўгі час жылі побач з яўрэямі, і яны перадалі нам не толькі кроў, але і рысы характару: абы было ціха, абы як-небудзь, яшчэ пацерпім, а тады стане як мае быць. І французскія, шведскія жаўнеры направа-налева тут хадзілі, і татары гвалтавалі нашых жанчын. Мы — адбітак усіх ідэяў, што ішлі як з Захаду, так і з Усходу. Таму ментальнасць наша адметная. Мы ніколі не мелі свайго чынавенства, купцоў, прамыслоўцаў. Жылі толькі на зямлі, належалі панам, кралі ў іх тое, што дрэнна ляжала. Ёсць гэткая лідская прымаўка: украсці пэнкне, схаваць ладне, дык як з неба падне... Хаця калісьці была талака, але засталася кланавая. Як у тых магнатаў: кожны Патоцкі, кожны Тызенгаўз. Мусіць нарадзіцца інтэлігенцыя — яна зараз толькі першага калена, малалісьменная. Усяму свой час. Заўжды ўважліва ўглядаюся ў адкрытыя вочы падлеткаў, што наведваюць музей. Ім трэба зусім няшмат — крыху закону, прасторы, выйсця на замежжа. І той леў з герба Лідчыны стане на лапы, і ключы ўжо будуць у нашых руках. Я ў гэта веру і не сумняваюся, што так будзе.